

Владимир Бахтин

ОТ БЫЛИНЫ ДО СЧИТАЛКИ

Рассказы о жанрах фольклора,
о встречах с интересными исполнителями,
о собирателях фольклора

Детская литература
Ленинград
1982

НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО

У кого какое занятие, у кого какая любовь. Я вот всю жизнь занимаюсь собиранием произведений устного народного творчества и больше всего это и люблю.

Я люблю в одиночку приехать в какую-нибудь незнакомую деревню. Начинаешь обживать. Люди спрашивают, интересуются: зачем, мол, пожаловали? И очень удивляются, что приехал за песнями, за сказками, за частушками. Объясняю, как важно записать и сохранить старое, то, что постепенно уходит из жизни.

— Зачем? — возражают. — Вон наши песни на пластинках, по радио поют.

А я отвечаю:

— А на пластинки, на радио откуда они попали? Тоже, наверное, кто-нибудь записал и привез в город.

Слово за слово. И всегда находится мрачный человек:

— Не туда приехали. Может, в других деревнях что и есть, а у нас ничего такого нет.

Но я это все давно слышал. Обращаюсь к какой-нибудь неприметной старушке, которая стоит поодаль, но внимательно слушает, или, наоборот, к самой бойкой девчонке-заводиле.

— А эту песню у вас пели?

— Ну, — обычно говорят, — ее-то мы знаем. Так ее все знают.

Но недоверие уже сломлено. Люди улыбаются, вспоминая молодые годы, гулянья, песни, танцы.

— Больше танцевали кадрили, — скажет одна.

— И ланцы, — добавит другая (медленный танец лансье — ланцы — был в моде без малого два века назад)...

— Барыню плясали! — весело крикнет третья да и запоеет тут же на радость всем присутствующим:

Барыня, барыня,

Иринья Ивановна,

Долго хаты не топила,

Много сору накопила.

Идти было к дяденьке

Да попросить лошаденьки...

— Это когда под язык плясали, — пояснит та неприметная старушка, которая, замечая, становится все более и более приметной (значит, настоящая песенница!). — Гармони не было, так под свои песенки...

— Ну, вспомнила, — скажет девчонка, — когда это было!

Но как бы далеко ни ушла жизнь, есть что-то такое дорогое, такое близкое душе в разговорах о родной старине.

И вот на следующее утро уже полдеревни приветствует тебя как хорошего знакомого. Появляются не только сочувствующие, но и ревностные помощники, приятели. А уезжаешь — провожают друзья. И долгие годы — бывает, и пять, и десять, и пятнадцать лет — идут потом праздничные поздравления из Ленинграда в эту деревню и из деревни в Ленинград. Другой раз и гости приедут оттуда. И сам съездишь.

Как-то я участвовал в радиопередаче «Встречи с интересными людьми».

«Каких интересных людей встречали вы?» — спросили меня.

И я поначалу затруднился ответить. А потом одно за другим стали наплывать воспоминания о необыкновенных людях, вернее, о людях, вообще-то говоря, для родных, для знакомых обыкновенных, но мне казавшихся необыкновенными. Не знаменитости какие-нибудь, не те, о ком много говорят и пишут. Только соседи знают, что вот тетка Марья была голосистой молодухой, когда-то на свадьбы ходила старшей подружкой и сейчас в праздник под настроение может спеть, а дядя Гриша — великий мастер по части баек.

Когда я начинал, сразу после войны, только бумага и карандаш были. А теперь чудо-магнитофоны. Вернусь домой и сижу часами: поют, разговаривают, смеются живыми голосами мои недавние собеседницы-старушки (всё больше старушки!). Да какие песни-то!

Далеким-то мой миленький далёко,

Ой да на чужой да сторо...

Ой да на чужой старонке,

На чужой-то на дальней на сторонке,

Ой во городе да в Пари...

Ой во городе в Париже,

Не во славном-то в городе в Париже

Ой гусары да стоя...

Ой гусарики стояли...

Русские войска пришли в Париж, разгромив Наполеона, в 1814 году. Сколько же лет этой песне? Но услышал-то я ее в 1977 году, в Ленинграде, от уроженки Архангельской области замечательной песенницы Клавдии Ивановны Притыкиной.

Как хорошо, что удалось встретить Клавдию Ивановну, записать, сохранить для науки, для всех людей эту и многие другие ее песни!

В 1946 году, в первую же в моей жизни поездку за произведениями устного народного творчества, мне посчастливилось познакомиться с выдающимся сказочником XX века Ильей Давыдовичем Богатыревым. Он рассказал больше ста сказок, баек.

— Жил-был Нестерка, и была у него детей шестерка...

Я слышал неистощимых частушечниц в Новгородской области, записывал фольклор в Карелии, на Урале, в Сибири, когда за окном мороз в сорок градусов, а в избе не продохнуть от жарко натопленной печи.

Удивительные люди, знатоки, мастера, творцы народного искусства, веселые умельцы живут везде.

Как-то ленинградские газеты вдруг заговорили о том, что в деревне Лампо- во стоят избы с особенно интересной резьбой. Я знаю эти места — деревни Остров, Орлино, Дружная Горка, Лампово. В каждой из них есть чем полюбоваться. Однако ламповские избы выделяются. У них украшены не только наличники окон, но и балконы, и передняя стена, и конек крыши, и даже круглые окна жилых чердачных помещений — светелок. Во всем этом чувствуется единая художественная школа. Оказывается, в Лампове жили выходцы с Севера — из Архангельской и Вологодской губернии. И дома они строили по-своему. Хозяева сохраняют старые резные доски и нередко переносят их на новые постройки.

Однажды стоял я и смотрел на такой дом.

— Да, вот это мастера были, — говорю, чтобы вовлечь в разговор старика, который отдыхал на скамеечке. — Теперь, наверно, так никто не сделает?

— Это почему же? — обиделся он. — Давай, я тебе точно таких же досок нарежу. У меня и инструмент, и трафареты — всё есть. Ну, заказывай, что ли?

Я пообещал: буду строить дом — обязательно обращусь к нему.

В этих же деревнях, совсем неподалеку от Сиверской, где всегда полно дачников и как будто бы ничего деревенского уже не осталось, живет немало хороших песенниц.

В 1957 году несколько вечеров провел я в избе 87-летней Софьи Яковлевны Абент — бабушки Софьи, как ее величали в деревне Орлино Гатчинского района. Кстати, название этой деревни жители связывают с именем Петра I. Рассказывают, что он был там на охоте, подстрелил орла, оттого, мол, и деревню так называли.

А потом один старик показал дом.

— Вот здесь останавливался Репин. У этого окна он сидел, когда рисовал.

Мы поднялись в светелку. Осмотрели Орлинское озеро, берег.

— Будете в Ленинграде, — сказал старик, — поищите ту картину, узнаете на ней нашу местность... В соседнем поселке Дружная Горка и теперь еще работает стекольный завод, основанный в начале прошлого века. Сюда были приглашены немецкие и шведские мастера. Видно, если судить по фамилии, и бабушка Софья — потомок тех мастеров. На старом кладбище близ Орлина мне не раз встретилась эта фамилия — Абент.

Всю жизнь бабушка Софья работала. С десяти лет стала ходить на стекольный завод в Торковичи. Получала 25 копеек в день. С девяти-десяти лет пошли на фабрику и ее дочери. Я точно записал ее слова: — Сливочное масло видели два раза в год — на пасху и на рождество, а в будни — и хлеб, как шоколад, был. На работу, на целый день брали с собой бутылку чаю и два куска хлеба, смоченные постным маслом... А какие там и сейчас живут искусники! Во многих избах можно видеть местные изделия — графины, внутри которых сидят красногребенные петухи, люстры с затейливыми подвесками.

Ни с чем не сравнимое удовольствие — неторопливо шагать по широкой, пустынной с утра дороге или по узенькой тропке, соединяющей соседние деревни... Синеют дальние леса, сверкает придорожный ручей, густо пахнет цветущий луг.

Каждый разговор с людьми открывает что-то новое для тебя. Каждая встреча — это новая надежда. А вдруг!.. И какую радость испытываешь, когда наконец после долгих странствий и поисков действительно приходит удача: только что рожденная, никем еще не записанная частушка или, наоборот, редкостная старинная песня, о которой ученые думали, что она забыта.

В этой книге много говорится о прошлом. Оно не исчезает бесследно, остается жить в наших обычаях, привычках, в слове, в песне, в сказке. Настоящее, по словам В. Г. Белинского, есть результат прошедшего и указание на будущее. Чем лучше мы будем знать историю, тем вернее сможем оценить сегодняшнюю действительность, тем основательнее будем строить коммунистическое будущее.

...Книга эта рассказывает о народном творчестве, о собирании его, о связях с древними верованиями, с жизнью народа, с письменной литературой. Конечно, главное, основное здесь — это работа, выводы ученых нескольких поколений. Но часто я опираюсь и на свой опыт, вспоминаю о своих экспедициях, знакомясь со своими находками. Я не писал обо всем одинаково подробно, не стремился сделать книгу похожей на школьные учебники. Скорее она дополняет их какими-то сведениями, фактами, наблюдениями.

Будет замечательно, если книга даст некоторое представление о науке филологии — в особенности о той ее части, которая называется фольклористикой, — если книга хоть в какой-то степени научит размышлять, сопоставлять, анализировать произведения словесного искусства.

Мне хотелось, чтобы читатель почувствовал красоту произведений народного творчества, научился находить их, слушать и, может быть, даже записывать.

Пусть не станете вы фольклористами, но пусть на всю вашу жизнь будет с вами любовь к родной речи, к родным песням и преданиям.

Кто не знает этого стихотворения Маршака:
У Скворцова Гришки

Жили-были Книжки —

Грязные,

Лохматые,

Рванные,

Горбатые,

Без конца И без начала,

Переплеты —

Как мочала,

На листах —

Каракули.

Книжки

Горько плакали...

Он еще и не то вытворял, этот Гришка!

В географии Петрова

Нарисована корова

И написано: «Сия География моя.

Кто возьмет ее без спросу,

Тот останется без носу!»

Не знаю, как обстоят дела по этой части у нынешних школьников, а когда я учился, попадались такие отдельные Гришки, и точно такие же надписи встречал я на обложке нашей географии Баранского. Прошли мои школьные годы. Отечественная война. Университет. И вот я — преподаватель Петрозаводского педагогического института, сам учу будущих учителей.

Однажды с группой студентов мы отправились в экспедицию — за песнями, сказками, частушками. В Карелии фольклор сохранился лучше, чем в других местах. Карелия для фольклориста — заповедное место.

В этой книжке все время будут встречаться слова:
фольклор

,

фольклористика, фольклорист
. Разберемся в них, чтобы уж не возвращаться к этому.

Фольклор

(folK-loge) по-английски означает: народная мудрость, народное знание. Это выражение, или, по-научному, термин, употребил в одной из своих статей в 1846 году английский историк Вильям Томсон. Термин приняли и в других странах. Но понимают его по-разному. Западноевропейские и американские ученые фольклором называют все виды народного искусства — и словесное, и музыкальное творчество, и народные танцы, и резьбу по дереву и кости, и даже вышивку.

Советская наука обычно называет фольклором словесное искусство народа — народно-поэтическое творчество, устное народное творчество. Если речь идет о музыкальном творчестве, о народной музыке, то так и говорят: музыкальный фольклор.

Фольклористика

— наука, изучающая фольклор.

Фолькло р и с т

— ученый, специалист в области устного народного творчества.

...Итак, на небольшом пароходике мы плыли по Онежскому озеру. Вокруг нас сидели, курили, ходили по палубе, смеялись самые обыкновенные люди — с мешками и чемоданами, молодые и старые, в лакированных туфлях и русских сапогах, в платках и шляпах. Шуньга, Кузаранда, Толвуя, Сенная Губа, Кижы — для них родные деревни, просто деревни, а у нас, когда мы слышали эти слова, замирали сердца. Кижы — это ведь там знаменитый на весь мир деревянный собор, построенный без единого гвоздя; Кузаранда, Толвуя, Сенная Губа — это ведь там, пробираясь на лошадях, на лодках через топи, реки, ручьи, озера, бродили собиратели былин Рыбников и Гильфердинг. В этих местах жили четыре поколения легендарных сказителей Рябининых, жил певец былин Щеголенок, которого рисовал Репин и слушал Лев Толстой, нищенствовала старуха — великая народная поэтесса Ирина Федосова, чье искусство так высоко оценили и Некрасов, и Горький, и Ленин.

Вскоре мы уже ходили от избы к избе, беседовали со стариками и старушками, выпрашивали, что они помнят, что пели, когда были молодыми. Попали и в дом Ивана Михеевича Абрамова.

Самого хозяина уже не было в живых, но семья его встретила нас приветливо.

— Идите на чердак, там стоит сундучок Ивана Михеевича, — сказала его сноха (жена сына, сыноха). — Может, найдете что интересное для себя.

Чего только не было в этом сундучке! Самое новое печатное издание — церковная книга Евангелие 1883 года, а самая старая рукопись создана в XV столетии и живет уже пятый век. Чтобы сундучок не качался, под один его угол кто-то подсунул сложенную вчетверо самодельную тетрадь. Смотрю — бумага не теперешняя. Развернул — и ахнул. Целехонья рукопись «Сказка об Илье Муромце и Соловье Разбойнике», да еще с картинками!

Среди других книг в сундучке оказался и Катехизис — учебник закона божьего, изданный в XVIII веке. Там толкуется смысл молитв, приводится пять доказательств существования бога. Их нужно было знать назубок! Раскрыл я этот Катехизис и на внутренней стороне обложки увидел выцветшую надпись:

Вот ведь, оказывается, какой старый этот школьный стишок! Посмеялись мы тогда.

...Много лет прошло с той поездки. Забыл я совсем и Скворцова Гришку, и неведомого второклассника Петра Дехмана. Я стал профессиональным литератором. Однажды попросили меня съездить в Новгород с венгерским писателем.

И вот мы в новгородском кремле. Осматриваем белокаменный Софийский собор, Грановитую палату. Потом, конечно, идем в музей. Медленно бродим от витрины к витрине, разглядываем экспонаты. Особенно долго стоим возле берестяных грамот. Их только в послевоенные годы стали находить при археологических раскопках. Скрученные полоски бересты принимали за поплавки или просто отбрасывали в сторону. А тут молодая работница Н. Акулова заметила на одной какие-то знаки и... так родилось одно из самых замечательных открытий XX века.

В Новгороде найдено уже около шестисот берестяных грамот, и они многое рассказали ученым о далеких временах русского средневековья.

До знакомства с берестяными грамотами ученые думали, что читать и писать в Древней Руси могли лишь очень немногие — зажиточные купцы, бояре, монахи. Оказалось, — судя по содержанию берест, — грамотным был чуть ли не каждый новгородец. И ремесленники, и крестьяне, и посадские люди. Значит, было немало каких-то школ и если не учебников, то каких-то учебных пособий. Ярослав Мудрый еще в XI веке создал школу, где обучались 300 детей. В одной из раскопок попала азбука, вырезанная на можжевельной доске (вы знаете кусты можжевельника — из них доски не выйдет; в те времена рос

можжевелик сантиметром по двадцать в диаметре). Обнаружили несколько азбук и ученических записей на бересте, нашли рисунки с подписями маленького мальчика Онфима. На ободке берестяной чашечки оказалась записанная загадка.

Я все это рассказываю, переводчица переводит, а гость слушает.

— Теперь, — говорю, — давайте почитаем эти бересты. Вот, например: «От Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловек на жерепце, зане ми здесе дел много. Да пришли сорооцию, сорооцие забыле». Вот, забыл человек рубашку — и пишет жене. Значит, не только мужчины, но

13

даже и женщины в древнем Новгороде учились. Или вот еще... Пойдите, пойдите! — кричу и хватаю писателя за рукав. — Видите?..

(Невежа писал, недоумок показал, а кто это читал...)

В Ленинграде сразу же побежал в Публичную библиотеку и взял книгу профессора А. В. Арциховского «Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 года». Эта грамота значится под № 46 и выглядит так:

Вот что пишет о ней профессор:

«На первый взгляд грамота производит впечатление шифрованной, но это не шифр, дело обстоит проще. Когда я попробовал связать буквы первой и второй строк по вертикали, смысл сразу обнаружился... Конеч фразы оторван... В целом это типичная школьная шутка». И дальше ученый говорит:

«Позволительно представить себе, как группа древнерусских школьников шла по Великой улице. Один из них, кому эта записка предназначалась, оторвал от нее ругательство и бросил на мостовую».

Береста найдена на глубине 2,89 метра, на откопанной деревянной мостовой улицы Великой. Длина бересты 21 сантиметр, ширина — 5 сантиметров. Шутка эта, по определению специалистов, относится к концу XIII или началу XIV века... Чуть ли не 700 лет назад.

А не было ли у Гришки Скворцова еще более древнего предшественника?

Книжка советского историка С. Я. Лурье «Письмо греческого мальчика» не раз издавалась в нашей стране.

Автор рассказывает о папирусе, который подарил ему один американский ученый, о том, как он расшифровывал этот папирус, и о мальчике Феоне, который на этом папирусе написал письмо своему отцу с просьбой взять его в город.

Ходи каждый день в школу, учись. Тоска! Феон скучает. Он оглядывает знакомое школьное помещение, высокие облупившиеся колонны, кончающиеся наверху причудливыми листьями, длинные скучные скамьи, статую богини Клио, покровительницы наук, и несколько других статуй, поменьше; в углу желтый исцарапанный шкаф, в котором учитель хранит папирусные свитки. Потом Феон переводит взгляд на белую, плохо оштукатуренную стену со следами надписей, сделанных проказливыми учениками и кое-как стертых по приказу учителя. В углу уже красуется новая надпись:

АНАГИГНОСКЕ АНОТАТО ПРОС ТА ДЕКСИЯ

(Читай на самом верху справа)

Феон заинтересовался. Он смотрит наверх и читает:

О АНАГИГНОСКОН ПИТЭКОС

(Кто прочтет, тот обезьяна)

Это было около двух тысяч лет назад.

Есть в нашем языке слово «традиция». Оно происходит от латинского слова «traditio» и означает «передача», «предание». Традиция — это то, что переходит от поколения к поколению, надолго сохраняется в памяти людей.

По традиции, мы наряжаем елки в новогодний праздник, отмечаем свой день рождения. Подшучивать над друзьями, стараться обмануть их 1 апреля — тоже давняя традиция. Традиционны многие детские игры и те школьные стишки, о которых мы только что говорили.

Меняется жизнь — меняются и люди. Но что-то общее остается в их характерах, обычаях. Традиции объединяют людей, живших в разные эпохи. Гришка Скворцов, которого отделили от Феона, ни много ни мало, 80 поколений, наверняка знал шутку, на которую попался Феон, а может, и сам не раз проделывал нечто подобное.

Традиции тоже постепенно меняются, развиваются, отмирают, рождаются заново. Но эти изменения происходят очень-очень медленно. И один человек, одно поколение не всегда даже может заметить эти изменения.

А теперь вернемся к фольклору и постараемся запомнить важную вещь: фольклор — искусство традиционное. Фольклорные богатства — песни, сказки, былины, пословицы, загадки — это богатства многих и многих прошедших по земле поколений.

И наш современник Гришка Скворцов, и Петр Дехман, живший почти 180 лет назад, и новгородские школьники XIV века, и греческий мальчишка Феон были людьми грамотными, они умели читать и писать. Книжные страницы, береста, папирус сохранили их каракули.

До нашего времени дошли древние надписи, высеченные на камне, вырезанные на дереве, на металле, выдавленные на мягких (а затем обожженных) глиняных плитках. Некоторым из этих надписей, или, как говорят, письменных памятников, несколько тысяч лет.

Но ведь когда-то у людей не было письменности. Раскопки исчезнувших поселений, стоянок первобытного человека дают множество самых интересных сведений. Однако ясно, конечно, что большая часть древнейших письменных памятников, древнейшие города, вещи, сделанные руками наших далеких предков, — все это исчезло безвозвратно. Время безжалостно разрушает самое прочное дерево, под влиянием воды, мороза и ветра рассыпаются в песок камни, ржавчина съедает металлы, огонь пожаров их плавит.

И все-таки о том, как жили люди, что думали, во что верили в самые отдаленные от нас времена, мы узнать можем — только не по письменным памятникам, а по устным. Память народа зачастую оказывается прочнее дерева, камня и даже металла.

Знаменитый норвежский ученый и путешественник Тур Хейердал занимается историей острова Пасхи. Откуда взялись эти 200 человек на крохотном клочке суши, отстоящем от материка на 3500 километров? Как они изготовляли и доставляли на побережье свои многотонные памятники — каменные головы? Почти все дощечки с неизвестными письменами сожгли испанские священники. В распоряжении Хейердала не было ничего, кроме фантастических рассказов местных жителей. И что же, эти рассказы, когда к ним обратился ученый, раскрыли многие тайны острова Пасхи, оказались документально точными. Каждая семья помнит свою родословную. Один из собеседников Хейердала назвал по именам десять поколений своих предков!

В XVIII веке англичане захватили Новую Зеландию. Там жил народ маори. Маори утверждали, что они переселились сюда из другой страны.

Каждое из маорийских племен твердо знало — и знает в наши дни, — как звали вождя, жреца, руководивших переселением, на какой лодке приплыли их предки, как звали рулевого этой лодки, знали даже название кормового весла! Устные родословные маори насчитывают по пятьдесят и более поколений, в том числе примерно двадцать поколений людей, живших до переселения на Новую Зеландию! Ученые, считая в среднем по 25 лет на одно поколение, установили, что маори прибыли на Новую Зеландию около 1350 года. А когда сопоставили родословные, оказалось, что некоторые из них восходят к одним именам. Это ли не доказывает их точность!

Есть такая игра. Первый говорит: «Стол». Второй: «Стол, стул». Первый повторяет: «Стол, стул» — и добавляет: «Кровать». Второй повторяет:

«Стол, стул, кровать» — и добавляет свое... Ну-ка проверьте, сколько вы запомните? Десять? Пятнадцать? Двадцать слов? Но мы запоминаем эти слова в один прием, в один урок, а маори учили и повторяли имена дедушек, прадедушек и прапрадедушек не день, не неделю, не месяцы — годы, всю жизнь. Так что чуда здесь нет.

И все-таки это чудо! Без карандаша, без фотоаппарата, без кино, без книги оживает прошлая жизнь. Оживает в слове.

Старинная песня перечисляет названия лодок, на которых предки нынешних маори плыли через океан: Смотри, как «Таинуи», «Те Арава», «Матаатуга», «Карахаупа» и «Токомар» — Все плывут по огромному океану.

Ствол дерева был выдолблен на Гавайки,

И так была построена «Такитуму».

Одну ночь провели на Рангипо,

И на заре «Астеа» отправилась в море.

Вот челны Уенуку, чьи имена отдаются в небесах.

Разве можно забыть их славу,

Если они вечно плывут в волнах нашей памяти.

И сегодня, когда к маори приходит гость, — пусть он хоть на самолете прилетел, его всё равно встречают традиционным приветствием:

Подтягивай сюда ладью!

Тащи сюда ладью!

К пристани — ладью!

К тому месту, где она отдохнет!

Добро пожаловать,

Трижды добро пожаловать.

Несколько лет назад познакомился я с ребятами из Спировской начальной школы Бокситогорского района Ленинградской области. Школа была очень маленькая: одна учительница и десять — двенадцать ребят, учеников первого, второго и третьего класса. Но они отлично работали и жили интересной жизнью. Ребята создали уголок истории школы, большой краеведческий музей, в котором были старинные орудия крестьянского труда: деревянная соха, борона, ткацкие станки, изделия из бересты, глины, деревянная посуда. Каждый год вместе с учительницей Екатериной Петровной Антоновой отправлялись они в поход по окрестным деревням за новыми экспонатами для музея. По пути записывали пословицы и поговорки, загадки и частушки, песни и сказки. Потом эти записи они переносили в альбомы, украшали их рисунками. Однажды я получил от спировцев толстую тетрадь — там было больше тысячи частушек. Ребята присылали свои записи песен, сказок, поговорок.

Их записи были такие точные (они ничего не добавляли от себя, не подправляли!), такие интересные, что некоторые оказались возможным даже опубликовать.

Иногда ребята говорят: «А зачем записывать песни и сказки — все уже давно записано».

Это верно, что нового, неизвестного науке в настоящее время найти почти не удастся, хотя и такие случаи возможны. Например, мой знакомый — собиратель фольклора услышал от одного старика песню Отечественной войны 1812 года, которая ранее не встречалась ученым. Тот воспринял ее от отца. А отец — от своего деда, участника войны. Значит, песня, которой перевалило за полтора века, имела всего двух передатчиков и дошла до нас, надо полагать, в хорошей сохранности.

Но и новые записи уже известных произведений тоже необходимы. Каждая такая запись подтверждает, что старая песня или сказка жива, что ее помнит народ. И еще: если, предположим, одна песня записана

двадцать раз, а другая — три, то первую, вероятно, народ больше любит. Науку интересует: а какие песни популярны, что привлекает в них певцов?

Вот, например, песни о Степане Разине, о разницах. Три века назад произошло восстание казачьей бедноты против богатеев! Песни об этом восстании, само имя Разина были под запретом. И все-таки ученые до революции и особенно, конечно, после революции собрали очень много разинских песен — больше, чем о любом другом событии русской истории. Значит, можно с уверенностью сказать: народ любил, помнил своих защитников. Или иначе:

движение, восстание, которое возглавил Степан Тимофеевич Разин, было действительно народным.

Ученые составляют карты распространения того или иного произведения или даже целого жанра *. Скажем, схема распространения былин на территории страны выявила любопытную закономерность: былины чаще всего записывались на путях, по которым шла новгородская колонизация. Значит, они были очень распространены в древнем Новгороде. Фольклор...

Уже не раз встретилось нам слово «фольклор». Мы знаем: это устное народное творчество. Прежде чем двигаться дальше, нужно получше разобраться в том, что же это такое — устное народное творчество.

Устное. А еще бывает письменное. Письменное художественное творчество — это литература. Велика ли разница между устным творчеством и письменным? Ведь и песни, и сказки, и загадки нередко можно увидеть в книге. А предположим, стихи Пушкина каждый из нас слышал в устном исполнении, в исполнении чтецов, певцов или любителей поэзии и музыки.

Но разница есть. И очень большая.

Когда ведущий концерт объявляет: сейчас артист такой-то прочтет стихотворение Некрасова «Несжатая полоса», мы уверены — артист прочтет именно то, что написал Некрасов:

Поздняя осень, грачи улетели.

Лес обнажился. Поля опустели...

Попробуй-ка он сказать: «Лес обнажился. Луга опустели»! В зале немедленно зашумят, зашикают, станут поправлять. В любой момент легко проверить по книге — точно или неточно прочел актер стихотворение. Есть даже такое понятие: авторское право. Закон охраняет это право. Никто не может напечатать стихотворение Сергея Есенина или роман Льва Толстого со своими поправками, дополнениями, вообще с какими-либо отклонениями от авторского текста.

Фольклор возник тогда, когда письменности еще не было. Фольклорное произведение не закреплялось на бумаге. Оно передавалось от человека к человеку устно. Вернее сказать: оно и живет, существует только в тот момент, когда его исполняют; если оно не передается, не исполняется, не звучит, — оно умирает, его как бы нет совсем.

Книга же может лежать хоть год, хоть десять лет. А потом расскажет все, что хотел рассказать автор, тому, кто снимет ее с полки и прочтает. Египетские папирусы и глиняные таблицы вавилонян ученые прочитали через несколько тысяч лет.

Итак, первое отличие фольклора от литературы, устного искусства слова от письменного: устная форма существования.

Конечно, после изобретения письменности появилась возможность записать песню, сказку или былинку. Но все равно — пока песня, сказка или былина живут естественной жизнью, они живут, передаваясь из уст в уста. Так же как чтение — нормальная форма усвоения литературного произведения (хотя, бывает, его и рассказывают), устное исполнение — оказывание, пение — нормальная форма и жизни, и усвоения фольклорного произведения (хотя его порой можно и прочитать). Фольклорное произведение, распространяемое устно, и фольклорное произведение, записанное, напечатанное, — это все равно что живая жизнь и фотография: на снимке запечатлен какой-то миг, но жизнь от этого не остановилась, продолжается дальше.

Как же живут фольклорные произведения?

Зададим себе такой вопрос: можно ли предположить, что фольклорное произведение, проходя через тысячи и миллионы уст, из конца в конец страны, переходя от одного поколения к другому, не меняется, как не меняется стихотворение Пушкина «Зимний вечер», которое когда-то учили наизусть наши бабушки и дедушки, а теперь учат советские школьники?

Ну, во-первых, ему легко измениться, потому что текст не закреплен на бумаге. Во-вторых, это произведение как бы не имеет автора, оно безымянное. В фольклоре ведь не существует авторского права. Кто-нибудь когда-нибудь обязательно что-то спутает, заменит забытое слово своим, хотя тоже, может быть, подходящим. Наконец, человек может просто ослышаться, неверно понять слово — он же на слух его воспринимает.

В примере, который я сейчас приведу, расхождение в начальных стихах очень схожих свадебных песен, на мой взгляд, объясняется именно этими причинами.

Вот песня, записанная в Ленинградской области:

Поле, полечко,

Убита дорожка каблучкам 1 Ну и кто эту дорожку убивал?

Убивал дорожку Коля-господин,

Убивал дорожку Владимирович,

Он все ко Наденьке ходючи...

А эта опубликована около ста лет назад:

Из поля, поля-полечка,

Увита дорожка ковричком.

Кто эту дороженьку увивал?

Увивал дороженьку удалой молодец,

Свет Иванушка да Семенович,

Ко тестю ездючи...

«Увита» дорожка и «убита» — звучит, особенно в пении, почти совсем одинаково. Сближаются по звучанию и слова «каблучкам» и «ковричком». Передано не точно, но, в общем, и не бессмысленно: дорожка, увитая ковром, вместо дорожки, убитой, утопанной каблуками. Изменение это никакого влияния на содержание не оказывает, оно случайно.

Мы можем предположить, откуда и ковер тут появился. Более полный текст этой песни записан в конце прошлого века на Севере. Там начало такое:

Под полем-полечком

Лежала дорожка ковричком.

Уторена (проторена, убита) широка добрым комонем 2.

Ай, кто эту дорожку уторил,

Ай, кто эту широку утоптал?

Уторил дорожку князь молодой,

Утоптал Василий-господин...

Здесь уже все на месте. Яркий и красивый художественный образ вводит нас в содержание песни: дорога лежит как ковер, а по ней часто ездит к невесте, утаптывает дорогу жених. По-видимому, кто-то слышал эту песню и запало ему в память это слово: «ковер». Хотя и не очень удачно, но так вот и соединились слова «увивал» и «ковер».

А на Урале уже в советское время записана песня, использующая почти те же слова и образы, только здесь и ковра уже нет.

Убита дороженька да бархато м...

Так что не нужно думать, будто в народном творчестве все песни, все сказки, все частушки одинаково хороши, что все они одинаковы по своему художественному (и идейному, конечно!) уровню. Нужно искать, отбирать лучшие записи. И чем больше записей — тем больше и выбор.

В разных жанрах фольклора такие изменения происходят по-разному. Рассказывая длинную сказку, сказочник, конечно, не помнит ее дословно. Песня изменяется медленнее. Говорят же: «Из песни слова не выкинешь». Выкинуть трудно, а изменить, как мы уже видели, вполне возможно.

Переделки, перестановки, происходящие от ошибок памяти, от недослышки, — это, так сказать, переделка бессознательная. А могут быть переделки и сознательные. Песню, частушку, шуточный рассказ хочется приспособить к своим переживаниям, отнести к знакомым местам, к знакомым людям. В свадебных песнях всегда называются не какие-то имена, а вполне определенные имена жениха и невесты.

Поэт А. А. Прокофьев вспоминал как-то частушки, которые пели до революции в деревнях Приладожья.

Уж как ледневски ребята Чистые грабители.

Ехал дядя со свистулькам —

И того обидели.

Так девушки подшучивали над парнями из деревни Леднево.

А потом я побывал в тех же самых местах, где полвека назад прошла юность Александра Андреевича. И вот я записываю, как дразнят девушки парней из деревни Нйзово, которая расположена неподалеку от Леднева:

Уж как ниаовски ребята

Чистые грабители...

По всей стране пели и поют: «Уж как бельские ребята...», «Как семеновски ребята...» или просто: «Уж как наши-то ребята...». Скажите: какая частушка правильная, а какая неправильная?

Эта особенность — наличие близких, похожих произведений (вариантов) — и есть одно из главных отличий фольклора, устного творчества, от литературы, письменного творчества.

Для науки о фольклоре понятие варианта так важно, что здесь тоже необходимо задержаться.

Само слово «вариант» латинского происхождения и значит «изменяющийся». Вариант, говорится в словаре, «другая передача одной и той же литературной или художественной темы».

Вот старинная свадебная песня. Ее спела 75-летняя бабушка Т. Галахина, а записала — и очень хорошо, точно записала — Надя Кривушёнкова, ученица 3 класса Спировской школы.

Раньше девушку нередко отдавали замуж насильно, за нелюбимого, иногда даже за малознамого человека. Об этом рассказывают на уроках истории. Песня «При вечере было вечере» — свидетельство самого народа.

При вечере было вечере,

При остатней поре-времечке

Как у Тани на девичнике,

У Михайловны на девичнике,

Прилетал туда ясен сокол.

Он садился на окошечко,

На серебря ну решеточку.

Как никто-то сокола не видал,

И никто ясна не обозревал.

Как увидела, обозрела

Уж как Танюшкина матушка.

— Ты мое ли любимо дитятко,

Приголубь-ка ясна сокола,

Ясна сокола залетного,

Добра молодца заезжего.

— Уж моя ты родима матушка,

Я рада приголубить сокола

Что Василья да Николаевича,

Да голова моя не кланяется

И язык мой не ворочается.

Какое глубокое горе источает каждая строчка этой прекрасной песни! Какая она стройная, эта песня, как выразительна ее концовка!

Надя, записав, сохранив эту песню, уже принесла пользу науке о народном творчестве.

Песня Нади очень старая, ее пели на Руси не одну сотню лет. Нисколько не преувеличиваю. Вот передо мной редкая книжка «Песни русского народа» И. Сахарова, изданная в 1839 году. Там, на 196-й странице, напечатана очень похожая песня:

При последнем было вечере,

У Настасьи на девичнике,

У Андреевны на девичнике,

Прилетал к ней ясен сокол.

Он садился на окошечко,

На дубовую причелинку,

На серебра ну переклад инку.

Как увидела матушка

Из высокого терема,

Из косящатого окошечка,

Закричала громким голосом:

— Ты дитя ли мое, дитятко,

Дитя Настасья Андреевна!

Ты прийи ясного сокола,

Ясного сокола залетного,

Доброго молодца заезжего,

Карпа Трифоныча.

— Родимая моя матушка!

Мое сердце не оборотится,

Уста кровью запекаются,

Сердце кровью обливается

Мне приятъ ясного сокола,

Приголубить доброго молодца!

Видите, та же самая песня. Но немного и другая, конец иной. Мы можем сравнить эти два варианта одной свадебной песни. Что исчезло из текста сахаровского сборника, какие детали? «Высокий терем», «косящатое окно» (сделанное из дощатых косяков, большое окно в отличие от окна волоково- го — маленького, задвижного оконца). И терем, и волоковые, и косячатые окна существовали давно, еще в Киевской Руси. В позднейшие времена все это уже стало непонятно. Вот почему эти детали и выпали из современного варианта песни.

Старый образ, старое слово часто заменяются другими, новыми образами и словами. До революции деревенская девушка пела о парне: «Без лучины, без огня зажег сердечко у меня». В последние годы эту частушечную строчку поют так: «Без бензина, без огня зажег сердечко у меня»... Всего одно слово заменено. И даже рифма сохранилась! Но сколько смысла в этой замене!

Уже к середине прошлого века было собрано огромное количество фольклорных произведений. Ученые стали сравнивать их, сопоставлять. И постепенно выяснилось, что, хотя, например, сказок или песен записано очень много, далеко не все из них являются самостоятельными произведениями.

Чаще всего вновь записанный текст в той или иной степени повторяет ранее известные — вот как песня, которую прислала Надя Кривушёнкова. Тут можно сказать: за 150 лет песня, переходя от одного человека к другому, даже от одного поколения к другому, изменилась по таким-то и таким-то причинам.

А если варианты одного и того же произведения записаны в одно и то же время? Какой считать более правильным?

Обычно бывает так, что в одном варианте есть одни детали, в другом — другие; при этом детали первого варианта во втором могут отсутствовать. А может быть, осторожно соединить их, и тогда получится основной, полный вариант этого произведения?

Попробуем сами проделать такую операцию.

Но сначала несколько пояснений.

В русском фольклоре давно известны шуточные сказки и анекдоты о глупых людях — пошехонцах. Еще в 1798 году вышла книга Василия Березайско- го «Анекдоты древних пошехонцев». Рассказы о пошехонцах широко использовал М. Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города». Пошехонье — вполне реальное место, расположено в Ярославской области.

Подобные рассказы о глупцах есть у немцев (там их называют «шильдбюр- геры» — жители городка Шильда), у шведов (там они — жители местечка Сёдерталя); у финнов это обитатели Хяме, у ирландцев — городка Керри. А по всей Болгарии ходят рассказы о габровцах, о необыкновенной их скупости (у них даже кошки без хвостов: быстрее дверь закроешь, печь меньше топить надо). В городе Габрово теперь каждый год 1 апреля проходят международные фестивали юмора и сатиры, устраиваются выставки карикатур. Конечно, и в Пошехонье, и в Сёдертале, и в Габрове живут такие же, как и в других местах, люди, ничуть не глупее или расчетливее других, но... так уж получилось, и никто на эти шутки не обижается. В наши дни это образы собирательные.

Так вот, в Карелии тоже есть такие рассказы — о нерасторопных киндасов- цах, жителях деревни Киндасово. Карелы издавна живут вместе с русскими, дружат с ними. Некоторые анекдоты о киндасовцах и пошехонцах почти дословно совпадают, и кто от кого позаимствовал их — для нас сейчас не столь важно.

Киндасовцы встречают в лесу охотника с ружьем и спрашивают его:

— Чего это ты ходишь здесь?

— Вот, — говорит, — пришел на охоту.

— А что это у тебя за штука такая на плече?

— Это ружье. Из него я стреляю птиц и зверей.

— Продай ты, братец, — говорят, — нам это ружье.

— Ладно, — говорит, — продам.

— А много ли возьмешь за него?

— Три рубля.

— Дадим, братец, по три рубля!

Они все дают ему по три рубля. Увидели пороховницы.

— А это что за штука? — спрашивают.

— Это пороховницы.

— Пороховницы? Много ли надо заплатить?

— Рубль.

Дают все по рублю. Купили. Что делать дальше, не знают.

— Как же его теперь, — ‘ говорят, — заправляют и как из него стреляют?

— Заправляют его так: эту мерку насыпьте пороху, другую мерку дроби. А потом нажмите на курок и стреляйте.

Они все по мерке насыпали пороху, по второй мерке дроби — ствол набили. Последняя, седьмая мерка уже не вошла, ствол переполнен.

— Теперь, — говорят, — надо выстрелить?

Все встали вокруг ружья, кто поставил руку на курок, кто за ствол ухватился. А одному места не хватило, рука не поместилась.

— А я спереди в дырочку погляжу, — говорит, — как будет вылетать!

Как нажали на курок — ружье вдребезги, всех разбросало в разные стороны, оглушило... Больше они ружье не заводили.

В 1971 году в городе Лодейное Поле (который, кстати сказать, стоит на границе с Карельской АССР) я записал от 60-летнего рабочего Петра Константиновича Тимофеева такой рассказ.

Идет однажды охотник из лесу, несет зайца. Навстречу ему — пошехонцы, десять человек. И спрашивают у него:

— Что это у тебя на плече? — показывают на ружье.

Он им отвечает:

— Это у меня ружье. Вот видите: я зайца убил из него.

Они ему и говорят:

— Продай ты нам его!

Охотник говорит:

— Ну что же, купите. У меня дома есть другое. Цена десять рублей.

Ну, они по рублю собрали, десять человек, уплатили и спрашивают:

— Покажи нам, как же его заряжать и стрелять.

А раньше ружья были шомполки. Вот охотник говорит:

— Вот у меня мерка. Одну мерочку пороху насыпьте и из бумаги туда пыж кладите. А вторую мерку кладите и тоже из бумаги пыж кладите.

Показал ни, поднял курок.

— Сюда кладите пистон, нажмите на спусковой крючок пальцем, и у вас получится выстрел.

Охотник сделал выстрел при них, спрашивает:

— Поняли?

Они ему говорят:

— Поняли!

Попрощались и разошлись. Пошехонцы, немного отойдя, сели курить и говорят:

— Давайте зарядимте, попробуем выстрелить сами.

Вот один берет высыпает мерку, как охотник говорил, пороху, берет бумаги пыж класть. Второй говорит:

— Погоди! Не клади бумаги! Я мерку пороху положу, я тоже рубль платил!

Ну и так третий и четвертый. Вернее всего, десять человек по мерке высыпали пороху. Дело дошло сыпать дробь. То же самое так же один, другой, третий, каждый говорит:

— Я рубль платил, я всыплю!

В общем, полный ствол они забили.

— Ну, давайте стрелять!

Один берется, как охотник показывал, за ложе, четыре человека с одной стороны, а четыре с другой.

— Наше ружье — держаться будем!

Вернее всего, девять человек схватились, а десятому места нет. Десятый говорит:

— Ну, раз мне нет места, я буду в ствол глядеть, как полетят.

Когда нажал на спусковой крючок который держался на ложе, получился огромный взрыв. С ружья с этого осталось только щепочка в ложе, всё его разорвало. Кому руку вырвало, который глядел, куда полетит, — череп повредил. Вернее всего, покалечило всех, и охотники кончились.

Теперь сравним оба текста. В карельском варианте есть очень остроумное место: ружье стоит 3 рубля, но каждый глупец платит за него отдельно, свои 3 рубля. Так же рассчитываются они и за пороховницу. А у Тимофеева этот эпизод отсутствует: то ли он забыл, то ли и слышал так. Зато у него подробнее изложена смешная сценка, когда каждый пошехонец хочет за свои деньги положить свою мерку пороху и свою порцию дроби. В карельском анекдоте просто сказано: «...все по мерке ссыпали пороху, по второй мерке дроби»...

Если мы предположим, что в первоначальном или, точнее, в полном виде этот рассказ имел все встречающиеся в обоих текстах эпизоды, в этом не будет ничего не вероятного. Возможно, где-то именно такой, полный, текст и записали или еще запишут, а возможно, его рассказывали или рассказывают сегодня, да просто не попали на него фольклористы.

Увлечшись такими сопоставлениями, некоторые дореволюционные ученые чуть ли не каждое произведение стали считать частью, обломком существовавшего в древности произведения. На основании нескольких записей они реконструировали, воссоздавали былинку, песню, сказку, легенду в первоначальном виде. Было добыто много интересных и важных научных фактов. Но они едва не потонули в массе неверных выводов и преувеличений. Вообще получилось, что в ходе устной передачи фольклорные тексты только разрушаются, только ухудшаются.

И в наши дни ученые нередко прибегают к этому методу. Бывает, что какая-нибудь старинная песня дошла до нас в плохой, неисправной записи.

Другие записи могут прояснить содержание и смысл интересующего нас произведения.

Записал я как-то старинную солдатскую песню. Идут солдаты в строю, а навстречу им девушка. Они зовут ее с собой: мол, у нас хорошая жизнь. А один солдат говорит:

— Не гляди-ка, девушка, на балы,

На солдатские на обманы!

Что такое «балы»? Спросил у исполнительницы.

— Не знаю, — отвечает. — Так у нас поют. И мать мне так пела. Я ничего не спутала.

В сборнике фольклора Вологодской области напечатан вариант этой песни, и там искажения нет.

— Не сдавайся-ка, девушка, на басни,

На солдатские на обманы...

Так один текст помог разобраться в другом.

Вернемся к той свадебной песне, которую записала Надя Кривушёнкова из Спировской школы.

Оказывается, песня эта была очень широко распространена. Ее пели и на Урале, и в Вологодской губернии, и в Петербургской. А вот этот вариант записал не кто иной, как Александр Сергеевич Пушкин.

Как при вечере, вечере,

При последнем часу времячке.

При княгинином девичнике

Вылетал же млад ясен сокол;

Он садился на окошечко,

На серебряну решеточку,

На шелкову занавесочку.

Как увидела да узрела

Свет княгинина матушка:

«Ты дитя мое, дитятко,

Ты дитя, чадо милое!

Приголубь ты ясного сокола,

Ясного сокола залетного,

Доброго молодца заезжего,

Свет Ивана Александровича!»»

— Государь, родной батюшка,

Государыня матушка!

Я бы рада приголубить его:

Скоры ножки подломилися,

Белы руки опустил вся,

Красота с лица сменлася.

Хотя пушкинская запись даже постарше на несколько лет того текста, который приведен у И. Сахарова, она ближе к Надиному варианту.

Очевидно, со слов исполнителя песни А. С. Пушкин сделал примечание к своей записи: «Поется, если жених приехал из далеча». И действительно, во всех трех рассмотренных нами текстах повторяется один и тот же образ: молодец — «ясный сокол залетный», «добрый молодец заезжий».

А недавно вышла книга Н. П. Колпаковой «Лирика русской свадьбы». В этой книге помещены пятьсот свадебных песен, записанных Натальей Павловной за сорок лет собирательской работы. И среди них — три варианта песни «При вечере было, вечере».

Прилетает млад ясен сокол.
При сегодняшнем при вечере,
Как при Надином девичнике
Собиралася беседашка,
На беседе — красны девушки.
Прилетает млад ясен сокол.
Он садился на лавочку,
На пуховую подушечку.
Никто сокола не увидал,
Увидала только матушка,
Говорила своей Наденьке:
— Уж ты дочка, чадо милое мое,
Пойди, выйди на круту гору,
На круту гору высокую,
Посмотри-ка на синё морё,
На синё морё, на синее,
На серого гуся серого:
Каково же гусю серому
Против навья ему плавати,
Каково же младу соколу
Без привета на подушечке?
— Таково же мне, младешеньке,
Расставаться с милым девушкам,
Со девичьим со гуляньцем!

Начало этой песни повторяет уже известные нам записи. Но дальше все идет по-другому. Мы находим здесь новые образы, по-иному развивается сюжет, и уже совсем иная главная мысль: и молодцу нерадостно на чужбине, и ему, как и девушке, жалко терять волю. Песня сочувствует не только невесте, но и жениху.

Можем ли мы соединить заключительную часть песни, записанной Н. П. Колпаковой, с каким-нибудь из трех предыдущих текстов? Пожалуй что нет. И мы не в состоянии сказать, какой вариант, или, как в таких случаях говорят, версия, — первичный, основной, а какой — вторичный, производный. Обе версии независимы одна от другой. Обе пелись жениху, который приезжал издалека, и обе имеют подходящее для такого случая содержание.

Обе художественно полноценны. В песне из сборника Н. П. Колпаковой применено интересное тройное сравнение: молодцу-соколу трудно без привета, как серому гусю трудно плыть против навья («навей» — встречный ветер или волна: от глагола «веять»), как трудно девушке расставаться с подругами* «со девичьим со гуляньцем».

Красивая песня! И вот что любопытно: она, как и песня Нади Кривушёнковой, тоже записана в Ленинградской области, и записана сравнительно недавно, в послевоенные годы. Получается, что в одно и то же время, на одной и той же приблизительно территории существовали два варианта, две версии одной и той же свадебной песни! И это обычный, самый распространенный случай в фольклоре. Запишешь песню, а какая-нибудь слушательница, присутствующая при записи, — гостя, родственница хозяйки, обязательно скажет:

— А у нас эту песню не так поют.
И разгорается спор, как петь ее, эту песню, правильной.
Но мы-то уже знаем: все варианты, если они художественно полноценны, а не просто полузабытые отрывки, равноправны.

Пойди, выйди на круту гору,

На круту гору высокую,

Посмотри-ка на синё мор...

ФОЛЬКЛОР ВМЕСТО НАУКИ

Фольклорные произведения существуют сотни и тысячи лет в устной форме. Самые старые возникли задолго до появления письменности.

Но вот люди изобрели письменность, стали передавать свои мысли на далекое расстояние и от поколения к поколению. Письменность помогла человечеству сберечь накопленный опыт, знания.

Сегодня мы можем узнать, что начертали древние шумеры на глиняных таблицах 3500 лет назад.

Оказывается, эти таблицы заключают в себе и немало произведений фольклора — басен, сказок, песен. Вот шумерская поговорка о плохом человеке:

Брось тебя в воду — вода протухнет,

Пусти тебя в сад — все плоды сгниют

.

Обнаружены египетские папирусы со сказками, средневековые рукописные книги с легендами и песнями. На Руси письменность возникла около тысячи лет назад. И в первых же письменных памятниках можно найти исторические предания, сказки, поговорки. Чаще не в полном виде, а их пересказы, переложения, ссылки на них.

Вот как, например, излагает начальная русская летопись историю основания Киева:

«...И было три брата, одному имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, а сестра их Лебедь. И поселился Кий на горе, где ныне перевоз Боричев, а Щек поселился на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозывается она Хоривица. И построили городок в честь брата своего старшего и нарекли имя ему Киев...»

Тут же летописец добавляет:

«Иные же несведующие говорят, будто Кий был перевозчиком, ибо тогда с другой стороны Днепра у Киева был перевоз; и говорили: на Киев перевоз...»

«Несведующие говорят...» Это значит, что в народе имела хождение такая легенда об основателях города. Но эта легенда не нравится летописцу, человеку, несомненно, близкому к князьям; он излагает, как мы видели, другое устное предание (ведь письменных свидетельств об этом времени не было).

Под 912 годом летопись рассказывает:

«И жил Олег, мир имея ко всем странам, княжил в Киеве. И припела осень, и вспомнил Олег коня своего, которого поставил кормить и на которого не садился. Ибо однажды спросил он волхвов и кудесников: «От чего я умру?»»

И сказал ему один кудесник: «Князь! Корь, которого ты любишь и на котором ездешь, — умрешь ты от него». Олег же принял это в ум свой и сказал: «Никогда не сяду на него и больше его не увижу». И повелел кормить и не водить коня к нему; и прошло несколько лет, и не касался его, пока ходил в поход на греков. И вернулся он в Киев, и прошло четыре года, на пятое лето вспомнил коня своего, от которого предрекли ему смерть волхвы, и, призвав старшего конюха, сказал: «Где мой конь, которого я поставил кормить и беречь?» Тот ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил кудесника, сказав: «Неправильно говорят волхвы, всё это ложь: конь умер, а я жив». И велел оседлать своего коня: «Хочу увидеть его кости». И приехал на место, где лежали его голые кости, и череп голый, и слез с коня, посмеялся, сказал: «От этого ли черепа будет мне смерть?» И наступил ногой на череп; и вылезла змея из черепа, укусила его в ногу. И с того разболелся и умер. И плакали по нем люди все плачем великим, и понесли его, и погребли на горе, которая называется Щековица; есть же могила его и до сего дня, называется могила Олегова. И было всех лет княжения его 33». Вполне можно верить тому, о чем летописец говорит как очевидец («есть же могила его и до сего дня»). А вот когда он упоминает о каких-то мелочах («и припела осень», «посмеялся»), передает прямую речь, вопросы, ответы, — это уже вызывает сомнение: ведь Олег скончался лет за сто до того, когда это было написано.

И сама манера изложения — именно эти детали, живые диалоги, — и мысль, проходящая через всё повествование («от судьбы не уйдешь»), более характерны для художественного произведения, чем для простого пересказа событий.

Сомнение — замечательная вещь в науке. Оно заставляет размышлять, сравнивать, сопоставлять факты. Ученые стали анализировать рассказ о смерти Олега. И оказалось, что его сюжет имеет фольклорное происхождение, он известен и по другим источникам.

Можно не соглашаться с основной идеей этого произведения, есть в ней религиозный оттенок, неприемлемый для нас (всё, мол, в руках судьбы, бога). Но нельзя не почувствовать и художественной силы его. Не потому ли обратился к нему Пушкин? Вы, конечно, уже поняли: именно этот летописный рассказ лег в основу «Песни о вещем Олеге».

Фольклорные произведения попадали в летопись не как художественные произведения, а как исторические документы, свидетельства о том времени, когда еще не могло быть письменных документов.

Это стоит подчеркнуть: на ранних этапах жизни человечества сказки, легенды, песни вообще не ощущались произведениями искусства, не исполнялись для удовольствия, для удовлетворения, как сказал бы ученый, эстетических потребностей. Песни, исторические предания, сказки пелись и рассказывались с какой-то практической целью. В них сохранялась память о событиях прошлых лет, закреплялся трудовой опыт, наблюдения над явлениями природы.

Лягушка квачет — овес скачет

(то есть сеять пора).

Как в мае дождь, так и будет рожь.

Сказания, мифы, приметы в пословичной форме, даже, как мы видели, родословные запоминались, заучивались и передавались от поколения к поколению, — это была как бы замена науки — истории, медицины, метеорологии. И только потом, многие века спустя, когда от фольклора, от устных преданий отпочковалась наука, точнее, начатки различных наук, фольклорные произведения (и то не все, а лишь некоторые) стали исполняться просто для удовольствия, для удовлетворения эстетических потребностей. Идет человек по лесу и поет. Грустно ему — поет грустную песню, хорошее у него настроение — поет веселую...

А почему он поет — спроси его — не ответит.

Когда древние люди собирались на охоту или на войну, они исполняли особые песни и ритуальные танцы. В песнях охотники рассказывали словами, а в танцах показывали телодвижениями, взмахами рук, свирепым выражением лица: вот так мы будем метко попадать в зверя, вот так мы будем бить врагов!

А для устрашения всех врагов, всех злых духов еще и лицо раскрашивали, тело разрисовывали, клыки хищных зверей, погремушки разные на себя навешивали. Песнями, танцами, боевой татуировкой воины настраивали себя особым образом, готовились к трудным испытаниям.

Ну а сегодня зачем люди танцуют? Просто нравится. И татуировка на руке — тоже ведь не первобытная магия. Просто нравится человеку ходить с татуировкой. По его мнению, надпись, а тем более рисунок — якорь там или змея — придаст ему особенно мужественный вид. Но точно так же думал и дикарь!.. Вот опять как далеко забрались мы в прошлое!

...НЕ ТОЛЬКО НАУКА, НО И ИСКУССТВО

В 1699 году рейтар (конный воин, кавалерист) из города Рыльска Савинка Якимов за неизвестные нам провинности находился под арестом.

К нему пришел на свидание его приятель, недоросль (это дворянский сын) Савка Карцев. Савинка Якимов попросил Савку передать жене деньги. Савка деньги взял и стал заворачивать их в присутствии стражи в какую-то исписанную бумажку. Стража эту бумажку отобрала (мало ли что там написано — неграмотные; потом выяснилось: это вирши, стихи). И в тот же день арестант Савинка постарался незаметно выкинуть бумагу, которая была у него. Видно, испугался: отобрали бумажку у Савки, лучше и от своей избавиться на всякий случай. Но сделал он это неловко, охрана заметила, бумагу подняла и передала начальству. А на бумаге была записана песня.

Вся эта история изложена в материалах судебного дела, тут же на столбце (это такой длинный склеенный лист) приведена и песня:

Как рябина, как рябина кудрявая,

Как тебе не стошнится,

Во сыром бору стоячи,

На болотину смотрячи?

Молодушка ты молодушка,

Молодица ты пригожа,

Как тебе не стошнится,

За худым мужем живучи...

Так вот, благодаря случаю, в руки современных исследователей попала прекрасная, полная запись русской лирической песни.

Мы можем определенно сказать: г уже в XVII веке эта песня исполнялась просто как песня, для выражения настроения, чувств (с этой же целью у Савки Карцева были переписаны вирши).

В основном такие записи для себя, не научного характера, дошли до нас от XVII и XVIII веков. Но стоит еще упомянуть о двух коллекциях сказок и песен, относящихся к XVII веку и обязанных своим появлением любознательности иностранцев.

С 1618 по 1620 год в России находилась группа англичан, в их числе был ученый священник Ричард Джемс.

В XIX веке русский академик И. Х. Гамель, работая в английских архивах, обнаружил записную книжку Р. Джемса. В ней рукой хорошо грамотного русского человека были записаны шесть подлинных народных песен, а также небольшой перечень русских слов с обозначением их смысла на английском языке.

Это драгоценные записи. Они представляют огромный интерес для науки и по своему содержанию, и по языку.

Вот солдатская песня. Тяжело служить солдатам зимой. Холодно! Куда лучше весной...

Бережочек зыблется,
Да песочек сыплется,
А ледочек ломится;
Добры кони тонут,
Молодцы томятся:
Ино боже, боже!
Сотворил ты, боже,
Да и небо-землю, —
Сотвори же, боже,
Весновую службу!
Не давай ты, боже,
Зимовые службы:
Зимовая служба —
Молодцам кручинно
Да сердцу насадно.

Три с половиной века назад записана эта песня. А ведь не очень отличается она от знакомых нам народных песен. И слова почти все понятны (только форма у них иногда непривычная, старая). Медленно, очень медленно меняются фольклорные произведения.

Другой англичанин, Самуил Коллинз, заинтересовался сказками. Коллинз приехал в Россию в 1659 или 1660 году и в течение девяти лет был врачом царя Алексея Михайловича. В 1671 году, через год после смерти Коллинза, в Англии вышла его книга «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне». В этой книжке помещено десять прозаических фольклорных произведений — сказок, легенд, исторических преданий, — героем которых является Иван Грозный. (Напомню, что Грозный жил за 100 лет до Коллинза.) Коллинз, конечно, не записывал так, как хотелось бы ученым — точно, с соблюдением тогдашнего произношения, — он просто пересказывал содержание произведения. Но и за это, как говорится, великое спасибо. Некоторые из сюжетов, отмеченных Коллинзом, и сегодня еще встречаются в устной традиции. Иногда они прикрепляются к другим именам. (

Впрочем, верно говорится: «Лучше один раз посмотреть, чем сто раз услышать». Вот одна из конспективных записей Коллинза.

Когда Иван ездил осматривать свое государство, многие простолюдины и дворяне подносили ему дары. Один честный лапотник, который плел лапотки (Lorkeyes) и продавал по копейке пару, не знал, что поднести царю, и просил у жены совета. «Поднеси пару хороших лапотков», — сказала она. «Это не редкость! — отвечал он, — а есть у нас в саду огромная репа. Мы поднесем ему эту репу, а вместе и пару лаптей». Как сказано, так и сделано. Император очень милостиво принял подарок и, износив сам одну пару лаптей, заставил всех дворян покупать у крестьянина лапти по пяти шиллингов пару. Это составило крестьянину состояние, он начал торговать, и скоро так разбогател, что оставил после себя значительное имение. Потомки его получили дворянство и называются теперь Лапотскими (Lopotsky's). Есть одно дерево, подле которого стоял прежде дом его и на которое проходящие по обычаю бросают свои старые лапти, в память этого лапотника.

Один дворянин, видя, что такая награда получена была за репу, хотел также получить (награду и еще значительнее) за хорошего коня. Но царь, угадав его намерения, подарил ему взамен ту большую репу, которую получил прежде, и таким образом заставил всех над ним смеяться.

«Иван Васильевич, — пишет Коллинз, — был любим народом, потому что с ним обходился хорошо, но жестоко поступал со своими боярами». В этой фразе, конечно, уже больше речь идет об идеальном, мужицком царе, чем о действительном правителе Иване Грозном. Долгие века народ считал, что все его беды — от плохих правителей. Будь хороший царь — и все хорошо будет. О тех царях, что жили прежде, о которых только молва дошла, — о них и рассказывал народ, как о добрых царях.

И Савинка Якимов, и Ричард Джемс, и Самуил Коллинз жили в XVII веке. Благодаря им мы можем судить о песнях и сказках XVII века.

Ну а XVIII век дал нам уже не единичные тексты, а десятки их, даже сотни, целые коллекции, собрания самых разных произведений устного народного творчества. Появляются первые печатные песенники, сборники сказок, пословиц и поговорок. Но самым интересным, самым знаменитым и отчасти таинственным является так называемый сборник Кирши Данилова.

ТАИНСТВЕННЫЙ КИРША ДАНИЛОВ

В наши дни никому не придет в голову пошутить над занятиями ученого-математика, физика, биолога. Но над учеными-литературоведами, филологами иногда еще посмеиваются: интерес большой копаться в бумажках, полжизни сидеть в архивах!

Филолог, разбирающий какие-нибудь старые документы, весь захвачен ими, весь в азарте поиска. Новые сведения, которые он извлекает из этих документов, в одно мгновение делают его несчастным или счастливым, разрушают или, наоборот, блистательно подтверждают его догадки, его теорию.

А сами разыскания — на них, действительно, тратятся иногда годы и годы — проходят не менее напряженно, чем поиски истины в каком-нибудь запутанном детективном романе. Кстати, в методах работы криминалистов и филологов немало общего. Так, была проведена — уже в советское время — судебная экспертиза почерка подметных анонимных писем, которые посылались Пушкину и привели к дуэли и к гибели поэта, — чтобы установить, чья рука совершила это преступление. И следователь, и литературовед одинаково должны уметь определить возраст бумаги, место ее изготовления, прочесть стертые или зачеркнутое слово и многие, многие другие вещи.

Все это я говорю к тому, что история сборника Кирши Данилова, как почти всякой старой рукописи, тоже напоминает детектив: его нашли, потом он потерялся чуть ли не на сто лет, потом снова нашелся; теряли и находили его и частями...

Тут я задумался. Подробно рассказать, как эту историю постепенно раскрывали ученые нескольких поколений, нет никакой возможности — нужно было бы писать отдельную книгу. Так что придется излагать уже готовые факты, извлеченные из переписки современников, их воспоминаний, из статей, из самых разных и порой неожиданных источников.

Итак, в 1802 году в руки второстепенного литератора, но довольно видного чиновника — директора почтового ведомства Москвы Ф. П. Ключарева попал рукописный сборник былин и песен, составленный, по слухам, для уральского заводчика П. А. Демидова или, во всяком случае, ему принадлежавший. Ключарев оценил значение рукописи и поручил своему подчиненному — почтмейстеру А. Ф. Якубовичу подготовить ее к печати. В 1804 году книга «Древние русские стихотворения» увидела свет.

Якубович, воспитанник Московского университета, был знающим, образованным человеком. Но надо учесть, что наука о народном творчестве в те годы еще только-только нарождалась. Якубович считал, например, что песни и былины, которые он напечатал, имеют автора, что это чье-то сочинение. Понятия об особой форме творчества — об устном коллективном народном творчестве тогда тоже еще не существовало. В издании Якубовича не было ни предисловия, ни примечаний, и оно содержало не все тексты рукописи.

Теперь два слова о графе Н. П. Румянцеве. Это был крупный государственный деятель. Он интересовался искусством, любил русскую старину, русскую историю. Он собрал огромную коллекцию картин, рисунков, скульптур» рукописей, древних книг (на основе этой коллекции позднее в Москве возник Румянцевский музей — ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).

«Не всегда он понимал вещи как следует, — пишет о Румянцеве один исследователь, — как важный барин, не всегда ценил ученый труд в его настоящую цену». Но все-таки деятельность его заслуживает уважения. Особенно следует отметить, что вокруг Румянцева собрались патристически настроенные ученые, которые много сделали для нашей культуры, для сохранения, изучения и, как мы бы теперь сказали, для пропаганды памятников русского языка, литературы, русской истории. Именно члены румянцева кружка Бантыш-Каменский и Малиновский издали бесценную рукопись «Слова о полку Игореве». (Рукопись в московском пожаре 1812 года сгорела, и мы пользуемся теперь их книгой как первоисточником. Сама книга эта — величайшая редкость: в нашей стране сохранилось всего 60 экземпляров.)

Неудивительно, что Румянцев захотел приобрести рукопись Кирши Данилова. Но она находилась у Якубовича в Калуге. (Все это надо было узнать

ученым, и все, оказывается, имеет немаловажное значение.) В Калугу был послан член румянцева кружка Калайдович. Он побеседовал с Якубовичем и, по-видимому, увез с собой рукопись.

В настоящее время сборник хранится в Ленинграде, в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В нем 101 лист. Но последние четыре листа выглядят иначе: видно, что они были сложены в четверку (первые 97 листов следов складывания не имеют). И сверху 98-го листа рукой Калайдовича написано: «Подар. прокур. Степановым. — К. Калайдович». На обороте последнего, 101-го листа тем же почерком написано: «Приел. А. П. Степановым 9 нояб. 1816 года».

Что подарил Степанов? Кто такой прокурор Степанов?

Ясно, что он подарил не всю рукопись, а только четыре листа. Они отличаются от остальных тем, что были сложены, скорее всего когда их вкладывали в конверт, — ведь сказано: «присланы» Степановым.

А Степанов, оказывается, был не только прокурор, но и писатель. И он тоже увлекался русскими древностями. Жил он в те годы в Калужской губернии и, конечно, мог часто бывать в Калуге. Легко предположить, что Степанов захотел познакомиться с интересной рукописью, взял ее у Якубовича, а вернул без последних четырех листов. Позднее эти листы он нашел и отослал в Москву, новым владельцам сборника.

Однако и 101-й лист рукописи — еще не конец ее: песня о Степане Разине обрывается на полуслове. И можно верить, надеяться — уж столько чудес было! — что какой-то счастливый ученый или просто внимательный человек возьмет однажды в руки пожелтевшие бумаги, и... это и будет недостающая часть сборника Кирши Данилова. Или даже сам оригинал.

Пора сказать, что до нас оригинал сборника не дошел, дошла лишь копия. Как об этом догадались ученые?

Уже в XIX веке было найдено письмо уральского заводчика П. А. Демидова. В нем он пишет, что вот, мол, милостивый государь Федор Иванович, при нашей встрече вы просили у меня песню о селе Романовском, так я вам посылаю ее.

Текст этой песни до мельчайших подробностей совпадает с песней, имеющейся в сборнике. Значит, к 1768 году (этим годом помечено письмо) сборник уже был изготовлен или, по крайней мере, готовился. Но та рукопись, которой мы располагаем, в основном написана на бумаге с водяными знаками 1780-х годов.

Следовательно, это копия, список с более ранней рукописи. А эта более ранняя рукопись, оригинал, не могла возникнуть до 1721 года: в некоторых текстах упоминается император Петр I, а титул этот русский царь принял именно в 1721 году.

В 1818 году на прилавках книжных магазинов появилась книга. Полное ее название звучит так: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева».

Запомним дату и книгу: это первое в России издание, подготовленное по всем правилам филологической науки, а предисловие Калайдовича — первая научная статья о русских былинах.

Калайдович рассматривает их содержание, находит связи былинных образов с реальными историческими лицами и событиями, описывает рукопись и сообщает о принципах издания.

Перечитаем заглавие: «...стихотворения, собранные Киршею Даниловым...» — уже совсем по-иному, правильно понимает Калайдович своеобразие фольклора, не говорит о каком-то одном авторе текстов. И роль Кирши Данилова определена здесь иначе.

Но откуда взялось это имя — Кирша Данилов? Тут мы подходим еще к одной загадке, до сих пор окончательно не решенной.

Якубович в 1804 году держал в руках рукопись с начальным, титульным листом. Калайдович, готовивший второе издание 1818 года, уже не видел этого листа, он ссылается на слова Якубовича (вот почему важно было установить, встречались ли они лично, ездил ли Калайдович в Калугу).

Имя Кирши Данилова, писал в предисловии Калайдович, «было поставлено на первом, теперь уже потерянном, листе «Древних стихотворений». И здесь стояла сноска: «За справедливость сего ручается г. Якубович».

А что значит: имя «было поставлено»? Это имя владельца рукописи, собирателя, или певца-исполнителя, или, может быть, даже переписчика? Почему Калайдович решил, что Кирша Данилов был именно собиратель? А нет ли каких-нибудь зацепок в самой рукописи?

Хорошие исполнители песен и сказок, народные забавники-скоморохи, гуслиеры всегда пересыпали свою речь веселыми присказками, приговорками, байками, шутками. Обычно они намекали в них на желательность угощения, подарка («спели песню до конца — нам по рюмочке винца» или «вам сказка, а мне бубликов связка»).

Такая же коротенькая песенка-присказка есть и в сборнике, и тут прямо говорится: мол, угостите меня, Кирилу Даниловича, замените смерть жизнью, я еще пригожусь вам.

Видимо, Кирила Данилович (по-старому это то же, что и Данилов: можно было сказать и так и этак) и был таким народным певцом. А Кирша — разговорная сибирская, уральская форма имени Кирилл, как Павша, Ваньша — Павел, Ваня.

На связь рукописи с Сибирью, точнее, Западной Сибирью, прилегающей к Уралу, указывают и другие особенности рукописи: ее язык, местные словечки, особые грамматические формы. Есть здесь песни, которые рассказывают о событиях, происходивших в Сибири, и не известные в других краях («Во сибирской украине, во даурской стороне», «А за славным было батюшкой за Байкалом-морем, а и вверх было по матке по Селенге по реке...»). Наконец, о многом говорят и такие строки:

А и не было Добрыни шесть месяцев,

По-нашему-то, сибирскому, слывет полгода...

«По-нашему, по сибирскому» — этот оборот встречается в рукописи три раза.

Значит, все наши сведения и предположения о рукописи сходятся, во всяком случае не противоречат друг другу: мы знаем, что первоначально рукопись принадлежала П. А. Демидову, — его обширные владения, заводы, земли находились на Урале. Певец, — по-видимому, его звали Кирилл Данилов, — тоже жил в тех краях. Но вот сам ли он записал свой репертуар, то, что знал, повседневно исполнял, или это сделал кто-нибудь другой, мы с уверенностью сказать не можем. Разве что найдется первый, заглавный лист рукописи и что-то на нем будет написано, что подскажет нам отгадку.

Ученые высказывали разные мнения. Одни считали, что это просто как бы записи для себя, памятная книжка певца, который по ней справлялся, если что-то забывал. Другие думают, что рукопись специально приготовлена по заказу Демидова. Последняя точка зрения, кажется, более справедлива.

Во всяком случае дошедшая до нас рукопись составлена именно как сборник, как книга. Ее переписывали пять человек — выявлено пять различных почерков. Но это все характерные писарские почерки (особые завитушки и прочее — тут тоже целая наука, палеографией называется). Значит, профессиональные переписчики, писари выполняли свое обычное дело. Они помогали друг другу, писали по очереди, не обязательно дожидаясь конца произведения или даже конца страницы (это говорит о том, что они работали вместе, что переписывали готовую рукопись, а не создавали ее заново, не записывали былины сами, с голоса). И вот еще одно чудо: совсем недавно, в 1963 году, в рукописном собрании московской библиотеки имени В. И. Ленина советская исследовательница Е. И. Дергачева-Скоп нашла два листа, которые полностью повторяют два листа рукописи сборника Кирши Данилова.

Что это за листы? Может быть, их забраковал старший переписчик, чем-то они ему не понравились, и он сам заново переписал их или дал переписать кому-то другому. А может быть, эти два листа просто затерялись в тот момент и их пришлось восстанавливать?..

Но все это в общем-то не столь важно. Самое важное: сборник, который мы условно называем сборником Кирши Данилова, содержит бесценные богатства. Время и случай сохранили их для нас, для всей русской культуры.

Сборник Кирши Данилова не только первый сборник былин и исторических песен, он и лучший по качеству записей — в этом он на 100 лет обогнал свое время. Былины записаны очень точно, скорее всего с голоса. А потом записи, уже переписанные набело, снова проверялись — иначе как объяснить мелкие поправки, которых тут немало. В зачине былины, с которой мы сейчас познакомимся, есть стих:

Как конь под ним как бы лютый зверь...

Но над этой строчкой имеется приписка, поправка, — значит, кто-то потом еще раз прослушивал исполнителя (или сам исполнитель себя перепроверял) и внес такое уточнение:

А и конь под ним как бы лютый зверь...

Былины в XVIII веке жили еще полной жизнью. Мы теперь и записали бы, очень и очень точно (магнитофоны есть!), да нечего записывать — не знают, не помнят теперь былин. Как величайшую редкость можно найти сегодня человека, который в состоянии исполнить былинку. И тем более — спеть; теперь ее обычно пересказывают, не поют.

В сборнике Кирши Данилова тексты отличаются полнотой, все описания развернуты, все детали, имена не забыты, не искажены; почти каждая былина имеет прекрасный запев, сохранены все старинные формулы, постоянные эпитеты, сравнения. Многое из того, что есть в этом сборнике, больше нигде не встречается. Вот знаменитый зачин из былины о Соловье Будимировиче:

Высота ли, высота поднебесная,

Глубота, глубота — океан-море,

Широко раздолье по всей земле,

Глубоки омуты днепровские...

Некоторые произведения, имеющиеся в сборнике, теперь известны и по другим источникам, по другим записям. Но у Кирши Данилова тексты почти всегда художественно более совершенные. Приведу еще начало былины о Михаиле Казариновиче:

Как из далеча было, из Галичя,

Из Волы нца-города, из Галичя Как ясен сокол вон вылетывал,

Как бы белый кречет вон выпархивал, Выезжал удача — добрый молодец, Молодой Михайла Казаренин.

А и конь под ним как бы лютый зверь, Он сам на коне, как ясен сокол;

Крепки доспехи на могучих плечах:

Куяк и панцырь чиста серебра,

А кольчуга на нем красна золота,
Еще с ним тугой лук разрывчатый,
А цена тому луку три тысячи, Потому цена луку три тысячи — Полосы были булатные,
А жилы — слоны сохатные,
И рога красна золота,
И тетивочка шелковая,
Белого шелку шемаханского;
И колчан с ним каленых стрел,
А во колчане было полтора ста стрел, Всякая стрела по пяти рублей.
А куюку и панцырю цена стоит на' сто тысячей; А и конь под ним как бы лютый зверь,
А кольчуга на нем красна золота,
Кольчуге цена сорок тысячей;
Шелом на буйной голове замычется,
Шелому цена три тысячи;
Копье в руках мурзаметское, как свеча, горит; Ко левой бедре припоясана сабля вострая,
В долину сабля сажень печатная,
В ширину сабля осьми вершков;
Цены коню — сметы нет,
Почему коню цены-сметы нет?
Потому ему цены-сметы нет:
За реку броду не спрашивает,
Он скачет, конь с берегу на' берег, Котора река шириною пятнадцать верст. А и едет ко городу Киеву,
Что ко ласкову князю Владимиру...

Вот какой прекрасный зачин! Сколько здесь подробностей, удивительных художественных деталей. Все доспехи, все вооружение русского средневекового воина описаны так, как будто они были перед глазами певца. А ведь ничего уже не было этого в XVIII веке, все это исчезло за несколько столетий до того... Хотел сказать: «бесследно исчезло», — да ведь не исчезло вот, сохранилось в памяти народной, дошло до нас. Дошло в былинах, спетой или записанной Киршей Даниловым. Дошло в сборнике, который уберегли от гибели многие безвестные люди и люди, уже известные нам: Ф. П. Ключарев и А. Ф. Якубович. Н. П. Румянцев и К. Калайдович. Добавлю еще, что рукопись сборника после 1818 года считалась утраченной и ее нашел Н. В. Чехов в 1894 году в Тульской губернии, в библиотеке М. Р. Долгорукова (внука А. Ф. Малиновского, члена румянцевского кружка). Каждая, самая крохотная частица любого нашего знания — результат усилий, трудов и забот великого множества людей.

Мы еще не раз будем вспоминать благодарным словом ученых, которые помогли разгадать вековые загадки фольклора, собирателей, которые посвятили свою жизнь сбережению памятников народного искусства. Но пора обратиться и к самому фольклору.
О чем рассказывают наши русские песни и сказки? Попробуем опуститься по ним, как по ступенькам лестницы, в глубь времен...
Сначала на одну ступеньку. Вот частушка:

Провожал меня один

До березовых лядин:

Раз пятнадцать побожился,

Что у батюшки один.

Если спросить сегодняшнего школьника: почему клялся парень, что он единственный сын у отца, какое в этом достоинство, — школьник, вероятно, затруднится ответить. Д объяснение простое: до революции земля была частной собственностью, и наследники делили ее по душам. Чем больше детей, тем меньше приходилось на долю каждого наследника. Единственный сын получал весь отцовский надел и потому считался в деревне завидным женихом.

Когда могла возникнуть такая частушка? Очевидно, до Великой Октябрьской революции, которая объявила землю общенародным достоянием. Не могла она появиться и до отмены крепостного права, когда не только земли, но и сами крестьяне принадлежали помещику. Значит, частушка эта родилась где-то между 1861 и 1917 годом.

Теперь возьмем песню.

Ой, Хорошо житье лакеям

На боярском на дворе.

Они пашенки не пашут

И оброка не дают.

Ох, они пашенки не пашут

И оброка не дают,

И оброка не дают.

Косы в руки не берут.

Ах вы, глупые крестьяне,

Посудите-ка вы сами.

Куда пошлют — беги скоро,

Чтобы дело было споро.

Засмотрелся, застоялся,

С сударушкой повидался,

Оглянулся назад,

Сзади палочкой грозят.

Воротился домой —

Кафтанишко с плеч долой.

На конюшню ведут,

Сзади палочку несут.

Сразу можно сказать, что эта песня появилась в условиях развитого крепостного права, что лакеи — крепостные (хотя бы потому, что они подвергаются телесным наказаниям — как в рассказе И. С. Тургенева «Два помещика»).

Есть такой замечательный двухтомный «Этимологический 1 словарь русского языка» А. Г. Преображенского, в котором объясняется происхождение многих тысяч слов. О слове «лакей» сказано, что оно французское, пришло в немецкий язык в XVI веке, а из немецкого — в русский; является новым заимствованием («новым» значит не ранее эпохи Петра I, то есть начала XVIII века).

На протяжении десятилетий и столетий фольклорное произведение меняется, одни слова и образы забываются, другие приходят на их место. Здесь слово «лакей» скорее всего было в песне с самого начала: ведь песня как раз и построена на противопоставлении лакейской жизни и крестьянской, лакей как бы спорит с крестьянином — слушателем, что ему живется ничуть не слаще, хотя он не платит оброка и не ходит на барщину.

Итак, на вопрос о том, когда родилась эта песня, мы можем ответить: между серединой XVIII и серединой XIX века (должно было пройти какое-то время, чтобы слово «лакей» прижилось на русской почве, стало привычным; в 1861 году, как мы уже вспоминали, крепостное право было отменено).

А теперь спустимся на несколько ступенек сразу, лет этак на семьсот.

Да из Орды, Золотой земли,

Из той Мангазеи богатый,

Когда подымался злой Калин-царь,

Злой Калин-царь Калинович,

Ко стольному городу ко Киеву

Со своею силою с поганою.

Не дошел он до Киева за семь верст,

Становился Калин у быстра Непра.

Сбиралось с ним силы на сто верст,

Во все те четыре стороны.

Зачем мать-сыра земля не погнется?

Зачем не расступится?

А от пару было от кониного

А и месяц, солнце померкнуло,

Не видеть луча света белого...

Садился Калин на ременчат стул,

Писал ярлыки скорописчаты

Ко стольному городу ко Киеву,

Ко ласковому князю Владимиру...

Так начинается былина «Калин-царь». Не нужно быть специалистом-ученым, чтобы догадаться: речь в этой былине идет о нашествии монголов. Массы конницы осадили Киев (какие яркие художественные образы найдены здесь: «Зачем мать-сыра земля не погнется? Зачем не расступится?»).

При переходе фольклорного произведения от одного исполнителя к другому, от одного поколения к другому могут возникать дополнения, выпадать места неясные, вставляться новые имена, названия.

Конечно, слово «царь» (Калин-царь) в Киевской Руси не употреблялось. И строка о Мангазее — позднейшая. Мангазея — русское торговое поселение, основанное на севере Сибири в 1601 году. Надо полагать, что и Золотая Орда здесь — воспоминание о более поздних временах: ведь это государство на Волге как раз и появилось в результате монгольского нашествия.

Все остальное в этой былине и в близких к ней былинах ведет нас в Киевскую Русь, в XIII, в XII, в XI век. Мы хорошо знаем слово «ярлык». Но былина употребляет его не в современном значении «этикетка», а в старинном, первоначальном значении: «грамота, указ татарского хана». Это значение, точнее, само это слово пришло на Русь с монголами в XIII веке. Монгольские ханы давали русским князьям ярлык на княжение. Когда монгольское иго было свергнуто, ни о каких ярлыках на княжение и речи быть не могло. По былинам можно составить представление о Киеве, каким он был до разгрома татаро-монголами в 1240 году. Киев всегда называется стольным городом — он и был долгое время столицей древнерусского государства. Город окружен городской (городской) стеной, по углам стены стоят наугольные башни. «Перескочи через стену городовую, через ту башню наугольную», — говорит в одной из былин предводитель вражеского войска Батый своему послу.

Почти во всех старых русских городах сохранились такие стены и такие башни. Вначале они были деревянные, а потом каменные.

Князь живет в тереме златоверхом, в палатах белокаменных. Изображение их в былине очень похоже на те рисунки, которые иногда встречаются в древних рукописях. Часто упоминается в былинах гридня — приемная комната в княжеском дворце.

Какое оружие имели богатыри? Тугой лук, стрелочки каленые, палицу, копье мурзавецкое (от татарского слова «мурза» — «князь»), кинжал, иногда саблю. Огнестрельного оружия былина в общем-то не знает, хотя оно появилось на Руси достаточно давно (артиллерия, например, впервые была применена войсками Дмитрия Донского в 1389 году).

Еще в дореволюционные годы новгородские рыбаки нашли в озере Ильмень странный сапог из зеленого сафьяна (сафьян — тонкая кожа), с высокими каблуками и загнутым носом. Сначала им не очень-то поверили. Думали: может, подделка какая-нибудь? Но эти сомнения опровергли былины. Во многих из них, когда говорится о моднике, щеголе, который любит наряжаться, упоминаются и его сапоги:

Обувал сапожки он зелен сафьян,

Да нос-от шилом и пята востра,

С носу к пята хоть яйцо кати.

И еще одно интересное наблюдение сделали ученые. Действие былин разворачивается или в городе, обычно в Киеве, или в поле, в широком раздолье, то есть в степи. Вспомним картину Васнецова «Богатыри». Все бои богатырей с врагами происходят в степи, в чистом поле. В степи, на богатырской заставе, стоят богатыри и охраняют Русь.

Под славным городом под Киевом,

На тех на степях на Цицарских,

Стояла застава богатырская.

На заставе атаман был Илья Муромец,

Податаманье был Добрыня Никитич млад,

Эсаул Алеша поповский сын...

Степной пейзаж — самый устойчивый пейзаж в былинах. Значит, в тех местах и родилась былина, там жили первые слагатели и певцы былин. Не могли же они рассказывать о степях, не видя их!

О том же свидетельствуют и некоторые былинные слова: поляковать, поленичать (от слова «поле») — странствовать, искать приключений; поляница (или поленица) — женщина-богатырь. А вся богатырская дружина, все богатыри в былинах тоже именуются поляницей (или поленицей) удалой.

Застава богатырей напоминает и о временах, предшествовавших татаро-монгольскому нашествию, о многовековой борьбе наших предков со степными кочевниками — печенегами, хазарами, половцами. Один из врагов в былинах — Тугарин, Тугарин Змеёвич. Имя его восходит к имени половецкого хана — Тугоркан, или Тугоркан. Этот Тугоркан напал на город Переяславль в 1096 году. Но русские отряды разгромили его войско. И как сообщает летописец, «месяца июлия в 19 день побежены быша иноплеменики, и князя их убиша Тугоркана, и сына его, и ины князи».

С севера и с востока к Киеву подходили дремучие леса. Первые подвиги Илья Муромец совершил в таком лесу — взял в плен Соловья Разбойника (он сидел на девяти дубах), очистил прямоезжую дорогу на Киев, которая за тридцать лет совсем заросла.

Как видим, в былинах, несмотря на всю их фантастику, отразились многие стороны жизни Русского государства, какой она была несколько веков назад.

Былины в основном записаны лишь в XIX и XX столетиях, на Севере, в Карелии, на Печоре, на побережье Белого моря, в Сибири, за тысячи километров от Киева, записаны от неграмотных крестьян, охотников и рыбаков. Удивительная у народа память!

Долго живут фольклорные традиции!

КТО ГЛАВНЫЙ БОГАТЫРЬ НА РУСИ?

Задумался однажды Илья Муромец: «Какой же я богатырь, если еще не мерялся силой с великим богатырем Святогором?» И отправился искать его.

Заехал-то Ильюшенька Муромец

На те ль тут горы на высокие,

Под ущелья были да плотные.

Как едет чудовище, чудо ведь,

Сидит-то он еще на добром коне,

Такого чуда он да ведь не видал,

Такого чуда он не слышал.

Как тут разъехаться на добром коне,

Ударил своей палицей богатырской

Прямо тут ему буйну голову.

А как то' ведь чудовище да идет>то,

На коне сидит да подремливат,

Назад-то ведь чудо не оглянется...

Его палицей по голове, а он — дремлет (иногда, правда, бормочет: «Как русские мухи-то кусаются»). Огорчился Илья: силы не стало. Попробовал, ударил той же палицей по дубу — разлетелся дуб на мелкие щепки... Есть еще сила!

Только после третьего удара проснулся Святогор. Проснулся, посмотрел — кто там беспокоит, протянул руку и... сунул Илью Муромца к себе в карман. Вот и все сражение.

Былин о Святогоре записано довольно много. Но все они в основном рассказывают две истории.

Начало одной мы уже знаем: Илья оказался в кармане у Святогора. Но тут конь Святогора стал спотыкаться и на вопрос хозяина, что с ним случилось, ответил: «Не могу я возить двух богатырей». Святогор освободил Илью. Они побратались и поехали дальше. Встретился им по дороге каменный гроб. Решили примерить, для

кого приготовлен этот гроб. Лег Илья — велик, не по нему. Улегся Святогор — в самый раз. И крышка подошла. Хотел Илья крышку поднять, а она приросла, никак ее с места не сдвинуть.

«Руби!» — просит Святогор.

Стал Илья бить своей палицей. Где ударит — там обруч железный появляется. Чем больше бьет, тем крепче схватывают гроб обручи...

Вот вторая история. Едет Святогор по чистому полю.

Не с кем Святогору силой померяться,

А сила-то по жилочкам

Так живчиком и переливается.

Грузно от силушки, как от тяжелого беремени.

Вот и говорит Святогор:

«Как бы я тяги нашел,

Так я бы всю землю поднял».

И тут наезжает он на маленькую сумочку переметную. Пробует пошевелить ее палкой — не сдвинуть, тронул пальцем — не шелохнулась, хватил рукой — не поднять. Слез Святогор с коня, взялся за сумочку двумя руками, поднял повыше коленей — сам до коленей в землю ушел.

А по белу лицу не слезы, а кровь течет.

Где Святогор увяз, тут и встать не мог,

Тут ему было и кончение.

В сумочке, говорит былина, была тяга земная. Не одолел Святогор земной тяги.

Богатыри редко погибают в былинах. Их сила, их бессмертие — это сила и бессмертие самого народа. А тут две былины — и обе кончаются гибелью Святогора. Народ, певцы и слагатели былин, как видно, не ощущали его своим героем. Да и сам Святогор говорит о русской земле как о чужой: «Как русские мухи-то кусаются».

Святогор поражает своими размерами и силой. Казалось бы, ему и быть первым богатырем на Руси. Но он не совершает никаких подвигов, не защищает Киев от татар и степняков, не несет караула на богатырской заставе. Он стоит особняком от всех богатырей.

Русские богатыри связаны со степью, а Святогор — с горами. Об этом и имя его говорит. Ровная земля под ним прогибается, его держат только горы; там, судя по былинам, он постоянно обитает. Илья Муромец, как сказано в начале этой главы, когда отправился на поиски Святогора, заехал «на те ль тут горы на высокие, под ущелья...».

Нет никакого смысла в его существовании. Если он не лежит на горах, он бесцельно разъезжает по степи. И то, что он дремлет в седле, — тоже характерная деталь: он ничем не взволнован, никуда не торопится. И ему никто не нужен, и он никому не нужен. Он сам по себе.

В глубокой древности люди почитали силы стихии, явления природы — воду, ветер, солнце, горы, леса.

Следы этих очень старых верований, следы анимизма (от греческого слова «анима» — «душа») можно обнаружить во многих произведениях фольклора. Стихии, силы природы люди одушевляли, очеловечивали; божество воды, леса, ветра, любое другое приобретало облик, хоть в какой-то степени похожий на человеческий.

Большинство ученых считает, что в образе Святогора тоже отразились эти давние представления. Святогор — олицетворение какой-то стихии, это богатырь-стихия. А если это так, то кое-что проявляется. Образ этот родился раньше образов других богатырей, поэтому Святогор в былинах всегда называется старшим богатырем.

Древние верования, древние божества и герои постепенно забывались, оставались в прошлом. На смену старым богатырям пришли новые. Вот почему во всех былинах Святогор обязательно погибает, исчезает, уходит в небытие.

А преемником его, наследником его силы всегда является Илья Муромец — самый любимый герой русских былин.

Когда Святогор оказался в каменном гробу, он сказал Илье:

Илья, припади, припади-тко

Ко гробу ведь, да ко щелочке,

Я вздохну, тебе да прибавлю

Силушки в тебе да вдвое теперь...

Прибавилось силы у Ильи настолько, что он даже смог поднять меч Святогора. Но и после ударов мечом так же появлялись железные обручи. И снова просит Святогор:

Как припади, Илюша, ко щелочке,

Я вздохну — будет вся ведь сила моя у тебя!

А Илья отвечает: «Не надо мне твоей боле силушки».

Илья Муромец — могучий богатырь, но это уже богатырь-человек, а не богатырь-стихия. Рядом со Святогором, с обжорой Идолищем и другими врагами-чудовищами Илья выглядит скромно, былина подчеркивает это. Идолище хвастается: «Я вот по семи ведер пива. пью, по семи пуд хлеба кушаю...» А Илья хлеба ест по три калачика, пьет на три медных пяточка. Идолище —

Еще как он сам семи аршин,

Голова его, как пивной котел,

Еще ножища как-быть лыжища,

Еще ручища как-быть граблища,

Еще глазища как-быть чашища...

А Илья в сравнении с ним обыкновенный человек. Но побеждает всегда, во всех боях и схватках — Илья. Ему в бою смерть не писана.

В четвертом, а потом более подробно в седьмом классе школьники изучают, как образовалось государство у восточных славян. Государство это возникло в VIII–IX веках нашей эры и существовало в условиях тяжелой, почти непрерывной борьбы с внешними врагами, со степными кочевниками (позднее в былинах все они стали именоваться татарами). Борьба за независимость была главной государственной заботой. Понятно, что герой предыдущего, догосударственного этапа, богатырь-стихия Святогор, к этим заботам никакого отношения не имеет. Когда складывался образ Святогора, не было еще государства, а значит, и защищать ему было нечего, самой идеи защиты государства еще не существовало (племенные территории, земли, занятые каким-то племенем, — это совсем не то, что государство, тут все иное, и проблемы иные). А для Ильи Муромца, героя следующей эпохи, эпохи становления государства, самое важное дело его жизни, весь смысл его жизни — в охране Руси, причем Руси единой, не раздробленной, не разделенной еще на множество мелких феодальных княжеств и уделов.

Всего известно около ста былинных сюжетов. Илья Муромец действует или хотя бы упоминается почти во всех былинах, за исключением небольшой группы новгородских былин. А примерно десятая часть всех былин целиком посвящена Илье Муромцу, в них он является главным героем.

Трудно расположить эти сюжеты в каком-то порядке. Не всегда можно сказать, какое событие произошло раньше, а какое позже. В былинах время как бы стоит на месте (я имею в виду историческое время, время истории). Действие всех былин, как уже говорилось, происходит в период существования единого древнерусского Киевского государства, в годы княжения Владимира. И возраст у богатырей всегда один и тот же: Илья — старый, обычно он изображается с седой бородой, он на богатырской заставе старший, атаман. Добрыня Никитич, Алеша Попович — молодые богатыри.

Но одна былина показывает молодым и Илью. Это былина о его чудесном исцелении. С нее и начинается история жизни и подвигов Ильи Муромца. Правда, ученые считают, что эта былина сложена позднее других. Илья настолько любим народом, судьба его так интересовала слушателей и исполнителей, что они обязательно хотели узнать подробности о его жизни, как приобрел он свою силу, как стал непобедимым богатырем.

МУЖИЦКИЙ БОГАТЫРЬ ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Сиднем сидел Илья ровно тридцать лет. Однажды, когда его родители- крестьяне были в поле, появились перед окнами странники, калики перехожие. Напой-накорми нас, просят они его. Рад бы, отвечает Илья, да не владею

я ни руками, ни ногами. А ты попробуй!

Трижды предлагали они ему попробовать. На третий раз — встал Илья!

Спустился он в подвалы глубокие, принес угощение.

А они попили, старцы прохожие:

— А сходи-ка ты, Илья, в погреба славны глубокие,

А принеси-ка ты чарочку полнешеньку,

А ты выпьешь сам на здравие! —

Он принес ли чару полнешеньку:

— А ты пей-ка, Илья, да на здоровьице,

А ты кушай-ка, Илья, да на себе ли ты! —

А он выпил да чарушку полную,

А спросили его старцы прохожие:

— А уж что же ты, Ильюша, в себе чувствуешь?

— А я чувствую ли силу великую:

А кабы было колечко во сырой земле,

А повернул ли земелюшку на ребрышко. —

А и говорили тут старцы таковы слова:

— А ты поди-ка в погреба славны глубокие,

А налей-ка ты ли чарушку полнешеньку! —

А принес он чару полнешеньку:¹

— А уж выпей-то чару единешенек! —

А уж выпил он чару единешенек.

— А теперь, Илья, что ты чувствуешь?

— А нын у меня силушка ли спала ли,

А стала у меня сила вполвинушку. —

А и говорили старцы прохожие:

— А ведь и живи ты, Илья, да будешь воином!

На земле тебе ведь смерть будет не писана,

А во боях тебе ли смерть будет не писана!

Так крестьянский сын Илья Иванович, — а родом он из села Карачарова, что близ города Муром, — стал богатырем. И назвали его по городу Мурому — Муромцем. Первый подвиг — трудовой — Илья совершил немедленно: раскорчевал лес, дубы с корнями выдернул, очистил родительское поле, огородил его. И начал собираться в дорогу. Мать его наставляет:

А уж поедешь ли ты, чадо наше милое,

А ты во славный да ли во Киев-град,

А не кровавь сабли кровавоей,

А не сироти-ка ты да малых детушек...

Во многих случаях мать добавляет: не тронь слабого, даже невооруженного татарина не трогай.

Все остальные подвиги Ильи — воинские. Во время первой поездки в Киев он освобождает от разбойников Чернигов, берет в плен Соловья Разбойника, который тридцать лет перекрывал прямоезжую дорогу на Киев. Матушка не велела ему кровавить своей сабли. Он вспомнил об этом, когда увидел врагов. Но ведь он должен защищать обиженных! И он нарушает родительский завет. В других былинах рассказывается, как Илья расправился с Идолищем, которое засело в Киеве, обирает, унижает людей, оскорбляет князя Владимира — главу русского государства; он побивает захватчика Калина-царя и силу татарскую. В этих произведениях благородный характер богатыря уже не меняется. Во всех былинах Илья Муромец остается могучим, справедливым, бескорыстным, храбрым. Однажды на перекрестке дорог увидел Илья камень, на котором было написано:

В первую дороженьку ехати — убиту быть,

Во другую дороженьку ехать — женату быть,

Третью дороженьку ехать — богату быть.

Илья не испугался угрозы, поехал по первой дороге и одержал победу над сорока тысячами разбойников. Черниговские мужики приглашают Илью стать у них воеводой, Соловей Разбойник предлагает ему великие богатства. Но Илью Муромца никто и ничем соблазнить не может. Воин, богатырь, Илья там, где можно, старается избежать кровопролития: не бьет врагов, а на их глазах разбивает в щепки дуб, и они, устрешенные его силой, разбегаются; иногда Илья пугает врагов тем, что показывает в действии свой богатырский лук — со свистом, с шипением летят каленые стрелы. А иногда он просто высоко подкидывает и ловит противника — и тот тоже отказывается от своих злых намерений. Писатель Константин Сергеевич Аксаков вспоминает, что в детстве (а родился он в 1817 году) ему довелось слышать рассказ о встрече Ильи Муромца с богатырем Зюзей. Сражения у них не получилось: Илья «схватил богатыря в руки и кинул вверх, и потом опять подхватил его на руки и поставил на землю. Богатырь, пока летел вверх и падал вниз, успел сказать сто раз: «Виноват, Илья Муромец, вперед не буду!» В былинах подчеркивается, что Илья роду незнатного. Он или крестьянский сын, или старый казак. Из всех богатырей он самый близкий народу. Зато с князем Владимиром Илья нередко враждует. Чуть что — князь попрекает Илью простым происхождением. Когда Илья привез в Киев побежденного Соловья Разбойника и сказал об этом Владимиру, тот не поверил и набросился на него с бранью:

Ай же ты, мужик да деревенщина!

Во глазах ты, мужик, да й насмеяешься,

Во глазах ты, собака, и подлыгаешься,

Где тебе проехать дорожкой прямоезжей?..

Цылины о нашествии врагов на Русь часто начинаются с того, что Ильи в это время нет в Киеве — он или уехал, или сидит в заточении. Князь Владимир велел закрыть его в погребе и не кормить, не поить (правда, дочь его Апракса-королевична нарушает этот запрет). И вот, когда дело уже совсем плохо и князь начинает горько сожалеть, что он так поступил с Ильей Муромцем, Апракса сообщает: богатырь жив. Владимир сам бежит к Илье, унижается, просит прощения. И Илья, несмотря на все свое презрение к князю, идет сражаться, говоря при этом: не за тебя иду я, не за княгиню, а за Киев-град, за русскую землю, за черных мужиков.

В былине «Илья Муромец и голи кабацкие» изображается уже что-то вроде народного восстания. Илья Муромец, обиженный на князя (князь не пригласил его на пир или посадил на меньшее место), сбивает золотые маковки с церковей и отдает их нищей братии, голям кабацким; вместе с ними он буйствует в Киеве. И только ловкий ход Владимира (он послал на переговоры дипломатичного Добрыню Никитича — названного брата Ильи) как-то исправляет положение. Илья говорит:

— Ай же ты, князь стольно-киевский!

А знал-то, послать кого меня позвать,

А послал-то братца ко мне ты крестового,

А того-то мне Добрынюшка Никитича.

Кабы-то мне да ведь не братец был,

А никого-то я бы не послушал здесь,

А скоро натянул бы я свой тугой лук,

Да клал бы я стрелочку каленую,

Да стрелил бы ты в гридню во столовую,

А я убил бы ты, князя, со княгинею.

За это я тебе-то нынь прощу

А эту вину да ты великую.

Чувство принадлежности к классу, классовое чувство возникает только на определенном историческом этапе, — после того как произойдет расслоение, разделение членов родовой общины на бедных и богатых, после того как в самой действительности сложатся классы, выявятся классовые различия, противоречия. Все сходится. Самые древние образы былин относятся к догосударственному периоду. Мы убедились в этом на примере Святогора. Добавим сюда еще образы былинных чудовищ, Змея, Змея Горыныча (в этом имени, кстати, тоже, возможно, есть какая-то связь с горами). Но все эти образы явно относятся и к доклассовому обществу. Никакой классовой оценки, классового чувства в характеристике этих образов не обнаружить. Это общенародные враги, насильники, без разбору хватающие, убивающие, пожирающие людей.

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ БЫЛИН

Итак, зарождение былин, если судить по их самым древним элементам, можно отнести к эпохе первобытнообщинного строя. Но окончательно, как особый вид народного художественного творчества, былины сформировались в условиях существования классов и государства. Всякое классовое государство имеет две задачи. Во-первых, оно помогает господствующему классу, меньшинству, держать в повиновении эксплуатируемое большинство. Вторая задача государства — охрана независимости, борьба с внешними врагами. Народ вел непрерывную борьбу с угнетателями, а следовательно, и с государственной властью. Но он поддерживал государство и власть, когда речь шла о внешних врагах, о сопротивлении захватчикам. Отсюда, между прочим, и двойственное отношение былин к князю Владимиру. Когда он воспринимается как представитель господствующего класса, бояр-феодалов, он ненавистен народу, былина высмеивает, осуждает его. А как глава единого и сильного Русского государства он — герой положительный, он — «ласковый», «красное солнышко». Его как главу государства охраняют

богатыри, они отстаивают его достоинство, его честь, его семью, когда иноземные захватчики приходят в Киев.

Русский былевой эпос¹ —государственный эпос. Центральная идея, проходящая почти через все былины, — идея защиты государства, русской земли. Не только Илья Муромец, но и другие главные герои русских былин — Добрыня Никитич и Алеша Попович совершают лишь воинские подвиги. Они стоят на богатырской заставе, охраняют Киев, побивают всех врагов, как бы они ни назывались: Соловей Разбойник или Идолище, Тугарин, Змей Горыныч или Калин-царь.

В былине «Алеша Попович убивает татарина» так и говорится об этом:

Еще было во городе Киеве,

Что у ласкового князя у Владимира,

Еще было на дворе ведь три богатыря,

Проживали все у князя у Владимира,

Оберегатели были красну Киеву,

Что тому Ли князю всё Владимиру,

Апраксее-то же были королевичне,

Как любимой-то ведь Князевой племяненке,

Еще душечке-то были Марфе Митревне.

Особняком в русском эпосе стоит былина о Вольге и Микуле.

Князь Вольга едет за данью, встречает по дороге пахущего крестьянина и приглашает его с собой.

Крестьянин соглашается. Таково содержание былины. Как видим, она не является воинской, в ней не происходит никаких сражений. В образе чудесного пахаря-богатыря Микулы Селяниновича, считают ученые, запечатлен трудовой подвиг наших предков — переход от охоты и собирательства к пашенному земледелию. Это действительно исторический подвиг, знаменующий новый этап в жизни славян.

Нет здесь и классовых столкновений. Но былина построена на противопоставлении: крестьянин — князь. Во всех случаях противопоставления верх одерживает крестьянин. Ни двое, ни трое дружинников, ни вся княжеская дружина не в состоянии сдвинуть с места соху Микулы, а Микула легко закидывает ее за куст одной рукой. Сам князь на своем коне позорно отстает от крестьянской кобылки (и он машет Микуле шляпой: мол, подожди). Микула Селянинович — настоящий богатырь. Когда на него напали разбойники, он побил их; он везет соль в мешках по сорок пудов. И поле его бескрайнее — богатырское поле, и соха его — богатырская, и лошадь — богатырская, и работа — богатырская... За два дня до встречи слышит Вольга, как Микула пашет землю:

А орет-то в поле ратай, понукивает,

А у ратая сошка поскрипывает,

Да по камешкам омешики прочиркивают...

Это описание — одно из удивительных художественных достижений русского фольклора. А сам образ Микулы Селяниновича, могучего, независимого, знающего себе цену и вместе с тем скромного землепашца, поражает своим размахом, силой обобщения. Немногие герои литературы могут стать вровень с ним. Русские былины, в том виде, в каком они дошли до нас, складывались не одновременно, а постепенно, на протяжении десятилетий и даже столетий.

Со второй половины XI века, когда единое Киевское государство распадается на обособленные феодальные княжества, в наиболее крупных и культурно развитых княжествах по уже известным образцам создаются былины о местных героях-богатырях. Такие былины появляются в богатом Новгороде, в Ростово-Суздальском, Галицко-Волынском княжествах. В последующие столетия былинное творчество ослабевает. Со времен татаро-монгольского нашествия новых произведений почти не создается. Но старые былины продолжали жить и в эпоху татаро-монгольского ига, и позднее, когда после освобождения Руси новым центром, вокруг которого началось собирание русских земель, стала Москва.

Каждая эпоха вносила в былины какие-то свои черты. Поэтому на вопрос, когда появилась та или иная былина, ответить очень трудно. В каждой былине есть и очень древние и более поздние детали. Например, в одном и том же произведении упоминаются и палица, и чемодан; в одном произведении соединяются персонажи, которые жили в разных столетиях, называются города и поселения, существовавшие в разные эпохи; нередко смешиваются события, происходившие в разных местах и в разное время. В былинном образе Владимира сохранилось воспоминание не только о Владимире Святославиче, который княжил в Киеве с 978 по 1015 год, но и о Владимире Мономахе, и, возможно, о других князьях. Владимир жил в X — начале XI века; в былинах он современник татарского нашествия, которое происходило в XIII веке. Но не нужно думать, что былина — это какая-то мешанина, в которой нет ни склада, ни ладу. Новые исторические события, новые жизненные детали, новые герои входили в старые былины естественно, органически. Происходила непрерывная художественная переработка нового материала. Каждый раз, в каждом исполнении былина представляла перед слушателями законченным художественным произведением, со своим замыслом, со своей идеей.

Уже говорилось, что былины, в которых богатырь борется со всякого рода чудовищами, Змеем, считаются более древними. Это образы догосударственного эпоса. Но вот на Русь напали татаро-монголы. И чудовище Идолище постепенно начинает приобретать черты татарского царя, захватчика, меняется его облик: оставаясь чудовищным, он все-таки приобретает какие-то человеческие черты.

То же самое происходит и с образом Тугарина: он и чудовище, поражающее своими размерами, обжорством, он как будто бы и змей, летающий с помощью крыльев, но он же наделен и человеческими чертами.

Древнейшие герои догосударственного эпоса не могли быть захватчиками — они были похитителями людей, пожирали их, они были насильниками. А захватывать землю, территорию государства они не могли, потому что, как уже говорилось, государства как такового еще не существовало. Так вот, в былинах древние черты похитителей и насильников постепенно заменялись чертами захватчиков. Разные образы прошли разный путь от героя догосударственного эпоса до героя эпоса государственного.

Былина «Добрыня и Змей». Добрыня Никитич захотел выкупаться в Пучай-реке. Мать предупреждает его об опасности, но он все-таки отправился. На него нападает Змей. В тяжелом бою Добрыня победил Змея.

Тут Змея ему воскорилая:

— Не буду я летать по Русиюшке,

Не буду я хватать да народу-то,

Не буду я глотать да скотины ведь.

Похож этот Змей на захватчика? Нет, бой не идет здесь за Киев, за русскую землю. Вот, может быть, на грабительские набеги древних кочевых племен это больше похоже.

Былина «Илья Муромец и Идолище». Илья возвращается в Киев после долгого отсутствия. Встречные рассказывают ему, что в Киеве произошло несчастье:

Да большо у нас в городе смешеньицо,

А велико у нас в Киеве пострясеньицо.

А ко нашему ко городу во Киеву,

А ко нашему князю ко Владимиру

А подошло где Идолище поганое,

А поганое Идолище, проклятое.

А голова-то у Идолища как пивной котел,

Да в плечах-то Идолище всё косая сажень...

В этой былине уже довольно отчетливо проявляется мысль о Киеве, о государстве, это уже не простое столкновение двух сил, как в предыдущем случае.

Былина об Илье Муромце и Калине-царе. Это не переработка более старого сюжета. Былина возникла как прямой отклик на нашествие татаро-монголов. Калин-царь не имеет черт чудовища, великана. Он опасен не своей собственной силой, а как предводитель огромного войска (точно говорится: это конница). Со Змеем, с Идолищем русские богатыри бьются один на один. Побил Илья Идолище — и Киев освобожден. А тут Илья сражается с войском, с силой татарской.

Татаро-монгольское нашествие было таким потрясением для народа, что оно в народном сознании заслонило многие другие исторические события. И получилось так, что и более старые былины о единоборстве с чудовищем и Змеем, возникшие еще в родовом обществе, и те, что появились позднее, стали относиться к одному времени, к одному и тому же событию.

Во многих былинах, как и в былине об исцелении Ильи Муромца, об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, показано, как герой собирается и едет в Киев служить князю Владимиру, защищать Русь. С помощью такого сюжетного добавления действие разных былин, возникших в разных княжествах, стало приурочиваться к Киеву. Так постепенно сложился круг (или цикл) Киевских былин.

Несколько былин — о Святогоре, о Вольге и Микуле и некоторые другие — не вошли в этот цикл.

Отдельно сохранились также новгородские былины, героями которых являются бедный гусляр Садко, ставший купцом, и городской богатырь, предводитель новгородской вольницы Василий Буслаев. Эти былины отражают своеобразную жизнь торговой республики. Здесь нет воинских подвигов, борьбы с оружием в руках за независимость. Речь тут идет о торговом могуществе Новгорода, о его богатстве, о его соперничестве с Москвой. Сохранились в новгородских былинах многие детали быта средневекового города, — например, изображаются кулачные бои — любимое развлечение древних новгородцев.

Жизнь народа — это основа, на которой создавались былины и все другие произведения народного творчества. Но история не закрепляется в былине, как в каком-нибудь научном сочинении. История здесь становится литературой, устной литературой. А у литературы* как и у всех видов искусства, свои цели и задачи. Искусство стремится не только рассказать о жизни, но и изменить жизнь в лучшую сторону, воспитать человека, сделать активным борцом за изменение жизни.

Именно этими особенностями искусства объясняются некоторые загадки фольклора. Важнейшие события и факты действительной истории фольклор как бы не желает знать, не замечает их. Почти не отразилось в фольклоре крепостное право. В былинах ни слова нет о трехвековом татаро-монгольском иге. Былины рассказывают только о двух моментах: о том, как страшные полчища завоевателей (или какое-то чудовище-Идолище) подошли к Киеву, и о том, как богатыри освобождают Киев, разгоняют, уничтожают татарскую силу (или чудовище-Идолище).

Большинство ученых считает, что былины о разгроме татаро-монголов создавались, жили в народе, исполнялись в самые страшные годы порабощения. Значит, былина, как и всякое художественное произведение, показывает не только то, что было, а и то, что должно быть.

Захватчики, насильники должны быть разгромлены!

В эпоху, когда Русь была ослаблена княжескими междоусобицами, а князья думали только о своих уделах, о своем куске земли, о своем городе, былины как бы не замечали этой раздробленности, не упоминали о ней.

Былины воспевали единое, могучее Киевское государство.

Русь должна быть единой!

Красное солнышко — так называют былины князя Владимира. Это при нем Русь была независима, а князья не смели затевать обременительных для народа распрей.

Княжеская власть всегда должна быть могущественной!

Конец X — начало XI века, время княжения Владимира Святославовича, — время независимости и славы Древней Руси. Именно к этому периоду, позднее приукрашенному, идеализированному, и стали относиться все былины — и те, что родились задолго до того, в недрах родового строя, и те, что возникали в последующие столетия.

И все вместе былины показывали, учили, какой должна быть Русь, какими должны быть князья и как народ должен отстаивать свой мирный труд и свободу.

В былинах, песнях и частушках, в сказках в художественной форме воспроизведены идеалы народа, его представления о чести, о справедливости.

Фольклор, по словам Владимира Ильича Ленина, выражает чаяния и ожидания народа...это многовековое творчество масс отображает их мирозерцание в разные эпохи».

П. Н. РЫБНИКОВ И А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГ

При слове «былина» в памяти сразу же возникают два имени: Рыбников и Гильфердинг. Эти два собирателя, ни в чем не похожие друг на друга, совершили равный научный подвиг: они спасли от забвения, сохранили для потомков величайшие художественные ценности.

Павел Николаевич Рыбников (1831–1885), еще будучи студентом Московского университета, проникся передовыми взглядами. Он стал одним из самых активных членов тайного кружка. Уже после революции в архивах было обнаружено дело «О сборищах на квартире студента Рыбникова». Рыбников попал в поле зрения полиции. За ним стали следить.

В 1859 году он, подобно многим другим революционно настроенным молодым людям, отправился «в народ», в деревню — отчасти для целей пропаганды, отчасти для изучения жизни народа, для записи произведений народной поэзии. Одет он был не так, как ходили господа, а по-крестьянски: старые сапоги, поддевка и рубаха с косым воротом — косоворотка. Да еще бороду отпустил.

Рыбников вел разговоры с крестьянами о прежних бунтах, интересовался песнями о Пугачеве, самое имя которого было под запретом. Одну из таких песен со старинной картинкой с изображением Пугачева он привел в письме, и это письмо прочитал, видимо, не только адресат.

...Ежели б он всю Россию уловил,

Много бы господ подавил;

Емельян господам был крестным отцом,

Жаловал жарким и холодцом.

Крестьянам было бы весело,

Когда бы рука их господ вешала.

Ценные материалы, собранные Рыбниковым в Черниговской губернии, в том числе много песен, были сожжены в доме, где его арестовали.

Вскоре П. Н. Рыбникова выслали в Петрозаводск.

Со времен декабристов почти все политические ссыльные изучали народный быт, обряды, народный календарь, приметы, собирали песни, легенды, сказки.

За 10 лет до Рыбникова в Карелию был сослан член революционного кружка петрашевцев А. П. Баласогло. И он записал большое количество песен, сказок, по-видимому, несколько былин. Когда его из Петрозаводска отправляли в Петropавловскую крепость, он захватил с собой два чемодана бумаг. Эти бумаги бесследно исчезли (может быть, они где-то еще существуют, в каком-нибудь архиве, ждут вот уже 130 лет своего открывателя?).

В Петрозаводске Рыбников стал чиновником и сразу же приступил к собирательской работе. Он занимался историей, отыскивал старинные рукописи, предметы древности (например, он передал в Археологическое

общество каменный топор с изображением медвежьей головы — больше таких топоров в тех местах никто не находил).

Было бы неправильно сказать, что Рыбников первым узнал о сохраняющихся в Карелии древних былинах. В газете «Олонецкие губернские ведомости» еще до его приезда в Петрозаводск была напечатана былина с указанием: «Из бумаг А. П. Б.» — то есть Александра Пантелеймоновича Баласогло; полное имя узника Петропавловской крепости не решились упомянуть. Сам Рыбников отыскал несколько рукописей, в которых содержались былины. Но эти единичные тексты никому не были известны. Ученые знали русские былины главным образом по сборнику Кирши Данилова.

И вдруг стали выходить «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», чуть ли не каждый год по тому: в 1861-м, 1862-м, 1864-м, 1867 годах. Кроме песен, легенд, сказок, загадок, заговоров, причитаний, — 200 былин! И где — в двух шагах от столицы! От Аодейнопольского уезда, крайней точки Олонецкой губернии, где Рыбников и его помощники записывали былины (у него было много помощников из местной интеллигенции), до Петербурга — всего двести с небольшим верст.

Ученый мир был потрясен. На первых порах некоторые даже стали сомневаться — подлинные ли это записи? Но вскоре собиратель опубликовал свои заметки, объяснения к записям, и всякие сомнения отпали. Рыбников совершил переворот в научных представлениях своего времени. Он показал, доказал, что эпическое творчество русского народа еще живет. Он по-новому подошел к собирательской работе, он первым стал указывать, где и от кого записано данное произведение. Рыбников предполагал расположить все былины не по сюжетам, а по исполнителям. Но петербургский издатель его мнением пренебрег. Только во втором издании, которое вышло в 1909–1910 годах в трех томах (под редакцией А. Е. Грузинского), былины распределены по сказителям.

Большая заслуга Рыбникова в том, что он открыл выдающихся певцов-исполнителей, замечательных знатоков русского эпоса.

В первую очередь здесь следует назвать Трофима Григорьевича Рябини-на (1791–1885), родоначальника знаменитой сказительской династии Ряби-ниных. От Трофима Григорьевича записано 26 былин, и все они отличаются высокими художественными достоинствами. С детства Трофим Григорьевич испытал величайшую нужду, нищенствовал. И в былинах его всегда подчеркивается социальное неравенство, он особенно подчеркивает ничтожество и слабость князя Владимира, возвеличивает крестьянских богатырей — Миколу Селяниновича и Илью Муромца. Самый лучший вариант былины о Вольге и Миколу записан от Трофима Григорьевича Рябини-на.

Исполнителем былин был и сын Трофима Григорьевича, Иван Трофимович; пасынок Ивана Трофимовича — Иван Герасимович Рябинин-Андреев тоже был знаменитым певцом; ученые записывали былины от Петра Ивановича Рябини-на-Андреева, сына Ивана Герасимовича; производились записи и от внука Трофима Григорьевича — Михаила Кириковича Рябини-на. А Михаил Кирикович уже и сам сочинял, он был членом Союза писателей и скончался несколько лет назад.

...Интерес к народному творчеству проявляли в 50–60-е годы XIX века все деятели революционно-демократического лагеря, во главе которого стояли Чернышевский и Добролюбов. Особенное внимание уделял этим вопросам Добролюбов.

Крепостническая система стала невыносимой для народа. Россия бурлила, волновалась. Чтобы освободить народ, чтобы пробудить его к сознательной борьбе с крепостничеством, считал Добролюбов, нужно знать народ, знать его нужды, взгляды, идеалы. Это знание мог дать фольклор, причем только подлинный, не искаженный собирателями. Записывая песню или сказку, говорил Добролюбов, нужно обязательно отмечать, как относятся к ней слушатели и исполнители, нужно показать среду, в которой она живет.

Деятельность П. Н. Рыбникова и следует рассматривать как практическое осуществление идей Добролюбова.

В свою очередь, под влиянием П. Н. Рыбникова развернул широкую собирательскую деятельность петрозаводский учитель Ельпидифор Васильевич Барсов (1836–1917). Е. В. Барсов записывал и сказки, и былины, и песни — они напечатаны в разных сборниках. Но славу и широкое научное признание принесли ему публикации свадебных, похоронных и рекрутских причитаний, или плачей. В 1872–1885 годах Барсов выпустил «Причитания Северного края» в трех томах. В основе сборника — произведения, записанные от знаменитой вопленицы Ирины (Орины) Федосовой.

Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) придерживался весьма умеренных политических взглядов. Был он ученым, знатоком славянских языков и литератур. Сегодня имя его было бы известно только специалистам-славистам, если бы не четыре месяца, которые он провел в Карелии...

А началось все с того, что Гильфердинг необыкновенно заинтересовался работой, вернее, результатами собирательской работы Рыбникова. Как знатоку славянского фольклора, ему захотелось самому побывать в Олонецком крае, послушать и записать былины.

Успех Гильфердинга был не менее впечатляющим: он привёз из Карелии 318 былинных текстов!

Рыбников, Барсов, не говоря уже о собирателях XVIII века, все-таки были любителями. А Гильфердинг имел отличную филологическую подготовку. Его записи по точности превосходят записи всех других собирателей. Он более подробно и последовательно, чем Рыбников, описывал условия записи, дал содержательные характеристики всем без исключения исполнителям.

Как писал советский фольклорист Марк Константинович Азадовский, «экспедиция Гильфердинга до сих пор является одним из крупнейших событий в науке. Самому Гильфердингу она стоила жизни: во время работы в Олонецком крае он заболел и там и скончался. Сборник былин вышел в свет уже после его смерти, составив эпоху в изучении русских былин и вообще фольклора».

Потомки воздают должное не только научным результатам поездок Рыбникова и Гильфердинга, но и их мастерству собирателей, необыкновенной работоспособности, умению вызывать доверие к себе и просто физической выносливости.

Современники пароходов и паровозов, они оказались на Севере в условиях весьма нелегких. Там, например, даже летом пользовались саними, а не телегами (полное бездорожье, болота!). Была в ходу еще и волокуша: две жерди, закрепленные как оглобли и свободно волочащиеся по земле, — отсюда и название. Крестьянин сидел верхом, а поклажа прикреплялась к обеим жердям где-то на середине их длины.

Это теперь каждая бабушка понимает смысл и значение собирательской работы. А прежде между собирателем и сказителем лежала настоящая пропасть. Крестьяне не доверяли собирателю, принимая его за чиновника, барина (чаще они и были чиновниками, господами; Гильфердинг, скажем, имел чин действительного статского советника, что равнялось генеральскому чину). Объясняя, почему не указана фамилия исполнителя одной былины, Рыбников пишет: не спросил фамилии, потому что не хотел пугать его, настораживать.

Невероятно трудным было и само записывание былин: нужно было ведь не просто изложить содержание, а сохранить, зафиксировать на бумаге все самые тончайшие особенности произношения, песенные частицы, растяжения слов, замечания, объяснения исполнителей в ходе пения, их отношение к содержанию былины. Пение продолжалось часами, и долгими часами, весь напряженный, боящийся упустить малейшую деталь, сидел и писал, писал со-, биратель.

Иван Аникиевич Касьянов, единственный из сказителей, оставивший воспоминания о встречах с Гильфердингом, рассказывает:

«...В понедельник поутру явился и размышляю так: что наши уездные господа становые пристава и разные служащие лица весьма гордые, и думал, как явлюсь я к генералу, берет страх и ужас. Затем, перекрестив глаза, и говорю:

«А что господа даст! Если чего и не знаю, да с мужика, так думается, и не взыщет».

По-видимому, с такими же чувствами шли к Гильфердингу и другие певцы былин. Однако дальше их настроение менялось.

«...Александр Федорович принял меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоял перед ним с дрожащим сердцем. И он, господин, видит во мне перемену и говорит Ефиму Ивановичу (Ефим Иванович — слуга Гильфердинга. — В. Б.): «Налей рюмочку хорошей водки!» Но от которой я отказался, потому что никогда не пивал». Александр Федорович предложил своему новому знакомому чаю. «Когда выпил я, Касьянов, стакан чаю, то поосвежился духом, как будто стало и посмелее. Тогда начал я петь былинку о Добрыне Никитиче, а генерал начал сам писать, так очень скоро и успешно, что едва успеваю я голосом пропевать».

Генерал оказался «человеком очень скромным, смирным и ласковым», и Касьянов вспоминает: «На другой день мне было очень весело».

ОКНО В ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ ПРОШЛОЕ

«В некотором царстве, в некотором государстве...»

Эти слова — как позывные перед футбольным матчем: только услышишь — сразу знаешь, что дальше будет. Дальше будет сказка.

Сказки бывают разные. Есть волшебные, или фантастические. Тут действуют такие герои, как Баба-Яга, Кощей Бессмертный, чудесные предметы — дубинка-самобойка, скатерть-самобранка, гусли-самоигры. Есть сказки о животных, похожие на басни. Есть сказки бытовые (их еще называют новеллистическими; «новелла» по-итальянски — «рассказ», «история»). В них речь идет о жизни дореволюционной России: о барине и попе, о поповом работнике, о бедном мужике, о ловком солдате. Бытовая сказка, как показывают ее содержание, ее герои, самая молодая. Волшебная сказка зародилась так давно, что... ни в сказке сказать, ни пером описать.

Ну-ка посмотрим сначала: с какими верованиями связана былина и с какими — волшебная сказка. Специалист может найти в былине отголоски дохристианских, языческих представлений. Но в целом былина никаких религий, кроме христианства, на Руси уже не помнит (а христианство было принято в 988 году). В описании Киева всегда упомянуты церкви. Богатыри крест ведут по-писаному, поклон кладут по-ученому; в знак дружбы они меняются нательными крестами (и потому часто называют друг друга крестовыми братьями). В сознании творцов былин татары-язычники всегда противопоставлены киевлянам-христианам. Но не нужно думать, что былины прославляют религию. Когда Илья Муромец разгневался на князя Владимира, вот что он стал делать:

Скоро он натянул тугой лук,

Кладывает стрелочку каленую,

Стрелял он тут по божьим церквам.

По божьим церквам да по чудным крестам,

По тым маковкам золоченым.

И это нисколько не осуждается былиной.

А сказка... В некоторых сказках есть такие персонажи, как Солнце, Месяц (Месяц Месяцович), Ветер. Как их нарисовать? Есть ли что-то человеческое в их облике?

Дедушка-Водяной, говорят ученые, — древний хозяин воды. Баба-Яга — хозяйка леса, хозяйка лесных зверей. Эти образы (как и образы былинного Святогора) ведут нас к представлениям первобытных людей, которые одушевляли, очеловечивали все стихии, все силы природы.

Первобытные люди почитали зверей и птиц. Они думали, что каждое племя, каждый род происходит от какого-нибудь животного предка. Такому животному (его называют тотемным, а такие верования — тотемизмом) поклонялись, приносили ему жертвы. Сами наименования племен и родов часто указывают на их тотемного предка, покровителя.

Коренное население Австралии сохранило в быту, в своей культуре много древнейших черт. Вот как начинается одна из австралийских сказок: «От племени к племени передавалась весть о том, что наступила хорошая пора и должно состояться великое собрание племен. Место собрания было намечено в Гугуревоне, месте деревьев...»

Когда род за родом прибывал в Гугуревон, каждый из них занимал место на хребтах, окружающих открытую равнину... В одном месте расположился род воронов Ван, в другом — голубей Ду-мер, в третьем — род собак Мази и тому подобное. Здесь был Байаме со своим родом черных лебедей Байамул, род ящеров Убун с синими языками и много других. Каждый род расположился отдельным стойбищем».

По тотемным предкам — птицам и зверям — называли свои роды американские индейцы. Например, племя сенека состояло из восьми родов: род Волка, род Медведя, род Черепахи, род Бобра, род Оленя, род Кулика, род Цапли и род Сокола. К далеким тотемическим верованиям восходит и почитание коров в Индии, и изображение медведя на швейцарском гербе.

В некоторых русских сказках действуют Орел, Сокол, Ворон Воронович — это тоже воспоминание об очень далекой поре, воспоминание о тотемных предках.

Анализируя волшебные сказки, ученые находят в них отражение разных сторон жизни первобытного человека, его верований и обрядов и, в частности, обряда посвящения мальчиков в охотники, в воины. Обряд этот был очень важным событием для каждого члена племени, имел всеобщее распространение, поэтому воспоминание о нем сохранилось в наиболее отчетливом виде.

Становясь полноправными членами рода, племени, мальчики должны были доказать, что они усвоили опыт, мудрость старших, что они способны перенести любые тяготы. Тайными тропами, иногда даже с завязанными глазами их отправляли в лес, в особую мужскую хижину, в которую не имели права войти посторонние, и там подвергали многим испытаниям, порой мучительным.

Заканчивая школу, ученик тоже подвергается испытаниям: его знания проверяются на экзаменах. И он получает аттестат зрелости — свидетельство о том, что он обладает определенными знаниями, которые будут нужны ему в его взрослой жизни. А разница в чем? Первобытному человеку, чтобы выжить, чтобы добыть зверя, необходима была физическая выносливость, сила, выдержка. Умение сохранить спокойное выражение лица, не засмеяться, не вскрикнуть тоже считались важными достоинствами охотника и воина. Во всех книгах об индейцах всегда подчеркивается, как они спокойны, сдержанны. Ну а человеку XX века одних физических достоинств уже недостаточно. Ему нужно знать математику, физику, химию, биологию, чтобы строить новые машины, чтобы управлять ими. Мы ведь всю тяжелую работу переложили на них. В старинных записях сказок несведущего человека может поразить какая-то на первый взгляд необъяснимая жестокость. Например, герою отрубают пальцы. Или один человек просит другого рассказать какую-нибудь историю.

Хорошо, говорит второй, я расскажу, но если перебежешь меня, — ремень из спины вырежу. Эта древняя деталь напоминает об обряде посвящения (или, по-ученому, инициации). Обряд посвящения у индейцев существовал еще в прошлом веке. И мальчики с гордостью переносили все испытания.

Да что говорить о прошлом веке! Совсем недавно, уже в наши дни, польский журналист О. Будревич посетил джунгли реки Амазонки, где обитает первобытное индейское племя пиароа. И вот что он рассказывает: «Мой интерес к маленькому шалашу, стоящему в стороне от большого, общинного, встречен глухим молчанием. Но я и так знаю, что это святилище, из которого один месяц в году выходят разрисованные пиароа, исполняющие обрядовый «танец ягуаров», и где затем совершается инициация — жестокий обряд посвящения юношей в мужчины. Он заключается в том, что на них напускают сотни свирепых муравьев и они должны безропотно снести их укусы».

Молодой герой сказки — а он всегда молодой, часто мальчик, подросток — получает какое-то трудное задание. Повествование о том, как он преодолевает все препятствия, доказывает свое мужество, находчивость, проявляет лучшие душевные качества, воспроизводит (в измененном, конечно, виде) схему древнего обряда инициации.

Ну а мужской дом, где проходили испытания, — разве не напоминает он эпизодов из многих сказок: дом в лесу, и живут там часто какие-то чудовища, неведомые существа, или животные (медведь, например), или на худой конец разбойники, — но почти всегда одни мужчины, братья, женщины в таком доме бывают редко.

А что это за избушка на курьих ножках, которую никогда не минет герой? (Кстати, некоторые ученые считают, что в этом образе сохраняется переосмысленное воспоминание о древнейших жилищах, о свайных постройках; остатки свайных поселений недавно нашли даже в Псковской области.) Тоже не простая это избушка — она стоит на границе мира обычного и необычного, волшебного мира (когда-то царства мертвых). Здесь происходит его испытание, и он становится непобедимым. И вот что интересно: сам герой остается прежним, но он приобретает чудесного помощника — клубочек, например, который указывает дорогу.

По представлениям древних, силу, мужество и мудрость юноша мог получить только от предков. Потому он и стремится проникнуть в их царство. Стоит избушка к тебе задом — она смотрит в волшебное царство, повернулась передом — находится в твоём, обычном мире. Лишь через двери этой избушки и можно попасть в другой мир.

И еще одно наблюдение. Былина возникла в земледельческий период жизни народа. Илья Муромец — крестьянский сын. В былинах о Микуле Селяниновиче опоэтизирована работа крестьянина, воспет исторический подвиг славянских племен — овладение пашенным земледелием во второй половине I тысячелетия нашей эры.

Внимательно вглядываясь в содержание волшебной сказки, снимая позднейшие напластования, ученые пришли к выводу, что в сказке отражен более ранний исторический этап, когда люди еще не знали земледелия, а пользовались готовыми дарами природы — занимались охотой, ловили рыбу, собирали съедобные корни, искали мед диких пчел. (Этот промысел назывался бортничеством — от слова «бортъ» — «дупло», «дерево с ульем», «колода с пчелами»; да и слову «братъ» оно родственник, как и слово «бор». «Беру», «собираю», «медосбор» — просто чередование гласных, а корень один и тот же.) Еще в начале XVIII века была в ходу поговорка: «Кто с дерева убилися — бортник, а утонул — рыболов». Конечно, возникла эта поговорка гораздо раньше.

Значительная часть сказочного действия происходит в лесу. И лес этот всегда дикий, дремучий. Умение ориентироваться в нем (клубочек!) тут просто необходимо.

В 1525 году русский царь Василий Иванович отправил посольство в Рим, к папе Клименту VII. В числе послов был Дмитрий Герасимов, человек очень образованный, знавший несколько языков, отличный рассказчик.

Итальянский историк Павел Иовий Новокомский написал книгу об этом посольстве, о России, во многом основанную на рассказах Герасимова. В этой книге находим сказку «О поселянине и медведице» — это первая запись русской сказки, сделанная почти 450 лет назад.

Посол московский Димитрий, отличающийся веселым и остроумным характером, рассказывал при громком смехе всех присутствующих, что в недавнее время один поселянин, живший по соседству с ним, прыгнул сверху для отыскания меда в очень большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь; два дня он питался одним только медом, так как голос мольбы о помощи не мог в этих уединенных лесах достигнуть ушей путников. Напоследок же, когда он отчаялся в спасении, он по удивительной случайности был извлечен и выбрался оттуда благодеянием огромной медведицы, так как зверь случайно, подобно человеку, спустился туда поесть меда. Именно поселянин схватился руками сзади за крестец медведицы, та перепугалась от этой неожиданности, а он заставил ее выпрыгнуть как тем, что потянул ее, так и тем, что громко закричал.

Не следует удивляться, что здесь повествуется как бы о действительном событии — это часто бывает в сказках. И форма не совсем сказочная — так ведь Герасимов рассказывал эту историю на латинском языке, Павел Новокомский записал ее своими словами, по памяти, а потом уже ученые снова перевели ее с латинского на русский.

Самый устойчивый элемент произведения — сюжет. В сюжете-то как раз и угадывается старая основа: связь с древнейшим занятием славян — бортничеством.

Сказки этого типа сохранились и до наших дней. Но теперь герой обычно просто попадает в яму, в дупло и выбирается оттуда, схватившись за хвост волка или медведя. Причина, по которой герой попадает в дупло — поиски меда, — уже забыта...

В 1947 году в новгородской деревне Заозерье мы с моим товарищем, в то время тоже еще начинающим фольклористом, услышали одну веселую сказку «Вот однажды...» А сейчас, перечитывая сказку Герасимова, я вспомнил и ту, что рассказал нам заозерский старик Михаил Карпов.

«Вот однажды шел я с Петрограду пешком со своим пестрым мешком. Одежина была плохая. Ночевать проситься совестно...»

После разных приключений герой оказался в лесу («Лес большой»). Там его разбойники засадили в бочку из-под рыбы.

«...Приходят волки, кругом бочки стали ходить, как тут рыбный дух идет. А в бочке гвоздь был большой. Вынул я его. Тогда один волк положил лапу на бочку, схватил я его за лапу; вот он тут пошел, а бочка то об дерево, то об пень. А я держу его. Потом бочка рассыпалась. Тогда я пустил.

А куда идти — не знаю. Шел, шел, думаю: «Залезу на дерево, посмотрю — может, увижу край». Вот лез, лез, лез. Осина толстая. А влез я высоко, а осина была с дуплом. Я ошибился, и прямо в это дупло, и по самый этот корень въехал. «Ну, теперь, — думаю, — пропало. Не вылезти».

Слышу, приезжают мужики резать дерево на ульи для пчел. А для пчел надо пустые стволы. Стали они обухом бить по деревьям. В аккурат по этому стукнули.

— А вот, — говорят, — пустое дерево, надо срезать.

Резали, резали, стали до ног подрезать. Я понемногу на локти поднимусь, а заморюсь — стану на пилу.

Тогда они говорят:

— Зажало ветерком. Надо клин вбить.

Покуда они клин вбивают — я отдохну, да на локтях опять подтянусь.

Срезали они осину, повалилась осина; она валится, остался я на пню...

Тогда эти люди испугались, да бежать».

И Михаил Карпов, и Дмитрий Герасимов рассказывают сказку одинаково: как быдло; хочешь верь, хочешь нет. И тот же древний сюжет, только сильно изменившийся за эти 450 лет, как бы распавшийся на два отдельных эпизода: первый — человек спасается с помощью животного и второй — человек попадает в дупло...

В волшебных сказках, где действуют разные чудовища вроде девятиголового змея, где герой добывает для царя жар-птицу, или коня золотогривого, или свинку — золотую щетинку, только Баба-Яга говорит:

«Фу-фу, русским духом пахнет!»

А так-то в общем Руси, России, русской Земли нет. Чаше упоминаются какие-то условные страны, даже не имеющие названия: «В некотором царстве, в некотором государстве...», «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве...» (счет-то какой удивительный!).

Герой в этих сказках легко переходит из одного царства в другое, становится царем не там, где он родился, не на родине.

Но все-таки возникает ощущение, что народ в сказке один, язык один. Только это не Россия XIX или даже XVIII века, а куда более древняя Русь периода феодальной раздробленности, когда что ни город, то свое и княжество. Князья часто переезжали из одного города в другой, из одного княжества в другое.

Есть в волшебных сказках и нерусские государства. Они всегда находятся за морем и называются заморскими. «Заморское» в сказке — синоним иностранного: заморская царевна, заморские вина.

Итак, в сказках этого типа нет представления о родине, о России, нет чувства родины, нет идеи патриотизма. Нет по одной простой причине: сказка возникла так давно, что еще и государства-то не было!

А теперь возьмем былину. Почти в каждой из них не просто упоминается Киев, Русь, русская земля. Герои-богатыри (исключая Святогора — и мы уже знаем почему) сделали целью всей своей жизни служение этой земле, Руси. Былины пронизаны благородными идеями патриотизма. Былины родились позднее волшебных сказок.

Что это за диво дивное, чудо чудное — наука?! Как это ей удастся так далеко и глубоко видеть... По обломку кости, по одному зубу палеонтолог

восстанавливает облик животного, умершего миллионы лет назад. По остаткам фундамента археолог не только способен представить, как выглядело здание (между камней остатки пепла, — значит, был второй этаж — деревянный), он может рассказать, какой народ его строил, как жили в нем люди, какое у них было хозяйство и какой социальный строй. По годовым кольцам современных, старых и ископаемых деревьев метеорологи установили, как менялась погода, какой климат был на Земле в последние 10000 лет. Они построили схему изменения толщины годовых колец по разным географическим поясам и теперь, приложив к этой схеме рисунок годовых колец любого куска дерева, любого бревна из древней постройки, могут точно определить, когда оно росло (например, «новгородская шкала» ведет отсчет с 953 года). Языковед по одной надписи может понять основы грамматической системы исчезнувшего языка. А вот фольклористы, историки, этнографы с помощью обыкновенной, привычной с детства сказки заглянули в такие дали дальние, что дух захватывает...

Давно забыты не только древняя первооснова сказки — жизнь и представления первобытного человека, но и позднейшие наслоения эпохи феодализма и капитализма. Князья, цари — все стало далеким прошлым.

Все другое! Другая жизнь идет на нашей советской земле. А сказка живет.

Передача для детей! Ребята сидят у телевизора и смотрят, как ^лпагает печка, как по шучьему веленью, по Емелину хотенью за одну ночь возводятся удивительные дворцы. Пусть Щуке 10 000 лет и она родственница Ворона Вороновича, Сокола и других птиц и зверей, которым когда-то поклонялись люди, — ее прекрасно понимают дети XX века. Отпустил ее Емеля на свободу, не обидел — она в благодарность дала ему могущество. Самый обиженный в семье побеждает злых и жадных. Справедливость и правда восторжествовали.

В новогодние праздники мы повсюду видим Деда-Мороза. Да, это тот самый Морозко, Мороз Красный нос, страшный владыка холода. А в сказке — мы тоже хорошо ее знаем — Морозко с сочувствием отнесся к сироте, которую мачеха выгнала на погибель. Заботливая и трудолюбивая девочка понравилась ему. Он не только сохранил ей жизнь, но и щедро наградил. Злые, ленивые, жадные мачеха и дочь ее наказаны. И здесь побеждает самый слабый, самый обиженный.

Древняя сказка и сегодня учит добру, справедливости, верности, отзывчивости.

И былина, когда мы ее читаем, хоть и давно она сложена, волнует нас своим содержанием, мы восхищаемся подвигами героев, живших до нас; их переживания, как бы далеко ни ушли мы от тех времен, понятны нам, заставляют биться сильнее и наши сердца. И дореволюционная частушка, если она веселая, веселит нас, а если грустная — делает нас грустными.

Народное художественное слово, как и старое искусство письменного слова — литература, навсегда останется с нами.

Но это еще была не сказка,

а присказка.

Сказка будет завтра после обеда,

поевши мягкого хлеба.

А еще поедим пирога —

да потянем бычка за рога...

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

Какой же из жанров старого фольклора лучше всего известен людям середины XX века? Пожалуй, сказка.

Сколько разных фильмов-сказок можно увидеть в кино, по телевидению — и простых, и цветных, и мультипликационных. В театре — балет-сказку, пьеса-сказка, опера-сказка. Сказки чуть ли не каждый день передают по радио. А теперь у нас в Ленинграде, как и в некоторых других городах, ребята могут послушать сказку даже по телефону. Стоит только нужный номер набрать.

Вспомним свою книжную полку. Самые растрепанные, самые заслуженные, самые любимые первые наши книги — сказки. Мы их чуть ли не с рождения наизусть знаем. Читать не умели, а уже водили пальцем по строчкам, по картинкам и всем желающим и нежелающим рассказывали:

— Жили-были дед да баба, и была у них курочка-ряба...

Между прочим, замечательная сказка! Так ловко сложена, что сразу запомнишь. Коротенькая. А как много в ней действия, действующих лиц — дед, баба, курочка-ряба, мышка. Целый спектакль в трех строчках. Такой же спектакль — живой, интересный, полный движения — и сказочка про репку.

Ну, а потом мы познакомились с братцем Иванушкой и с его сестрицей Аленушкой, с Василисой Прекрасной и с совсем не прекрасной Бабой-Ягой, с Емелей и Иваном-дураком, который, оказывается, не такой уж дурак. Познакомились мы и с героями немецких, французских, английских, американских сказок — с храбрым портняжкой, с бременскими музыкантами, с Красной Шапочкой, с Золушкой, с Джеком, который лазал на небо по бобовому стеблю, с Братцем Кроликом и с зайчихой Молли.

Сказка проходит через все наше детство, через всю нашу жизнь. Мы даже и не представляем, как много знаем сказок. Наверно, это не случайно.

Но какие сказки мы знаем? В основном уже записанные собирателями, обработанные писателями. А живые-то, настоящие народные сказки, есть они?

Когда я спросил в сельсовете, кто из жителей деревни хорошо знает старые песни и сказки, то председатель сразу посоветовал:

— К бабушке Марии Николаевне Тихоновой идите. Лучше ее песенницы не найдете.

Ну что ж, к бабушке так к бабушке. Поднялся на горку, как мне сказали, нашел дом, перед которым росла большая елка, и постучал.

Открылась дверь, и на пороге появился маленький мальчик — немножко рыженький, с оттопыренными ушами, с веселыми веснушками на носу и с веселыми голубыми глазами. Весь мальчишка был какой-то очень веселый и смешной.

— Дяденька, — спрашивает, — вы к нам за песнями и сказками пришли, да? А я тоже сказку знаю!

«Ну, — думаю, — что ты там знаешь. Я лучше с бабушкой твоей посижу, побеседую».

А он все вертится около стула и мешает:

— Давайте я расскажу, давайте я.

— Ну ладно, — рассердился я, — давай свою сказку сюда!

А он и пошел, и пошел. И так складно, легко. Послушал я его и говорю:

— Теперь еще раз расскажи, а я запишу. Интересная у тебя сказка. Только не торопись.

И начал я записывать сказку.

Пошла коза в орехи

Нащипала три мехи

Одной шелухи.

Пошел козел за нею и говорит:

— Коза, коза, иди домой!

Она отвечает:

— Нет, не пойду.

Козел говорит:

— Ну погоди-ка, коза! Я на тебя волков нашлю. Волки, волки, идите козу есть!

— Нет, не пойдем.

— Ну погодите, волки, я на вас нашлю чертей. Черти, черти, идите бить волков!

— Нет, не пойдем.

— Ну погодите, черти. Я на вас нашлю веревок. Вербки, вербки, идите бить чертей!

— Нет, не пойдем.

— Ну погодите, вербки, я на вас нашлю огонь. Огонь, огонь, иди палить вербки!

— Нет, не пойду.

— Ну погоди, огонь, я на тебя нашлю воду. Вода, вода, иди заливать огонь!

— Нет, не пойду.

— Ну погоди, вода, я на тебя нашлю долбней 1. Долбни, долбни, идите воду пить!

— Нет, не пойдем.

— Ну погодите, долбни, я на вас нашлю червей. Черви, черви, идите долбней точить!

— Нет, не пойдем.

— Ну погодите, черви, я на вас нашлю куриц. Куры, куры, идите червей клевать!

Куры пошли клевать червей, черви пошли точить долбней, долбни пошли воду пить, вода —

огонь тушить, огонь пошел вербки палить, вербки пошли чертей бить, черти пошли волков бить, волки пошли козу есть, коза — за осинку, волк ее — за спинку — вот и коза вся, и сказка вся.

Я знал эту сказку и раньше. Похожую на нее вы и сами, наверное, читали. Но перечитайте ее еще раз. Посмотрите, как ловко укладывается в голове содержание, как легко его запомнить! Собственно, сказку заучивать и не нужно. Нужно ее только понять. Ведь все действующие лица находятся в определенной связи. Здесь не выкинешь, не переставишь эпизоды — получится бессмыслица. Поэтому забытое место всегда можно самостоятельно домыслить. Так, кстати, и поступил Коля, когда заторопился и начал путаться. Вот и выходит: маленькая сказочка не только занимает слушателя, она еще и развивает его сообразительность.

За многие сотни лет народ выработал свои способы учить детей, учить весело и незаметно для них самих... Тут и бабушке неудобно стало отставать от внука. Оправила она платок на голове и сказала:

— Так а что петь-то? Я ведь столько знаю, что никак не могу выбрать. Называйте, что вам нужно, а я спою. Я говорю:

— Нет, называйте вы, а я выберу. Вернее, пойте все подряд, мне все нужно и интересно.

Я думал, бабушка немного преувеличивает, — нет! Действительно, такую хорошую песенницу встретишь не часто. Она пела и пела — до самого вечера. А я все записывал. Разговор этот происходил не где-нибудь в далеком и глухом месте, а под Ленинградом, в нескольких километрах от Гатчины, в деревне Холоповицы. (Название-то какое старинное, догадывается, от какого слова?)

И вот сидят, наверное, ребята в этой деревне, да и в соседней, да и в Гатчине, да и в Ленинграде и читают по школьной хрестоматии сказку о Морозке и другие, какие им полагается. И думают: когда-то эти сказки были!..

А что бы взять им и прийти всем классом в гости к такой Марии Николаевне и попросить:

— Расскажите-ка нам, Мария Николаевна, свои сказки! Спойте песню!

Есть великое множество самых различных сказок для детей — веселые байки, прибаутки, сказки о животных, докучные сказки. В них много песенок, игры. Они всегда интересно звучат, в них, как во всех произведениях детского фольклора, часто встречаются звукоподражания, вообще игра звуками.

Докучные сказки можно рассказывать сколько угодно, они бесконечны. Одну докучную сказку наверняка знают все. Ее знают и дети, и их родители, и дедушка, и бабушка, знали прадедушка и прабабушка. Немало поколений детворы повторяло эти незамысловатые строчки: «У попа была собака...» За что же им такая честь? Что в них такого привлекательного? Игра. Игра звуками, игра смыслом, полезная забава.

Встал медведь на колоду —

Бултых в воду!

Уж он в воде мок, мок,

Уж он в воде кис, кис.

Вымок, выкис,

Вылез, высох.

Встал медведь на колоду...

Эта немножко похожа на предыдущую: ворона, как и медведь, тоже то мокнет, то сохнет.

Едем дальше.

Видим мост,

На мосту ворона сохнет.

Хвать ее за хвост,

Шасть ее под мост —

Пусть она помокнет!

Едем дальше.

Видим мост,

Под мостом ворона мокнет.

Хвать ее за хвост,

Шасть ее на мост —

Пусть она обсохнет!

Едем дальше...

Едем дальше...

— Мы с тобой шли?

— Шли.

— Кожух нашли?

— Нашли.

— Я тебе его дал?

— Дал.

— Ты его взял?

— Ваял.

— Так где же он?

Эта записана в Колпине, под Ленинградом:

Жила-была бабушка

На краю сельца.

Поставил дедушка бабушке

Стожочек сенца.

Не рассказать ли сказочку с конца?

А эта в Ленинграде:

У царя был двор.

На дворе был кол.

На колу — мочала,

Начинай сначала:

У царя был двор...

Да, а главное-то чуть не забыл! Рассказать сказку про белого бычка?

Вот

она

и вся...

КАК ПОП ЗАМЕНИЛ ЛЕШЕГО

А теперь расскажу еще одну сказку. Записана она давно, вскоре после окончания войны, в 1946 году. Первую свою поездку за фольклором я совершил студентом первого курса. Тогда нам с Дмитрием Молдавским удивительно повезло. Мы встретились с редкостной песенницей Анастасией Ивановной Вавиловой и с прекрасным сказочником Ильей Давыдовичем Богатыревым. Время было еще тяжелое. Хлеб выдавали по нормам, по карточкам. Мы получили специальное разрешение отоварить свои карточки вперед, до конца месяца — и не хлебом, а мукой. И вот с небольшим мешочком муки на двоих мы отправились.

Весело нам было! А самое веселое воспоминание почему-то такое. Шли мы из одной деревни в другую, как раз к песеннице Вавиловой. И вот, когда оказались мы посреди поля, в нескольких километрах от ближайшего жилья, хлынул дождь, ливень настоящий. Мы сразу промокли — куда в поле спрячешься. А бумага, записи в клеенку были обернуты (целлофана-то еще не знали тогда). Конечно, с дороги сбились. В лес какой-то забрели. Сверху — стена воды, ветки мокрые хлещут, волосы на глаза лезут. А мы поем что-то, кричим в восторге. На речку вышли, пошли вдоль речки. Запруда. А у запруды, рядом с мельницей — дом. Тут и жили Вавиловы.

И обсушили нас, и обогрели, и напоили, и накормили... И вот уже разносится по избе старая-престарая песня:

— Кто?

— Да кожух!

— Какой?

— Мы с тобой шли?...

Поле чистое турецкое...

А Богатыревы жили неподалеку от Вавиловых.

Маленький, с мягкими желтыми, не седыми еще волосами старичок. Живой, разговорчивый, — а было ему уже около восьмидесяти. Только познакомились, несколько минут всего прошло, он уже все понял. Очистил место на столе, мы вынули бумагу, карандаши. Сам хозяин сел на табуретку, сложил руки — да куда там, тут же вскочил, забегал, заговорил на разные голоса. Сказку он не просто рассказывал — разыгрывал в лицах. То барина хмурого изображал, то лукавого солдата, то мужичка-простачка.

Прожили мы у Ильи Давыдовича тогда недели две. И все дни, с утра до вечера, были вместе с ним. Он в огород — и мы туда же. Работаем, помогаем ему, а сами все слушаем: так и сыплет старик прибаутками, присказками, поговорками. А мы — на бумажку. Каждую свободную минуту использовали для записи сказок. Приспособились так (магнитофона не было, конечно, у нас): Дима пишет страницу, я в это время на своем листе доканчиваю слова, фразы, знаки препинания расставляю. Потом я торопливо записываю рассказ Ильи Давыдовича, а Дима, пока не забыл, свои каракули в порядок приводит.

Собралось у нас чуть ли не сто сказок. Были мы счастливы и горды: вот, мол, первый раз поехали — и сразу такого замечательного сказителя встретили! Просто ничего вокруг себя уже не замечали.

А когда начали собираться домой, подошел к нам сын Ильи Давыдовича, Сергей Ильич. Сергею Ильичу было уже больше сорока лет, и был он гончаром. Рядом с избой стоял сарайчик. В этом сарайчике и работал мастер на своем гончарном круге. Мы редко и видели его. Так вот, Сергей Ильич подошел к нам и сказал, даже с некоторой обидой:

— А что же вы ко мне не зайдете? Может, я получше батьки сказки знаю!..

Ну, мы уж тут поняли, что допустили большую промашку. Рядом с таким великолепным сказочником, как Илья Богатырев, обязательно должны быть и ученики, продолжатели. Захватили свои принадлежности, прибежали в сараюшку.

— Сергей Ильич, слушаем вас!

Он на минуту остановился, задумался, а потом сказал:

— Давайте пишите...

И начал говорить. И снова завертелся его станок. Нижний круг он ногой раскручивал, а на верхнем круге лежал мокрый ком глины. Он его пальцами поглаживает, этот скользкий вращающийся комок, и на наших глазах поднимается вверх круглый, коричневый, аппетитный такой горшочек...

Сергей Ильич тоже оказался знатоком сказки. Нельзя сравнить его с отцом — он просто говорил, не разыгрывал сказки, как отец. Но тексты знал твердо, и, что самое важное, тексты хорошие, художественно полноценные. В основном он рассказывал сказки про церковников. Когда-то их рассказывал и Илья Давыдович, но, как очень старый человек, он не то чтобы уж очень верил в бога, а так, на всякий случай, что ли, этой темы старался избегать. Вот тут-то и записали мы у младшего Богатырева сказку «Не' любо — не слушай, а врать не мешай».

Но сначала еще одно отступление, приятное воспоминание.

Вернулись мы в Ленинград, очень довольные, и всем стали говорить: вот мы как съездили. Кто-то из знакомых предложил выступить по радио. И в один из вечеров те, кто включил свой приемник, могли узнать, что живет в Псковской области такой мудрый и талантливый старик Илья Давыдович Богатырев. Мы рассказали о его судьбе, о его семье. Мол, было у него три сына. Один в годы гражданской войны воевал в чапаевской дивизии и погиб, другой, Петр Ильич, пропал без вести, а третий вот, Сергей, живет с отцом. М что же: передачу эту услышал Петр Ильич. Долгие годы он разыскивал отца и нашел его через 30 лет.

Теперь только кончилась присказка и начинается сказка.

Жили-были три брата. Один безногий удался — наперегон с зайцами гонялся. Второй косолапый, больно прыток удался. А третий одно и знал, что ворон считал.

Вот собрались три брата в лес дрова резать. Пока безногий за зайцами гонялся, косолапый ноги распрямлял, третий всех ворон пересчитал, глядь — и вечер настал. Надо ужин варить. А огня-то нет!

Вот срубили три брата большую сосну. Сложили костер. Полез посмотреть один из братьев — нет ли «где огоньку». И увидел впрямь огонек. Ну вот и пошел безногий. Видит: около огонька сидит старичок. Он и просит:

— Дедушка, дай огоньку!

Тот говорит:

— А ты меня, старика, потешь чем-нибудь. Хоть песню спой!

Тот говорит:

— Не умею!

— Ну так спляши!

— Тоже не учился.

— Сказку скажи!

— Тоже не знаю.

— Ну и убирайся с чем пришел!

Так я второй брат пошел и тоже ни с чем вернулся. Такие же ответы были.

Тогда подошел третий:

— Здорово, дед!

— Здорово, свет!

— Дедушка, дай огоньку!

— А ты старика меня потешь, — говорит. — Песню спой!

— Не умею.

— Ну так, — говорит, — спляши!

— Тоже не горазд.

— Ну так сказку скажи!

— Ну, — говорит, — это мое дело. Только уговор: не' любо — не слушай, а врать не мешай!

А если перебьешь — сто рублей с тебя.

Согласился старик этот.

И стал брат говорить сказку.

Когда начался свет, мне было семь лет. Батка мой не родился, дед не был женат. Вот тогда-то жили мы богато. От наготы да босоты ломились шесты. Было медной посуды — крест да пуговица. А рогатой скотины — таракан да жужелица. А в упряжь — две кошки лысы да один кот-иноход.

Изба была большая: на земле порог, и тут же потолок. Хоть сидеть нельзя, да зато посмотреть хорошо. А земли было — и глазом не окинешь! Пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы сдавали. Вот засеяли мы на полу ячмень, а на лавку семян не хватило.

Ну и вырос наш ячменек высок да густ. Да завязалась в нем крыса. Как пошла наша кошка лыса ловить крысу — заблудилась. И теперь там бродит. Ну а ячмень мы сжали, а сло- жить-то и некуда. А я хоть меньшей, да разумом большой. Склал скирду на печном столбу.

А бабушка моя куды была резва — на печь три года лезла. Лезла, лезла, скирду нашу в лохань уронила, сама надвое переломилась.

Дед завыл. Я заголосил. Бабушку мы лычком сшили, так она еще десять лет так ходила.

Да была у нас еще кобыла сива. Поехал я в лес дрова рубить. Еду трусцой — трюх- трюх, а топор у меня за поясом сзади тюх-тюх. И отрубил лошади весь зад! Так на передке я три года катался. Вот еду раз лесом, глядь — на опушке задок моей лошади пасется. Вот я его поймал, обротал, березовым прутиком и сшил.

Ну и стала березка вверх расти. Росла, росла и выросла под самые облака. Надумал я по ней влезть — узнать, как там люди живут. Влез на облака, походил, посмотрел — нет ничего. Надумал я назад спускаться, глядь, а кобылку-то мою дедушка увел поить. И не по чему спускаться. И стал я на облаках проживать, голодом голодовать. Завелися с той худобы у меня блохи немалые. Стал я блох ловить, да шкуры с них сдирать, да веревку вить.

Свил веревку длинную! Привязал одним концом к облакам и стал спускаться. На ту беду мне веревки не хватило. Ну, я сверху срежу — на низ наставлю. И все-таки веревки не хватает! Я сижусь — не тужу, по сторонам гляжу. Смотрю — мужик овес веет, а половина 1 вверх летит.

Вот я стал полову ловить да веревку вить. Вил, вил... и мертвую крысу завил. А она ни с того, ни с другого ожила, веревку перегрызла. Ну и полетел я в болото, по самый рот ушел.

Хотел воды напиться — шеи не нагнуть. Прибежала лисица, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шел мимо волк — лисеняток уволок. Да я ему тут за хвост вцепился. Вцепился да и крикнул:

— Утю-лю-лю!

Волк меня и вытащил из болота. Вышел я из болота голодный-преголодный. Смотрю — в дупле жареные перепелята сидят. Хотел руку просунуть — не лезет! Влез сам, наелся, растолстел, оттуда никак не вылезти! Сбегал домой за топором, прорубил дупло пошире — выкарабкался!..

Узнал я, что за синим морем скот нипочем. За муху с мушонком дают корову с теленком, за больших оводов — больших быков. Вот я наловил мух да мушат три куля. Наменял быков да коров три табуна. Пригнал к синему морю и давай горевать: как стадо домой гнать?

Вплавь пускать? Половина перетонет. Корабли нанять? Дорого возьмут. Вот я схватил одну корову за хвост да на ту сторону и швырнул. Раза два на лету перевернулась да на ту сторону носом и уткнулась. Так перешвырял я все три табуна. Остался один бык — бурый, большущий. Вот окрутил я хвост вокруг руки, собрался с силой, развернулся — да как пустил! На ту сторону вместе с быком перелетел.

Ну вот, так ненароком попал я в самую преисподнюю, где черти живут. И три года все у них навоз возил... И все на твоём дедушке.

А старик говорит:

— Не может быть, чтоб на моем дедушке!

— Может не может, а плати сто рублей. Не любо — не слушай, а врать не мешай!

Получил он сто рублей, получил огонек. Пришел к братьям. Сварили они ужин. Поужинали.

Спать легли. И теперь еще спят...

Некоторые ребята говорили мне, что эта сказка похожа на книгу «Приключения барона Мюнхгаузена». Правильно! Потому что и сами «Приключения» основаны на немецких юмористических сказках такого же типа. Сказки эти называются перевертышами, небылицами.

Если опять забираться в доисторические дебри, то можно уловить здесь остатки древних представлений: чтобы добиться успеха, герой должен угодить хозяина леса, лесного духа, лешего. А всякая нечистая сила — все существа «того света», другого, не нашего, мира, — считали первобытные люди, воспринимает действительность не так, как обыкновенный человек, а наоборот. Отсюда и все нелепицы.

Однако уже очень давно эти сказки стали рассказывать просто ради забавы и поучения. Как и всегда, древняя первооснова забылась, но сохранилась, дожила до наших дней где-то в самой-самой глубине сюжета и содержания.

Наша сказка «Не любо — не слушай, а врать не мешай», видимо, была прежде очень популярна. Она упоминается во многих литературных и публицистических произведениях.

Ее знал, — вернее, один из ее вариантов, — знал и использовал в своем стихотворении известный поэт первой половины прошлого века, друг Лермонтова И. Мятлев. Рецензия великого русского критика Белинского, написанная в 1835 году, повторяет название разбираемой книги: «Новое Не любо — не слушай, или Любопытные отрывки из жизни Мины Миныча Евстратенкова».

Строки из этой сказки использованы в стихотворении Некрасова «Молодые».

Есть и овощ в огороде —

Хрен да луковица,

Есть и медная посуда —

Крест да пуговица!

Некрасов решил, что о народной бедности лучше всего сказать словами самого народа — так будет достовернее. Очевидно, подобным же образом рассуждал и советский поэт Александр Прокофьев. Прокофьев вырос в деревне и прекрасно знал фольклор. В стихотворении, посвященном Революции, он

вспоминает, какой нищей была старая Россия, и прямо цитирует уже знакомые нам строчки, даже кавычки поставил:

Помни, браток,

Семнадцатый годок!

Мы ваяли в переделку огромный дом,

Именуемый Россией.

При этом и при том

Каждая дверь в этом доме отперта,

На лавках и под лавками нет ни черта.

«Наготы и босоты

Изнавешаны шесты,

А голоду и холоду

Амбары стоят».

А однажды я читал статью В. И. Ленина «Революционный авантюризм», направленную против эсеров. Владимир Ильич любил живую, образную речь. И вот, говоря о лжи, о подтасовке фактов, которые допускали эсеры, Ленин вспомнил знакомые, наверно, еще с детских лет слова и написал: «Не любо — не слушай, а...». И всем было понятно, что шло дальше, что хотел сказать вождь большевиков о своих нечестных политических противниках.

Баек, небылиц, всяких веселых сказок записано и опубликовано очень много. Но начинаешь читать — и видишь: в разных небылицах повторяются одни и те же эпизоды. Только сочетаются они по-разному. И тогда уже перед нами совсем другое, новое произведение.

Вот сказка «Не любо — не слушай», записанная в Карелии.

Жили-были три брата. Пошли они однажды в лес дрова рубить. Настало время обедать. Стали они обед варить, да огонь разжечь йе могут, спички забыли. Видят — далеко в лесу дым поднимается.

— Иди, брат, принеси огня, тогда и сварим обед, — попросили они старшего брата.

Пошел старший брат за огнем, видит — поп с работником хвою рубят да обед варят.

— Дай мне, батюшка, огня, спички мы забыли дома и обеда не можем сварить, — говорит попу старший брат.

— Огня дам, если расскажешь сказку-небылицу.

Начал старший брат сказку рассказывать. Больше ничего не знает, только два слова твердит: «Сказка это небылица». Поп не дал ему огня, избил его и прогнал.

Пришел старший брат к младшим, они и спрашивают:

— Почему же ты огня не принес?

— Не нашел я огня, — отвечает старший брат.

Послали тогда за огнем среднего брата. То же сделал поп и с ним. Вернулся средний брат и говорит:

— Не нашел я огня.

— Подождите, — говорит младший брат, — теперь я пойду!

Пришел он к попу и говорит:

— Дай, батюшка, огня.

— Дам, если расскажешь сказку-небылицу, — говорит поп.

— Расскажу я сказку-небылицу, только не мешайте, а если перебьете — по сто рублей за слово.

— Говори, говори, не перебью, — ответил поп.

Ну, младший брат и начал рассказывать сказку:

— Однажды узнал я, что все боги на небе босые и нет у них там на сапоги кожи. Собрал я тогда мешок мух и пошел по деревням ходить. Хожу по деревням и меняю мух на коров. Отдам муху, а мне за это корову. Собрал я коров большое стадо, смотрю — еще баба бежит с коровой. «Есть ли еще мухи?» — спрашивает она. «Осталась еще одна муха где-то в мешке», — говорю я. Обменял я и эту муху на корову. Гоню коров целое стадо, ни конца ни края не видать, а в середине никого нет. Г нал, гнал, попадается навстречу река. «Ну, — думаю, — как теперь коров переправить через реку?» Стал я тогда через реку коров бросать и так всех и перебросал. Только одна Буренушка осталась, которую та баба привела и на последнюю муху обменяла. Бросил я и Буренушку, а сам за хвост уцепился. Так и перелетел на другой берег.

Перебил поп младшего брата и спрашивает:

— Как же ты так — и корову бросил, и сам за хвост прицепился?

— А зачем ты, батюшка, перебил меня? Плати теперь сто рублей.

— Бери сто рублей и огонь возьми, только не рассказывай ничего больше, — сказал тут поп.

— Не могу я уйти, — говорит младший брат, — сказку надо закончить.

И продолжает рассказывать дальше:

— Ну, пригнал я коров домой, зарезал всех. И шкуры содрал. «Надо, — думаю, — со шкурами на небо попасть», но не знаю, как туда попадают. Взял я самую большую шкуру, нарезал ее на ремни, и стал по тем ремням подниматься на небо, а ремней-то до неба, не хватило. Тогда я стал снизу укорачивать, а сверху добавлять...

— Как же ты так — снизу укорачиваешь, а сверху добавляешь? — спрашивает поп.

— А почему ты, батюшка, опять меня перебил? Плати сто рублей.

Поп дал ему деньги и говорит:

— Бери огонь и ступай прочь.

— Не могу уйти, пока не закончу сказку. Ну, добрался я до неба. Шкуры все продал и

получил за них много денег. Стал обратно по ремням спускаться. Сверху укорачиваю, а снизу добавляю. Спускался, спускался, смотрю — баня старая стоит. На эту баню я и спустился. Прыгнул я на землю и увяз по пояс в глине. «Ну как теперь, — думаю, — выберусь отсюда?» Пошел я тогда домой, взял железную лопату, окопался и выбрался из глины.

— Как ты сказал? Сам увяз и сам лопату принес, да сам и окопался? — удивился поп.

— Зачем ты опять перебил? Давай сто рублей, — говорит парень.

Поп дал ему еще сто рублей и сказал:

— Бери огонь да проваливай!

Парень получил деньги, взял огонь и пошел к своим братьям.

Похожи эти сказки, верно? Почти все смешные эпизоды повторяются, но каждый раз в чем-то и отличие найти можно.

Ну, прежде всего, первая сказка юмористическая, она просто развлекает слушателя. Но все равно и этим она полезна, в особенности детям, — улучшает настроение слушателей. (Подробнее об этом говорится в следующих главах.) Во второй сказке небылицы слушает не какой-то неведомый старик (скорее всего бывший леший), а поп. Поп в этой сказке заменил лешего — вот как бывает!

Священнослужители, попы и монахи, так же как и помещики, господа, — постоянные действующие лица русской сказки. И им в конце концов всегда достается на орехи или от своего батрака (вспомним «Сказку о попе и его работнике Балде» Пушкина — сюжет ее взят из фольклора), или от ловкого солдата, или от бедного мужика. И в карельской сказке смекалистый, бойкий на язык крестьянский парень победил, перехитрил попа.

Не в жизни, так хоть в мечтах пока увидеть, пережить победу над эксплуататорами, угнетателями, поверить в возможность победы.

Итак, и здесь древний сюжет сказки остался почти неизменным, а идея ее, вывод — другие, навеяны жизнью, взглядами крестьян XIX–XX веков. И значит, старый, неведомо когда возникший фольклор не просто дожил до XX века, а смог стать оружием классовой борьбы.

А. Н. АФАНАСЬЕВ

Самый знаменитый сборник русских сказок появился более ста лет назад под заглавием «Народные русские сказки». Но чаще его называют просто «Сказки Афанасьева», потому что создателем этого сборника является Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871).

Александр Николаевич Афанасьев родился в городе Богучаре Воронежской губернии в семье мелкого судейского чиновника. Учился на юридическом факультете Московского университета. Еще студентом, в 20-летнем возрасте, опубликовал первую статью.

К фольклору Афанасьев пришел не сразу. Сначала он занимался историей, этнографией¹. В свободное время любил бродить по толкучке у Сухаревской башни, рыться в развалах старых бумаг и книг.

Постепенно у него собралась редкостная библиотека.

После окончания университетского курса Афанасьев служил в архиве, одновременно редактировал журнал «Библиографические записки», публиковал исторические документы. Он издал также письма и некоторые стихотворения Пушкина, написал несколько статей о русских писателях, в том числе о Лермонтове и Фонвизине; его перу принадлежат интересные этнографические статьи о верованиях и обычаях славян: «Дедушка домовый», «Колдовство на Руси в старину», «Религиозно-языческое значение избы славянина»; он писал о ведьмах, леших, о сказочном острове Буяне. Позднее, отчасти на основании этих статей А. Н. Афанасьевым была создана большая, в трех томах книга «Поэтические воззрения славян на природу». В науке Афанасьев был сторонником так называемой мифологической школы. В каждой сказке и песне, в каждом образе и детали мифологи видели только отражение древних верований, мифов — главным образом о борьбе мрака со светом, о грозе, о тучах. Например, сказка, где баба-яга пытается посадить мальчика на лопату и отправить в печь, объяснялась так: баба-яга — это туча, а мальчик — солнечный луч; мальчик обманул бабу-ягу — свет победил тьму. Разумеется, научные выводы этой книги не могут удовлетворить современных ученых. Но материал, собранный Афанасьевым — огромное количество малоизвестных фактов, легенды, предания, извлеченные из старинных книг, труднодоступных местных изданий, рукописей, — до сих пор сохраняет свое значение. Эту книгу интересно читать, она очень поэтична. Ее знают, любят писатели.

По своим общественным взглядам А. Н. Афанасьев принадлежал к демократическому лагерю. Он был свидетелем «освобождения» крепостных крестьян в 1861 году и считал, что эта реформа не принесла народу подлинной свободы. По-видимому, Афанасьев был связан с Герценом, с русскими революционными эмигрантами. На него донесли, и он был уволен со службы. Последние годы его жизни были очень нелегкими.

Главный труд А. Н. Афанасьева — трехтомное собрание сказок. В первый раз оно выходило выпусками с 1855 по 1863 год. Всего было 8 выпусков. Второе издание в четырех томах (три тома сказок и том примечаний) увидело свет уже после смерти ученого, в 1873 году.

В издании 1873 года тексты впервые расположены в определенном порядке (сказки о животных, волшебные, бытовые, или новеллистические, сказки и анекдоты). Афанасьевская классификация была принята учеными, стала международной и применяется до сих пор.

Из каких материалов сложилась книга?

Сам Афанасьев не был собирателем. Лично записанных им сказок в его собрании не более десятка. Он работал в архиве Русского географического общества (в этом архиве и поныне хранятся значительные фольклорные богатства). 150 сказок передал ему В. И. Даль.

Н. А. Добролюбов, оценивая труд А. Н. Афанасьева, заметил, что при публикации сказок важно показать их место в современной жизни народа, выявить отношение рассказчиков и слушателей к героям сказки, нарисовать всю обстановку оказывания. Но разнохарактерный материал, которым пользовался Афанасьев, не давал ему такой возможности. Тексты в большинстве случаев даже не были паспортизованы, то есть не содержали сведений, где, когда и от кого они были записаны.

Заслуга А. Н. Афанасьева состоит в том, что он отобрал действительно лучшие, наиболее точные записи.

В те годы наука еще не выработала строгих правил собирания фольклора.

Отдельные любители да и некоторые специалисты считали возможным подправлять записанные ими тексты, приглаживать народную речь, затушевывать классовый смысл произведений, придавать им, скажем, религиозную окраску. Это ведь не очень трудно сделать, — бывает, достаточно выкинуть одно слово, букву одну заменить.

Следы некоторой правки можно обнаружить и в афанасьевском сборнике. Но делалось это очень осторожно и умело. Афанасьев выбрал сказки, которые считал характерными по своей форме (главным образом это были записи пермского крестьянина Зырянова). По этим образцам он и редактировал неисправные, на его взгляд, записи.

Но Афанасьев не искажал подлинного смысла народного творчества, его социальной направленности. Когда он в 1859 году издал «Народные русские легенды», у него были неоднократные столкновения с церковниками. В своем дневнике он записывает: «Современный литератор, принимаясь за перо, уже

наперед чувствует над собой роковое действие цензуры...» Некоторую часть сказок, которые невозможно было напечатать в России, он собрал в отдельную книгу. Эта книга, содержащая большое число антипоповских, смелых по выражениям сказок, вышла в Женеве под названием «Русские заветные сказки». ...В трех томах «Народных русских сказок» помещено около 640 произведений, показывающих все разнообразие форм и содержания народной прозы. До сих пор афанасьевский сборник остается самым крупным по объему изданием. И это общерусский сборник, здесь можно найти тексты, записанные во всех концах страны.

«Сказки Афанасьева» — одно из главных сокровищ нашей национальной культуры. Они переведены на десятки языков и пользуются мировой известностью.

Позднее из своего сборника Афанасьев отобрал 88 сказок для детского чтения. Детские сказки тоже издавались много раз.

Подробнее о жизни и трудах ученого можно узнать из повести В. Пору-доминского «А рассказать тебе сказку?» Повесть эта вышла в 1970 году.

В сказке про ловкого солдата рассказывается такая история. Петр I проверял однажды караулы и увидел, что один солдат-то вроде спит.

— Спишь? — спрашивает царь.

— Никак нет, — отвечает солдат, — не сплю!

— А что же ты делаешь?

— Звезды считаю.

— Ну и много насчитал?

— Здесь тьма-тьмой, здесь — семьдесят со мной, а здесь не успел обсчитать — вы помешали...

Попробуй проверь этого солдата!

А сколько на Руси песен? Их так же невозможно сосчитать, как сказочному герою — звезды.

Еще в конце XIX века академик А. И. Соболевский решил собрать воедино все опубликованные русские народные песни. Главные издания песен — такие, как, например, собрания П. В. Киреевского и П. В. Шейна, он уже не брал.

С 1892 по 1907 год вышло семь огромных томов — «Великорусские народные песни». Но конечно, и это лишь часть песенного богатства народа. Немало песен и их вариантов было записано и напечатано после выхода в свет собрания А. И. Соболевского.

Попробуем отграничить песню от других жанров фольклора.

Мы знаем сказки. Их рассказывают. Это народная проза. Знаем загадки, пословицы, поговорки. Их тоже произносят обыкновенным голосом, не поют.

А вот былины поют. Вернее, пели тогда, когда они жили полной жизнью.

Строго говоря, былины тоже песни. Их и называют иногда: эпические, или былевые, песни. Но все-таки ученые выделяют былины в особый жанр фольклора. Да и мы сами по первым же строкам узнаем былину. Былина сложена особым былинным стихом. У нее особые зачины, концовки. Действие былин всегда относится к далекому прошлому, ко времени Киевской Руси и вольного Новгорода. Герои былин — богатыри.

А в песне живут и действуют обыкновенные герои — крестьянский парень или девушка.

Ну а частушки? У них могут быть те же герои, что и в песне. Но все-таки мы не спутаем частушку с песней. Частушка своеобразно построена, у нее свои зачины. Эти короткие двух-, четырех- или шестистрочные песенки ученые выделяют в самостоятельный жанр. Мы тоже будем говорить о них отдельно, в следующей главе.

Существует много самых разных детских песенок. Их относят к детскому фольклору.

Все остальные произведения, которые исполнители поют, — это и есть песни.

Бесчисленную массу песен очень трудно разделить на какие-то группы.

Делят их по содержанию: исторические, семейные, любовные, шуточные; делят по их употреблению (функциям): плясовые, хороводные, трудовые; по темпу и характеру музыкального исполнения: протяжные, частые; по социальной принадлежности: солдатские, бурлацкие, тюремные.

Обычно все песни разделяют на две основные группы: песни обрядовые и необрядовые.

Обрядовые песни связаны с каким-то обрядом, — например, со свадебным (свадебные песни), с обрядами, посвященными сельскохозяйственному календарю (календарные песни).

Песни необрядовые — это песни беседные (их исполняли на беседах, на различных вечеринках, гуляньях), плясовые, рекрутские, солдатские, колыбельные.

Что такое обряд? Это древнее магическое действие, которое должно было помочь людям в их жизни, труде, в их борьбе с враждебными силами.

Люди верили, что с помощью особых действий и слов можно избавиться от засухи или, наоборот, добиться дождя. В ходе свадьбы совершались такие обряды, которые должны были сделать благополучной жизнь новобрачных.

Один из способов приобретения желаемого — изображение того, что желаешь. Это так называемая симильная магия (по сходству): хочешь добиться богатства — покажи его. Отсюда в свадебных песнях такое великолепие — чара золотая, блюдо серебряное, по нему катится жемчуг или другие драгоценные камни; молодец сидит на диване алого бархата, девица смотрит в хрустальное окно. Даже река в свадебных песнях — необычная:

Уж ты, Двина, ты, Двина-река,

По чему ты, Двина, протекла —

По меду ли, по сахару,

По белому крупчатому калачу.

Когда-то на свадьбы приглашали ведунов, колдунов, которые должны были охранять молодых от дурного глаза, от злых сил. Многие обряды (например, осыпание молодых хмелем, житом), величальные песни, в которых воспевались, восхвалялись жених, невеста, их родные и все гости, также имели вполне определенный магический смысл; должны были способствовать будущему благополучию семьи.

Существовали песни (их называют календарно-обрядовыми), которые как бы стремились сделать успешным труд земледельца. Они охватывали весь годичный цикл сельскохозяйственных работ и были связаны с главнейшими моментами жизни природы: зимним солнцестоянием, весенним равноденствием и летним солнцестоянием. Этому когда-то соответствовали основные народные праздники — Нового года, весны и лета.

Песни зимнего календаря — колядки, подблюдные песни (под них гадали на Новый год), масленичные песни. Песни весеннего календаря — веснянки, весенне-летнего — песни купальские, исполнявшиеся в день Ивана Купала, осенние — жатвенные песни.

Каждый песенный вид имел свои особенности, свои формулы. Но смысл всех календарно-обрядовых песен, как уже сказано, — один. Это песни-заклинания, песни-просьбы, пожелания.

Приди к нам, весна,

Со радостью!

Со великою к нам Со милостью!

Со рожью зернистою,

Со пшеничкой золотистою,

С овсом кучерявым,

С ячменем усатым,

Со просом, со гречею,

С калиной-малиною,

С черной смородиною,

С грушами, со яблочками,

Со всякой садовинкой,

С цветами лазоревыми,

С травушкой-муравушкой
!

Все в этой веснянке перечислено, что нужно крестьянину, ничего не забыто. Под Новый год жители деревень, чаще молодежь, наряженные (их и называли ряжеными) ходили из избы в избу и пели колядки — песни с пожеланиями прожить наступающий год в достатке, чтобы хлеба было много, скота. В колядках тоже, как и в свадебных, величальных, действительность приукрашивается, идеализируется, здесь тоже рисуется необыкновенное богатство, изобилие (огромный двор, красивые постройки), говорится об угощении. И то же самое пожелание, заклинание: чтобы был обильный урожай.

Ходили-гуляли колядовщики,

Искали-поискали Иванова двора.

Иванов двор на семи верстах,

На семи верстах, на восьмидесят столбах.

Возле этого двора растет шелкова трава.

На каждой травиночке — по ленточке,

На каждой ленте — по ниточке,

На каждой нити — по жемчужинке.

Выходила Марья Ивановна,

Собирала жемчуг себе на серьги.

Коляда, коляда, подай пирога!

Не подашь пирога — отворю ворота!

Подашь пирога — будет рожь часта,

Будет рожь часта, обмолотиста,

Будет с колоса по хлебу, с зерна по пирогу!

А в песнях необрядовых, бытовых все обыкновенно. Наверно, эти песни имеет в виду поговорка: «Сказка — складка, песня — быль».

Тут чаще говорится о тяжести жизни, о разлуке, о насильственном браке, о несчастной судьбе женщины. У песен в сравнении с былинами более свободная форма, а песенных зачинов гораздо больше, чем былинных. Но почти каждая песня начинается с изображения природы.

Наступает зимушка да холо...

Ой холодная со снежком зима.

Зимой реченьки-то у нас заме...

Ой замерзнут,

И с ручеечков водица не побежит.

А дальше речь идет о человеке, о его переживаниях.

В чужих людюшках, ох людях рано будят,

Ой да на работушку сгонят до зари,

Ой да на тяжеленьку погонят до росы.

Ой да от работушки рученьки болят,

Болят рученьки, болят-то плечи,

А ой да от заботки буйная голова.

«Этот стон у нас песней зовется», — очень точно сказал в свое время Некрасов.

Исполнены глубокой тоски и рекрутские песни. Редко кто возвращался домой после тяжелой 25-летней службы.

Вы прощайте-ка, девушки наши расхороши,

Ой да нам тепериче видно что не до вас,

Ой да во солдатушки молодцев везут нас.

Везут лесоньком, везут темным,

Ой да все дремучим корбицким островам.

Резвы ноженьки скованы во железонька,

Белы рученьки замнуты во замках.

А девушка пела: «Ой да куда ни пойду со горюшка, ой да всё горе-то, печаль со мной...»
В песнях, как и во всех других жанрах фольклора, можно найти остатки седой древности. Даже в современных записях обрядовых песен обнаруживаются следы верований первобытных людей: поклонения солнцу, земле, почитания предков.

Заря моя, зорюшка!

Что ты рано вошла?..

Теперь мы все это воспринимаем лишь как поэтический прием. Когда-то люди одушевляли, очеловечивали стихии природы.

А, например, во многих необрядовых песнях речь идет о подарке: девушка дарит парню перчатки или платок, или герой песни просит такой подарок, или сам дарит девушке колечко. Нередко эти подарки изготовлены самим дарителем.

Оказывается, в давние времена считалось, что подарок собственной работы как бы соединяет того, кто дарит, с тем, кого он одаряет. Подарок поэтому без слов выражает отношение одного героя песни к другому. (И сегодня так! Разве станем мы делать подарок человеку, который нам не нравится?..)

В обрядовых и необрядовых песнях часто говорится о том, что герой или героиня видит сон. Это сон вещий, он как бы предсказывает в будущем горе, разлуку или, наоборот, радость, встречу. Вот, например, свадебная песня, записанная в Ленинградской области. Она целиком построена на изложении и толковании сна.

— Мне в ночи, родная матушка,

Мне в ночи мало спалось.

На заре приуснула я,

Нехороший сон видела:

Что пустая хоромина,

Углы прочь отвалились,

По бревну раскатились;

На печище котище лежит,

По полу ходит гусыня,

А по лавочкам ласточки,

По окошечкам голуби,

За окошечком — сизой орел.

— Ты дитя ль мое, дитятко,

Ты дитя ль, чадо милое,

Уж как этот сон я расскажу,

По словам его распишу:

На печище котище лежит —

Это твой свекор-батюшка;

По полу ходит гусыня—

Это лютая свекровушка;

По лавочкам ласточки —

Это милые аоловушки;

По окошечку голуби —

Это братцы-девьёрюшки;

За окошком сизой орел —

Это твой нареченный муж.

Среди песен, которые и сегодня еще можно услышать в народе, есть очень старые крестьянские песни, такие приблизительно, которые были приведены выше.

Есть песни более новые. Их так и называют: новые народные песни. Они возникли в конце XIX — начале XX века. Это, скажем, известный «Кочегар» («Раскинулось море широко»), «Александровский централ» («Далеко в стране иркутской»; централ — тюрьма), «По Дону гуляет казак молодой», «По диким степям Забайкалья».

С конца прошлого века, когда на арену истории вышел российский рабочий класс, все большую популярность стала приобретать и городская пролетарская песня, песни-марши, рабочие гимны, революционные песни. Они проникнуты бодростью, зовут к активным действиям, к борьбе. Авторами этих песен были революционно настроенные интеллигенты, ссыльные, пролетарские поэты. Иногда нам даже известно имя автора.

Эти песни и сегодня знают многие люди: «Есть на Волге утес, диким мохом оброс» (слова А. А. Навроцкого), «Отречемся от старого мира» (слова П. Л. Лаврова), «Замучен тяжелой неволей» (слова Г. А. Мачтета), «Смело, товарищи, в ногу» (слова Л. П. Радина) и другие.

Новые песни, как и стихотворения, имеют более четкую рифмовку, определенный размер.

Зачастую они и создавались как стихи — на бумаге. А мелодия нередко использовалась уже готовая, известная.

Развитие песенного творчества народа соответствует движению самой жизни.

По мере роста рабочего класса рос и его творческий вклад в фольклор. Заметно усилились, умножились городские элементы в песне — и в ее содержании, и в форме. Медленно, но неуклонно происходило сближение устного творчества с письменным, фольклора с литературой.

Закрепление текста на бумаге, распространение грамотности привели к тому, что многие песни стали исполняться в том виде, как их написал автор, число вариантов, связанных со стихийной, бессознательной переработкой произведения, уменьшилось. Теперь, если появлялся новый вариант, он появлялся в результате сознательного желания приспособить текст к новым обстоятельствам, в результате сознательного творчества.

СОБРАНИЕ П. В. КИРЕЕВСКОГО

О Петре Васильевиче Киреевском (1808–1856) все знавшие его говорят как о человеке замечательном. Он был прекрасно образован, писал и говорил на семи языках, блестяще перевел несколько крупных литературных произведений. Он увлекался философией, историей. Занятия историей и привели его к народной поэзии.

П. В. Киреевский справедливо считал, что всякая культура основана на знании прошлого, на традициях. «Я с каждым годом чувствую живее, — писал он, — что отличительное, существенное свойство варварства — беспамятность».

Интерес к народному творчеству проявляли уже декабристы, Пушкин, Гоголь и другие писатели, которые стремились к изображению народной жизни, народного образа мыслей. Этот интерес связан с проблемой народности литературы, о которой тогда горячо спорили.

В силу своих личных качеств — глубоких знаний, организаторского таланта и просто потому, что беззаветно, беспредельно любил народную поэзию, — совсем еще молодой Киреевский в начале 30-х годов становится в центре всей собирательской работы в России.

П. В. Киреевский и сам записал немало произведений народного творчества — и в Москве, и в Подмоскovie, в Симбирске (ныне Ульяновск) и его окрестностях, в Орловской губернии. В 1834 году он специально выезжал в Новгород. Ему казалось, что на древней новгородской земле должна лучше сохраниться память о прошлом. Он записал былину, исторические песни, солдатские песни. Но в целом поездка (это, можно считать, первая фольклорная экспедиция в истории русской науки) не была удачной. А полиция и местные помещики приняли собирателя песен за шпиона, за карбонария...

Вообще-то говоря, замысел Киреевского был верным. То огромное число былин и исторических песен, которые через 20 лет обнаружил в недалекой Карелии П. Н. Рыбников, и является частью фольклорного богатства именно древнего Новгорода; Карелия входила в состав Новгородской республики. Но в отличие от коренной новгородской земли, в Карелии сложились более благоприятные условия для сохранения фольклорной традиции.

В общей сложности П. В. Киреевский записал несколько сот песенных и былинных текстов.

Но все-таки главная его заслуга в том, что ему удалось объединить усилия многих энтузиастов, любителей русской старины, дать их работе верное научное направление.

Собрание П. В. Киреевского складывалось на протяжении четверти века.

Одним из первых передал Киреевскому свои записи Пушкин. Для его собрания трудились писатели и ученые: А. Кольцов, Н. Гоголь, Н. Языков, В. Даль, А. Вельтман, Д. Ознобишин, Ю. Жадовская, А.

Писемский, П. Мельников-Печерский, П. Якушкин, А. Востоков и многие другие известные и неизвестные любители русской старины.

В 1837–1838 годах Киреевский написал специальную «Песенную прокламацию», в которой призывал сельскую интеллигенцию собирать произведения народного творчества, рассказывал, как записывать их: слово в слово, не допуская никаких изменений, подправок, искажений строк.

П. В. Киреевский разработал и принципы, или способы, издания фольклорных текстов. Каждое произведение он предлагал давать вместе с его вариантами — русскими, славянскими, западно-европейскими. Если бы это намерение было осуществлено в свое время, то есть в 30-е годы прошлого века, это было бы первым вполне научным изданием фольклора не только в России, но и в Европе.

Однако «заеденный николаевским временем» (выражение А. И. Герцена), П. В. Киреевский при жизни увидел напечатанными только 5 былин и 16 песен из своего многотысячного собрания. Как и Афанасьеву, Киреевскому мешали цензура, церковь. К тому же масштабы, размах работы были таковы, что дело двигалось очень медленно.

Обычно имя Киреевского упоминается, когда речь заходит о песнях. В общем это верно. Но нужно отметить его важную роль и в собирании былин.

Мы уже знаем, что первым крупным сборником был сборник Кирши Данилова. А затем широкий научный и общественный интерес вызвали находки былин в Олонецкой губернии П. Н. Рыбникова (50-е годы) и А. Ф. Гильфердинга (1871 год). В собрании Киреевского также было немало былин, причем записанных в 30-е и 40-е годы XIX века. Но случилось так, что они появились в печати лишь много лет спустя. Важнейшее достоинство этих записей: они получены из тех местностей, где в дальнейшем былин уже не находили, — из Подмоскovie, из центральных губерний России и даже из Лужского уезда Петербургской губернии. Так что зачастую материалы Киреевского уникальны.

Наконец, и по своему объему коллекция былин из собрания Киреевского может поспорить с любым, самым крупным изданием.

В 1860 году начали выходить «Песни, собранные П. В. Киреевским». Первый выпуск назывался: «Илья Муромец, богатырь-крестьянин». Всего

в 1860–1874 годах вышло 10 выпусков «Песен». Из них 5 выпусков (это 5 книг!) посвящено былинам.

Остальные заняли исторические песни. Это издание (к сожалению, не лучшим образом) подготовил П. Бессонов. Из собрания П. В. Киреевского П. Бессонов опубликовал также: в 1860–1864 годах — сборник духовных стихов «Калики перехожие», в 1868 году — «Детские песни», в 1871 году — «Белорусские песни».

В 1911 году под редакцией В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского был подготовлен том: «Песни, собранные П. В. Киреевским». Новая серия. Выпуск I.

В 1929 году под редакцией М. Н. Сперанского в двух частях (а вернее, томах) вышел второй выпуск «Новой серии».

В этих трех выпусках помещено около 3000 песен. Все, казалось бы. Да и те, кто готовил «Новую серию», считали, что они исчерпали коллекцию Киреевского. Но ученые продолжали поиски в архивах. И вот приблизительно в одно и то же время москвич Петр Дмитриевич Ухов и ленинградец Алексей Дмитриевич Соймонов стали находить неопубликованные, неизвестные ранее записи. П. Д. Ухов отыскал еще около 3000 текстов! И в том числе две записи Пушкина, тетрадь Кольцова, тетрадь украинских дум, записанных Гоголем, большое собрание записей семьи Языковых.

В 1968 году вышел 79-й том «Литературного наследства», в котором более 600 страниц — «Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского».

В 1977 году издано «Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Том I». (Здесь более 400 текстов.)

Готовятся следующие тома...

Вот что стоит за словами «Собрание П. В. Киреевского».

Дело происходило в деревне Остров Гатчинского района Ленинградской области незадолго до Великой Отечественной войны. 20-летняя Леля Михалева поспорила со знакомым пареньком — кто кого пересидит: он просто так, слушая частушки, или Леля с подругой, исполняя их.

...Та самая Леля, уже немолодая женщина Елена Георгиевна, смеется:

— Верите ли, сидел, сидел, а потом плюнул и ушел. Не мог дожидаться, пока мы перепоем все, что знаем. Так и я. Писал, писал — два вечера подряд, даже руки занемели. И вот, в первом часу ночи, частушечный запас Елены Георгиевны как будто бы подошел к концу. Паузы между песенками стали удлиняться, начались повторения.

— Ну хватит, — сказала она. — Всё!

Я сложил тетрадки, карандаши, поблагодарил.

— Вот, — говорю, — видите, как я много записал от вас — штук триста. Вот сколько вы знаете!

— Это я-то триста знаю?! Да я просто спать хочу! — Она кипела от негодования и обиды, и сон слетел с нее. — Триста!.. Пишите, когда так!

И как зальется — легко, непринужденно, не задумываясь, не останавливаясь ни на секунду. И все новые и новые частушки, грустные и смешные, старинные и современные:

На чужой сторонushке

Солнышко не греет.

Без родимой маменьки

Никто не пожалеет.

Это что за председатель!

Это что за сельсовет!

Сколько раз я заявляла:

У меня миленка нет!

— Пойдите, пойдите! — кричу.

Куда там!

— Нет, — говорит, — такого человека, чтобы все наши припевки переписал. И бумаги не хватит у него! А 100 лет назад, когда частушка как особый вид народного творчества только начала складываться, их буквально считали на штуки. В словаре Даля нет даже слова такого — «частушка» (как, впрочем, и слова «гармонист»). Его

ввел в литературный и научный обиход писатель Глеб Успенский в 1889 году. Он сам собирал частушки в деревнях неподалеку от нынешней границы между Новгородской и Ленинградской областями. Там, наверное, он и словцо это услышал. Частой песней в старину называли скорую, плясовую песню в отличие от протяжной, лирической песни. «Не части!» — говорят и теперь гармонисту, танцору. В других местностях эти новые песенки именовали припевками, вертушками, коротушками.

Я вот написал, что частушка появилась около века назад (точнее, где-то в середине прошлого века). Некоторые дореволюционные ученые считали иначе. Частушка, говорили они, была известна гораздо раньше, еще в XVIII веке.

Конечно, какие-то короткие плясовые песенки существовали издавна. Их исполняли веселые люди — скоморохи, профессиональные артисты Древней Руси, да и просто пели на каждой крестьянской пирушке. Но все-таки это еще не частушки, не те четырехстрочные песенки, которые мы привыкли называть частушками.

Не буду вдаваться во все тонкости, приведу только один пример, показывающий, как неожиданно иногда приходят в науку новые факты и доказательства.

За пределами нашей страны есть небольшое число старинных русских поселений. Возникли они по разным причинам.

В 1708 году на Дону вспыхнуло восстание под руководством Кондрата Булавина, булавинское восстание. Оно было разгромлено войсками Петра I. Многих его участников казнили. Лишь отряд атамана Игната Некрасова, захватив жен и детей, после долгих странствий перешел границу и укрылся на территории Турции (тогда Турция занимала и нынешние Румынию, Болгарию). Вот там-то и поселились казаки. По имени атамана их стали называть некрасовцами.

Некрасов стремился сохранить национальные обычаи и традиции, он строго следил, чтобы русские не общались с местным населением. В общем, лет двести — двести пятьдесят некрасовцы жили обособленно. Они сберегли все, вернее, почти все, что привезли с собой: язык, обычаи, фольклор.

И вот, раздумывая о том, как бы еще можно было подступиться к решению вопроса о происхождении частушки, я сказал себе: «Хорошо, если частушка действительно была известна в XVIII веке, ее должны знать некрасовцы». Большая часть некрасовцев вернулась на родину после революции («При царе в Россию не возвращаться» — гласил один из заветов Некрасова). Ученые сразу же поехали к ним, на хутора Ростовской области, где они поселились. Вышли книжки Ф. В. Тумилевича «Сказки казаков-некрасовцев», «Песни казаков-некрасовцев». Былины они помнили, а вот частушек не было.

Потом я сам ездил в Болгарскую и Румынскую республики, тоже записывал песни и сказки в русских поселениях. А частушек не записал. Из частушек там знают только те, что по советскому радио услышали или от заезжих русских в годы войны переняли.

Потом я отправился в Польшу. Там есть русская деревня Войново. Две тысячи русских старообрядцев бежали сюда от религиозных преследований. И снова — худо ли, хорошо ли, но песни знают, сказки какие помнят. А вот частушки — только новейшие, с советских пластинок (там их очень любят), услышанные по радио. Значит, и эти русские люди, выехавшие с родины около 1830 года, частушек с собой не привезли.

А недавно довелось мне побывать в русской деревне, которая находится на монгольской земле. Деревню эту основали переселенцы из России в начале XX века. И что же: здесь частушек не счесть.

Мне кажется, эти факты достаточно убедительно доказывают, что жанр частушки сложился где-то в середине прошлого века.

А теперь о самой частушке поговорим. Удивительный это жанр! Во-первых, он один из немногих живых жанров русского фольклора. Новых сказок, былин уже не возникает. А частушки и сегодня сочиняют чуть ли не в каждой деревне. Сочиняют как? Новое на основе старого.

Старая частушка: В годы войны запели по-другому:

Гармониста я любила, Партизана я любила,

Гармониста тешила, Партизана тешила,

Гармонисту на плечо Партизану на плечо

Сама гармошку вешала. Сама винтовку вешала.

В литературе письменной подобное использование готовых образцов невозможно. А в фольклоре это один из основных творческих законов.

Частушка — исключительно молодежный жанр. Ее исполняли на гулянках молодежи. Поэтому речь в ней идет главным образом о жизни молодых людей, о судьбе девушки, о судьбе парня. О любви, о разлуке, о солдатчине, которая ждет парня, о «девичьей солдатчине» — о замужестве, которое для крестьянской девушки часто было насильственным.

Есть частушки социально-политического содержания. Они тоже, как правило, смотрят на мир глазами молодого поколения. Вот частушка революционная. В ней клокочет ненависть к царской власти, к империалистической войне, которую затеяли богачи:

Распроклятый Николашка —

Он не хочет мира дать.

Лет семнадцати мальчишек —

Всех угонят воевать.

Но больше всего любит частушка посмеяться. Она смеется зло, когда обращается к классовому врагу:

Берегись, кулаки,

Загуляли мужики!..

Герой частушки способен иронизировать и над своей собственной судьбой, над нищей жизнью:

Нас компания собралась

Разудалых молодцов:

У кого нету рубашки,

У кого нет сапогов.

А еще чаще это безобидное подшучивание девушек над парнями, парней над девушками, жителей одной деревни над жителями другой:

Николаевски ребята

Стали моде подражать:

Наденут белые рубашки —

Шеи грязные видать.

Вот я говорил, что частушки сочиняются и в наши дни.

Как у наших у ребят

Голова из трех частей:

Карбюратор, вентилятор

И коробка скоростей

.

Конечно, сразу можно сказать: частушке этой немного лет. А зачин ее — «Как у наших у ребят...» — старый, встречается во многих дореволюционных частушках.

И все-таки большинство припевок, которые поют сегодня, сложено давно. Они одинаково хорошо служат и нашему времени и служили молодежи в дооктябрьские годы:

Только вышла за ворота
— У меня залетка был,
Два подкидыша лежат.
Его звали Михаил.
Одному лет сорок восемь,
Может, видели, подруги,
А другому пятьдесят.
Рот разинувши ходил.

Существует несколько разновидностей частушки. Основной ее тип — это вот такие четырехстрочные песенки, которые приведены выше. Иногда можно встретить и шестистрочную, это более старые частушки, сразу видно и по содержанию, и по языку:

Та не знает горя девушка,

Коя в людях не живет,

Не живет, не мается,

Досыта высыпается,

На работушку идет,

Когда уж солнышко взойдет.

В наши дни шестистрочные частушки попадаются очень редко. Зато плясовые частушки встречаются часто. Они тоже имеют четырехстрочную строфу, только у них ритм другой, специально приспособленный для быстрой пляски. По содержанию плясовые частушки мало чем отличаются от обычных. Но в них, пожалуй, чаще говорится о самой пляске, о гармонисте, они чаще бывают шуточного, даже озорного содержания:

Пошла плясать
Эх, топни, нога,
По соломушке,
Топни, правенькая!
Раздайся, народ,
Я не вырасту большая,
По сторонущке!
Буду маленькая!

Перечитайте эти припевки — вы почувствуете, что их хочется не петь, а выкрикивать, речитативом произносить — для пляски самое главное ритм, недаром и в ладошки прихлопывают, когда русского пляшут, — тоже для ритма. А вот четырехстрочные частушки первого, основного вида, они более музыкальны, поются (в разных местностях на разный мотив).

Третья группа частушек — «семеновна» (четырёхстрочная и шестистрочная — это все-таки один вид). У «семеновны» свой особый напев, всюду одинаковый. Некоторые куплеты «семеновны» имеют самостоятельное содержание:

Сорву я веточку, сорву зеленую,

Сыграйте, граждане, спою «семеновну».

Ой вы девочки, да вы, красоточки,

В Красной Армии наши элечочки.

Но обычно несколько строф «семеновны» объединяются сюжетом, получается как бы коротенькая песенка:

Эх, линия, тебе нет конца,

Сама я русская — люблю украинца.

Люблю украинца, я не скажу кого,

Среди публики узнаю я его.

Узнаю я его, он в серой кепочке,

Который был всегда на приметочке.

В серой кепочке, брови черные,

Из-за него не сплю ночи темные.

В последние годы собиратели не обнаружили новых куплетов «семеновны», и неизвестно, возникают ли они в наши дни или нет. Во всяком случае надо попытаться поискать их.

А на Волге и в некоторых центральных областях России большой популярностью пользуются двухстрочные песенки-страдания. «Страдать» — значит любить. «Страдатель» — такое же специальное слово в страданиях, как «залетка», «дроля», «шурочка», то есть милый или милая, в северных частушках.

Страдания, как и «семеновна», иногда соединяются в цепочки, как бы составляют одну песенку, хотя каждая строфа может исполняться и отдельно.

Хорошо страдать весною,

Под зеленою сосною.

Хорошо страдать у пруда —

Далеко ходить оттуда.

Хорошо страдать у печки —

Ноги в тепленьком местечке.

Пропал мальчик с худобы —

Шея тоньше головы.

Дай, маменька, мне нитки —

Разошью платок Микитке.

Маменька, купи кофту,

А не купишь — я утопну.

Маменька, купи чаю,

А не купишь — осерчаю.

А этот вид частушки известен всем: «Яблочко». Тоже исполняется на один мотив. История «Яблочка» любопытна. Оказывается, оно пришло к нам с Украины. На Украине издавна была известна такая плясовая песенка:

Котись, яблочко,

Куди котишься,

В і ддай, таточка,

Куди хочеться.

В годы гражданской войны «Яблочко» вдруг получило всеобщее распространение. Его запели все. Особенно полюбили его революционные матросы. Существует матросская пляска с тем же названием. В отличие от других видов частушки «Яблочко» главным образом откликается не на лирические, а на социально-политические темы — время, видно, было такое: каждый должен был определить свое место в невиданной по размаху борьбе классов.

Эх, яблочко,

Ананасное,

Не ходи за мной, буржуй,

Я вся красная.

Ах, яблочко,

С боку зелено,

Нам не надо царя,

Надо Ленина.

Эй, яблочко,

Покатилось,

А кадетская власть

Повалилася.

Ах, яблочко,

С листочками,

Удирает Махно

С сыночками.

«Яблочко» само стало ареной классовой борьбы. Это хорошо показал в своем произведении «Песнь о великом походе» поэт Сергей Есенин:

Ну, и как же ту злобу

Не вынашивать?

На Дону теперь поют Не по-нашему:

«Пароход идет

Мимо пристани.

Будем рыбу кормить

Коммунистами».

А у нас для них поют:

«Куда ты котишься?

В Вечека попадешь —

Не воротишься».

Тексты «Яблочка» и страданий уже давно не создаются. Со времен Великой Отечественной войны они возникают только в самодеятельных коллективах или их сочиняют поэты. Отметьте это в своей памяти! Зато плясовая и, самое главное, основная четырехстрочная форма еще живет полной творческой жизнью. Школьники могут оказать заметную помощь науке, собирая частушки, в особенности новые — ведь наверняка они еще не известны ученым.

Во многих сельских школах ребята стали собирать фольклор. Мне приходилось видеть очень неплохие коллекции местных частушек — тетради, альбомы,

да еще с фотографиями исполнителей, с рассказом о их жизни. Очень важно установить — когда, от кого и при каких обстоятельствах усвоены эти припевки.

В первую очередь нужно искать частушки периода Великой Отечественной войны. Годы идут.

Непосредственных участников войны — фронтовиков, партизан, тех, кто трудился тогда на колхозных полях, остается все меньше и меньше. Каждая художественно полноценная частушка — памятник истории, который может быть утрачен, как и какая-нибудь древняя скульптура, картина, изделие из драгоценного камня, и такая утрата может быть невозполнимой.

ЧАСТУШКА НАРОДНАЯ И ЧАСТУШКА САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ

А вот сейчас разговор пойдет потруднее.

Во всех клубах, Домах и Дворцах культуры работают кружки художественной самодеятельности.

Невозможно даже приблизительно сказать, сколько у нас различных хоров, ансамблей песен и танца.

Каждый такой хор исполняет не только народные песни и песни советских композиторов, а еще обычно имеет в репертуаре и произведения, сочиненные участниками хора, — как говорят, произведения самодеятельных авторов — поэтов и композиторов. Эти произведения могут быть удачными, а могут быть и неудачными — в данном случае неважно. Важно решить другое: какой это тип творчества?

Фольклорные произведения возникают не на бумаге, обычно у них нет одного автора. Кто создал сказку «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»? И народная сказка, и былина, и песня проходят через тысячи уст. Устная форма — вот основные признаки произведений фольклора.

Другой тип творчества — литературный. Литературное произведение имеет автора, оно закрепляется на бумаге, имеет устойчивый текст.

Фольклорные произведения в принципе — безавторские (хотя порой и известен автор какой-нибудь вошедшей в фольклор песни). Народная песня, сказка, былина, частушка — общее достояние народа, никому не принадлежит в отдельности.

Литературное произведение в принципе — авторское творчество (хотя бывает, печатают анонимные произведения; мы не знаем, например, автора «Слова о полку Игореве»). Но ведь от этого «Слово» не становится фольклорным произведением, оно никогда не распространялось устно, текст его не меняется, он закреплён).

Все это я говорю к тому, что самодеятельное творчество не является фольклором, устным народным творчеством. По типу и существованию своему это творчество литературное. У него свои особенности, хотя в чем-то оно может и походить на фольклор, особенно в тех случаях, когда авторы сознательно стараются подражать фольклору, создавать произведения, похожие на фольклорные.

Появляются песенники, книги, исследования, в которых самодеятельное,

или, правильно сказать, массовое творчество трудящихся помещается рядом с фольклором. Чаще всего это случается, когда речь идет о частушках.

Народная частушка исполняется на гулянках, во время пляски, а авторская — со сцены. Иногда уже и по содержанию можно сказать: эта частушка сочинена специально для концерта. Есть авторские частушки, начинающие концерт, оканчивающие номер:

Мы приехали в Москву
Вы послушайте, ребята,
В этом зале выступать.
Что сейчас мы вам споем:
Уважительная публика
Как в колхозе идет дело,
Не будет возражать.
Как в колхозе мы живем.

И еще один очень важный признак: народная частушка почти всегда исполняется от лица одной девушки, одного парня:

Я у маменьки родной

Я спрошу тебя, рябина:

Несчастливая зарожена.

От мороза зреешь ли?

Мое счастье в лесу

Я спрошу тебя, милая:

Под камушком положено.

Ты меня жалел ли?

А посмотрите в самодеятельной: «мы». Кто это «мы»? Конечно, какая-то небольшая группа — исполнители, участники хора, агитбригады, обычно выступающие от имени производственного коллектива (колхоза, совхоза).

В народной частушке тоже иногда бывает «мы», но это какая-то социальная группа: бедняки, или парни, которых забирают в царскую армию, или просто жители одной деревни:

Нам недолго молодцам

Ходить по тяткиным крыльцам:

Остается восемь дён,

Потом в солдатушки пойдем.

А озорники подростки ходили по улице и хвастались своим молодечеством. До революции частенько парни одной деревни дрались с парнями другой деревни. Вот они и пели:

Нас побить, побить хотели

На высокой на горе.

Не на тех вы нарвались —

Мы и спим на топоре!

Во какие «герои»!

А частушка-то замечательная. «Спим на топоре» — это придумать надо такой выразительный образ!

Между прочим, один из вариантов этой частушки использовал поэт Демьян Бедный. В 20-е годы сложилось напряженное положение на советско-китайской границе. Китайские генералы грозили молодой Республике Советов. Д. Бедный и взял эту боевую, издевательскую припевку:

Нас побить, побить хотели,

Нас побить пытались,

А мы тоже не сидели,

Того дожидались.

У китайцев генералы

Все вояки смелые,

На советские границы

Прут, как очумелые...

Как здесь изменилось внутреннее содержание этого «мы». В частушке — парни одной деревни. А у Демьяна Бедного — как бы все люди страны.

Почему так важно научиться отличать народную частушку от частушки авторской, литературной? А потому, что, как правило, по своему художественному уровню самодельная частушка стоит ниже народной. Но она чаще народной звучит со сцены, ее охотно печатают — ведь она может очень быстро откликнуться на разные события. И получается, что неискушенный человек поглядит-поглядит на эти произведения, да и скажет: «Ну уж и частушка! И что в ней хорошего находят?»

Не дадим мы хлеб ворам,

Не дадим пожарам,

Станем зорко сторожить

Хлебные амбары.

Очень верная, благородная идея лежит в основе этой частушки. Но какая она невыразительная по художественной форме! Ни одной яркой детали, образа. А попробуй спеть первую строчку — ее и не выговоришь, столько в ней нагромождено согласных звуков.

Наш колхоз все ширится,

Строится домами,

Приезжайте посмотреть —

Убедитесь сами.

Это уж вообще неграмотно, не по-русски сказано: колхоз все ширится, строится домами... И вот что самое грустное: обе эти неудачные литературные частушки даже напечатаны. Так вот и создаются неправильные представления о фольклоре. Нужно бороться с такими представлениями! А главное, самим научиться отличать подлинное народное творчество, подлинные частушки от неуклюжих подделок.

В. И. СИМАКОВ

Замечательным собирателем частушек был крестьянин Василий Иванович Симаков (1879–1955).

Василий Иванович Симаков родился и всю свою жизнь прожил в деревне Чагино Кашинского района ныне Калининской области. У него было трудное детство. 10-летним мальчиком его отдали в услужение к купцу. На его счастье, через несколько лет он попал к другому хозяину-купцу, который любил книги и решил завести книжную торговлю. Продавцом книг, песенников, календарей, букварей он сделал Василия Симакова.

Молодой приказчик, научившийся грамоте у отставного солдата, начинает много читать, занимается самообразованием, сам пробует сочинять стихи и рассказы. Свои произведения он посылает в столичные журналы и газеты, их печатают.

Шла первая русская революция 1905 года. В. И. Симаков смело и честно писал о том, что видел вокруг себя. Странный приказчик, который обращается к политике, к общественной деятельности, занимается писанием разных статей, был взят на заметку. За ним следили, на него доносили.

В 1909 году (а это были годы реакции, когда начались расправы со всеми свободомыслящими людьми) В. И. Симаков был арестован. Его сослали на два года в Вологодскую губернию.

Вологодская земля всегда славилась как земля песенная. Здесь и начал свою собирательскую работу Василий Иванович. А продолжил он ее уже на родине. Симаков записывал и песни. Но больше всего любил он, знал, больше всего занимался частушками. В конце жизни, уже в советское время, он передал в научные хранилища 160 000 записанных им частушек!

Выходец из народа, В. И. Симаков и трудился для народа. Он составлял и печатал тоненькие, в разноцветных обложках книжечки — «Деревенские песни-частушки». Каждый такой выпуск стоил всего пять копеек, его мог купить любой. Симаков издал двенадцать таких выпусков. Он издавал также дешевые песенники для народа, подготовил и опубликовал первый сборник двухстрочных частушек-страданий. Выступал он и как исследователь песни и частушки. Но главная его книга — «Сборник деревенских частушек», который вышел в 1913 году в Ярославле. Это одно из первых и самых крупных изданий частушек. И сегодня эта книга необходима каждому специалисту. Наша наука, любители народной поэзии никогда не забудут жизненного подвига кашинского крестьянина-ученого Василия Ивановича Симакова.

Не следует думать, что знатоками, хранителями фольклора являются только пожилые люди, бабушки и дедушки. Есть такие виды, жанры народного творчества, которые известны детсадовцам и школьникам. Детский фольклор тоже имеет свою долгую историю. Понятно, что читатели этой книжки вышли из возраста грудного младенца и малыша, который всю свою душу вкладывает в песенку «Как на Ваниных

именинах испекли мы каравай...». Но все равно познакомиться с этой историей интересно. Совсем он не простой — детский фольклор!

Давайте же посмотрим, какие песенки, приговорки, считалки, игры жили и живут на деревенских улицах и в городских дворах, в школах, в детских садах и в пионерских лагерях. И окажется: не так уж мало знают произведений фольклора даже современные дети. И не только из книг, из радиопередач, а естественно воспринятых из устной традиции.

БАЙКИ-ПОБАЙКИ

Младенец еще и «мама» сказать не умеет, а его уже укладывают спать под уютную песенку:

Баю-бай, баю-бай,

Поскорее засыпай!

В деревне Кивгода Волховского района Ленинградской области Мария Дмитриевна Сергеева пела своему внуку Диме такую колыбельную:

Ой люй, люди, люй,

Прилетели к нам гули,

Прилетели гуленьки,

Сели возле люленьки,

Они стали ворковать,

Диме спать не давать.

Ой вы, гули, не воркуйте,

Дайте Димушке поспать.

Перва гуля говорит:

— Диму спать надо валить.

А вторая говорит:

— Надо кашкой накормить.

А третья гуля говорит:

— Погулять надо сходить.

Какие тут слова ласковые подобраны: «гуленьки», «люленьки». И звучат- то они особенно — плавно, нет резких, взрывных сочетаний: «Прилетели гуленьки, сели возле люленьки...»

В колыбельных песнях часто упоминается кот, который так приятно мурлычет, воркующие голуби — гули, как называет их песня. А в старинных колыбельных есть еще образы как бы живых существ: Сон, Дрема, Угомон. Колыбельная песенка все время старается создать образ покоя, тишины:

А бабай, бабай, бабай,

Ты, собаченька, не лай,

И гудочек не гуди,

Нашу Маню не буди...

Мать пела ребенку о благополучной, сытой хотя бы жизни:

Ой, баюшки-баюшки,

Жил мужик на краешке.

Он не беден, не богат,

У него много ребят,

У него много ребят,

Все по лавочкам сидят

,

(«Не было стульчиков», — сказала Мария Дмитриевна)

Все по лавочкам сидят,

Кашку масляну едят.

Кашка масляная,

Ложка крашеная.

И кашка вкусная, и ложка красивая — не какая-нибудь белая деревянная, а крашеная, с ягодкой... Вот он вырастет, этот паренек, что пицит в зыбке, станет настоящим мужиком:

Вырастешь большой,

Недосуг будет спать,

Надо работу работать,

Орать, бороться,

Огород городить,

В лес по ягоды бродить,

По коровушку ходить.

В старину зыбку привязывали к концу длинного гибкого шеста, и качает, качает ее мать. А мать уйдет — садится няня (это может быть и бабушка, и сестра, и просто соседская девчонка лет семи-восьми — всех называли няней). И поет няня — то ли себе, то ли малышу — будет он большим, добрым и всех будет благодарить, кто его растил, и подарками одаривать:

Байки-побайки,

Матери — китайки²,

А отцу-то кумачу,

Братцу — бархат.,

А сестрице-голубице

— Ленту алую

А няньке — платок...

А когда уж совсем устанет няня, рассердится, она и попугать может: «Баю-баюшки-баю, колотушек надаю, колотушек двадцать пять, будет лучше Ваня спать».

И вот Ваня уже голову поднимает, потом садится. Надо ему зарядкой заниматься, двигаться больше. Не знали наши бабушки слова «физкультура», но прекрасно умели делать потягушки, потягусеньки. Проснется Ваня, затекли руки-ноги — раньше туго заворачивали. Развернет его мама и начинает поглаживать по животу, массаж, как теперь говорят, делать.

Потягунюшки, порастунюшки,

Поперек толстунюшки,

А в ножки ходунюшки,

А в ручки хватунюшки,

А в роток говорок,

А в головку разумок.

Какие хорошие, ласковые слова, верно? И умные, учат малыша, и следит он глазами: где у него ножки, где роток.

Встает Ваня на ножки, его держат под бока, подкидывают и припевают:

Дыбок, дыбок,

Скоро Ванюшке годок!

Отец, или какой-нибудь родственник, или гость сажает Ванюшку на ногу, качает и тоже не молчит, знает, что нужно сказать тут:

Поехали,

Поехали,

С орехами,

С орехами!

и быстрее:

Поскакали,

Поскакали,

С калачами,

С калачами!

Вприпрыжку,

Вприпрыжку

По кочкам,

По кочкам —

Бух в ямку!

И делает вид, что роняет тебя с ноги. И сейчас помню, как замирало у меня тогда сердце...
А вот еще одна такая же потешка. Похоже, что она родилась не в деревне, а в городе. Городская няня
наверняка лучше деревенской разбиралась, кто гусар, кто улан, кто казак, какие у них отличия в форме.

Ехали гусары, гусары, гусары,

Ехали уланы, уланы, уланы.

Все быстрее

Ехали казаки, казаки, казаки,

По гладенькой дорожке, по гладенькой дорожке,

По кочкам, по кочкам, по кочкам!

По ухабам, по ухабам, по ухабам!

По мостику, по мостику, по мостику!

Бух в ямку!

И так еще приговаривали:

Вот как скачут офицеры,

Вот как скачут кавалеры,

Вот как скачут стары бабы...

И так:

Хорошая дорога,

Хорошая дорога,

Вот стала что-то хуже,

Вот стала что-то хуже,

Шатает, валяет,

Шатает, валяет —

На мостике, под мостиком,

На мостике, под мостиком!

Сразу видишь все это: и как подкидывают малыша, и как вниз он летит. Самое интересное, что все эти потешки я взял не из книг, а привел по памяти или записал от своих знакомых. Такие же потешки есть и у других народов. Вот как звучит немецкая:

Hopp, hopp, hopp, Reiterlein, Гоп, гоп, гоп, всадничек,

Wenn die Kinder klein sei Когда дети малы
,

Reiten sie auf Stocklein; Они ездят на палочке
;

Wenn sie grosser werden, Когда подрастают
,

Reiten sie auf Pferden; Они ездят на лошади
,

Wenn sie grosser wachsen, А когда станут большими,

Reiten sie nach Sachsen. Отправляются в Саксонию.

А вот английская потешка:

This is the way ladies ride —
Prim, prim, prim;
This is the way the gentelman ride — Trim, trim, trim;
Presently come the countrifolks —
Hobledy gee, hobledy gee.
У немцев эти потешки имеют даже то есть песня всадника на коленях.

— Ладушки, Где были? —
— Что ели? -
— Что пили?
Так едет леди —
Прим, прим, прим;
Так едет джентльмен —
Трим, трим, трим;
А так едет крестьянин —
Гобледи джи, гобледи джи.

Ну а кто же не знает таких игр: «Идет коза рогатая»?

Или:

ладушки,

У бабушки.

— Кашку.

— Бражку.

Кашка сладенька,

Бражка пьяненька.

Бабушка добренька.

Попили, поели

Шу-у-у! — полетели,

На головку сели!

А игра в «сороку»?

Сорока — ворона

Кашку варила...

В разных местах «сороку» приговаривают по-разному; но везде одинакова игра: перебирают пальцы; везде одинаковый урок: тот палец, который не работал, дров не колот, воды не носил, — тот ничего и не получает. Вот Ваня совсем большим стал — не только ходит, но и прыгает, бегает. А для него уже приготовлена новая игра, новая потешка, под которую выросло кто знает сколько поколений русских людей:

Шел козел по лесу,

По лесу, по лесу,

Нашел себе принцессу,

Принцессу, принцессу.

Давай, коза, попрыгаем,

Попрыгаем, попрыгаем,

Давай горе размыкаем,

Размыкаем, размыкаем,

Ладощками похлопаем,

Похлопаем, похлопаем,

Ножками потопаем,

Потопаем, потопаем!

Тут тебе и зарядка, и урок родной речи, и упражнение на чувство ритма, на внимание.

Всех песенок, баек, шуток, приговорок, которые пели, сказывали, под которые играли, бегали, плясали мальчишки и девчонки русской земли, здесь не вспомнишь, даже не перечислишь — так их много. Но хоть главное, основное упомянем.

Значит, сначала идут колыбельные песни. Это творчество взрослых. На протяжении сотен лет собирались лучшие песенки, такие, под которые дети быстрее засыпали, которые имели особенно подходящее для этого содержание, особое звучание. И мелодии непрерывно шлифовались, улучшались, а все неудачное — отсеивалось.

Потешки, с помощью которых забавляют малышей, укрепляют их тело и ум, тоже еще творятся взрослыми. А вот следующий вид детского фольклора — игровые песенки и приговоры, их уже по большей части сочиняют сами дети.

И немудрая игра «Золотые ворота», а как интересно было играть в нее. Стояли мальчики и девочки парами, подняв руки, а матка вела свой выводок через этот живой тоннель. Хуже всех было последнему — его старались отсечь, отрезать от своих. И все хором пели:

Золотые ворота,

Проходите, господа!

Перва мать пройдет,

Всех детей проведет.

Первый раз прощается,

Второй раз запрещается,

А на третий раз

Не пропустим вас!

Ребята, подражая взрослым, водили хороводы, плясали. Брались за руки, делали большой круг, а в центре стоял именинник — тот, кого величали. Все пели, ходили по кругу или показывали то, о чем пелось:

Как на Ваниных именинах

Испекли мы каравай —

Вот такой ширины,

Вот такой вышины,

Вот такой низины,

Вот такой ужины.

Каравай, каравай,

Кого любишь, выбирай!

— Я люблю вас всех,

А Алену больше всех!

Алена становилась в центр, и хоровод продолжался.

А была еще такая припляска — каждая строчка сопровождалась определенными движениями, подскоками:

Баба сеяла горох —

Прыг, скок!

Прыг, скок!

Зацепилась за порог —

Прыг, скок!

Прыг, скок!

Баба шла, шла, шла,

Пирожок нашла.

Села, поела,

Опять пошла.

Баба стала на носок,

А потом на пятку.

Стала «русского» плясать,

А потом впрысядку.

Некоторые старинные ребячьи игры совсем уже забылись, не дошли до нас. Но о них можно узнать, просмотрев дореволюционные сборники фольклора. Один из лучших и самых полных сборников — «Великорусе» П. В. Шейна.

Павел Васильевич Шейн (1826–1900) — замечательный собиратель русского и белорусского фольклора. То, что сделал Павел Васильевич для нашей науки, никогда не будет забыто. За свою долгую жизнь он записал и опубликовал тысячи свадебных, лирических, хороводных песен, он собирал сказки и легенды, былины и детский фольклор. Детский фольклор он записывал, между прочим, когда преподавал в Яснополянской школе Льва Николаевича Толстого. Все труды П. В. Шейна невозможно перечислить. Но еще большее удивление, восхищение вызывает его работа, если знаешь, что этот человек был тяжело болен. Он плохо владел руками, передвигался только с помощью костылей. Он вечно нуждался. Не получив никакого образования, он сам образовал себя, выучил несколько языков.

Он был учителем в казенных учебных заведениях, домашним учителем в семьях помещиков.

Более ста лет назад вышли первые книги П. В. Шейна: «Русские народные песни» (1870), «Белорусские народные песни» (1874). Главный двухтомный труд его — «Великорусе» («Великорусе в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках и т. п.») полностью так и не был напечатан. Вышло только два выпуска первого тома. Но и эти две толстые книги — огромное богатство.

В первом выпуске «Великорусса» подробно описаны многие, забытые ныне, игры детей, приводятся песенки, приговорки, которые сопровождали эти игры. Игры, например, такие: «Заря», «Кума», «Лиса», «Короли», «В коршуна», «Горшки», «Мак», «Черный-вороной», «Утка», «Лень». Даже по названиям этих игр видно, что они связаны с миром русской природы, с жизнью и бытом старой деревни.

КТО ТАКОЙ КУРИЛКА

А теперь обратимся к Пушкину. Но сначала внимательно прочитаем стихотворение Пушкина «Жив, жив курилка!». Потом будет понятно зачем. Стихотворение это направлено против М. Т. Каченовского, который был сторонником устаревшего литературного направления классицизма. На протяжении многих лет он преследовал Пушкина и его друзей поэтов-романтиков.

«Как! жив еще курилка-журналист?» —

«Живехонек! все так же сух и скучен,

И груб, и глуп, и завистью размучен,

Все тискает в свой непотребный лист И старый вздор, и вздорную новинку». —

«Фу! надоед курилка-журналист!

Как загасить вонючую лучинку?

Как уморить курилку моего?

Дай мне совет». — «Да... плюнуть на него».

Что можно сказать об этом стихотворении?

«Жив курилка!» — ходячее выражение, нередко употребляется и в современной речи: мол, еще жив, живет человек, ничего ему не делается. В наши дни поговорка имеет шуточный характер, но эта шутка несколько не злая, добродушная. Два старых приятеля, давно не встречавшихся, вполне могут приветствовать друг друга такими словами. И ни один не подумает обидеться.

По-видимому, во времена Пушкина поговорка несла в себе больше оттенка иронии, презрительности. Поэт не только не дружил с Каченовским — он презирал его. Еще совсем молодым, в 1818 году, написал Пушкин первую и тоже достаточно злую эпиграмму на этого профессора-журналиста («Жив, жив курилка!» написано семь лет спустя, в 1825 году).

Итак, Пушкин назвал Каченовского курилкой. А что это такое — курилка? Курильщик, что ли? Может, и так, а может, и нет. Когда сомневаешься, лучше проверить, надежнее будет. А если нужно найти какое-то редкое слово, обращай к Далю, к «Толковому словарю» Владимира Ивановича Даля.

У Даля слова расположены гнездами, по корням. Надо искать слово

«курить». Нахожу основное значение: «дымить, производить дым или

смад». А в числе слов, производных от глагола «курить», и наш курилка. Оказывается, курилка —

«головенька из спички, дымящаяся лучинка, и самая игра, в которой спичка переходит из рук в руки, с приговоркою: «Жив, жив курилка!».

Ага, значит, «Курилка» — это детская игра. А раз так, надо навести справки в «Великоруссе» П. В. Шейна.

Шейн все знает. В первом выпуске первого тома, под № 269 находим и описание «Курилки».

Играющие садятся рядом довольно близко друг от друга и кто-нибудь из них зажигает тонкую лучину, и когда хорошенько разгорится, то ее тушат и, пока огонь еще тлеет, передают из рук в руки до тех пор, пока не погаснет. Тот, в чьих руках она потухает, рассказывает Шейн, должен исполнить какое-либо приказание. Передавая лучину, все поют хором:

Жил-был курилка,

Жил-был душилка,

Уж у курилки,

Уж у душилки,

Ножки малыньки,

Душа коротенька.

Не умри, курилка,

Не умри, душилка!

Уж у курилки,

Уж у душилки Ножки малыньки,

Душа коротенька.

Жив, жив курилка.

Жив, жив душила
!

А вот теперь еще раз прочитаем пушкинские строки. Сколько нового смысла появляется в них, новых, не замеченных, вернее, непонятных ранее деталей. Теперь только открылся образ, объединяющий все стихотворение: человек, похожий на курилку; коптящая, вонючая лучина! Что делать с таким человеком? «Да... плюнуть на него» — теперь только вполне оценим мы и блестящее остроумие поэта, прямое и переносное значение заключительной строки. Теперь только в полной мере ощутили мы гневное презрение поэта к этому гонителю передового искусства.

Пушкин — мы можем утверждать это — прекрасно знал игру крестьянских ребятишек, видел, наверно, как торопились они передать друг другу коптящую лучину, а может, и сам играл так в детстве. Он безо всяких изменений использовал для заглавия строку из песенки, которой сопровождалась игра.

«ТОЧКА, ТОЧКА, ДВА КРЮЧОЧКА...»

Даже старики, которым уже по 80 лет, в «Курилку» не играли и не слышали о ней. А вот в прятки! Они и сегодня всем известны.

Кто водит, должен отвернуться в какой-нибудь угол, к стенке, закрыть глаза и громко-громко приговаривать:

Раз, два, три, четыре, пять,

Я иду искать!

Кто не спрятался,

Я не виноват.

Кто за мной стоит,

Тот в огне горит,

Кто по бокам,

Тому по щекам!

Были у нас такие хитрецы: только водящий кончит говорить, а он из-за его спины уже протягивает руку, чтобы застучаться, и кричит:

— Чур за себя!

А в жмурки играют так: тот, кто водит (ему сначала завязывают глаза), становится посреди комнаты или круга играющих, а кто-то берет его за плечи, поворачивает, чтобы тот потерял ориентировку, и приговаривает:

— Где стоишь?

Водящий должен ответить:

— На мосту.

— Что продаешь?

— Квас.

— Ищи три года нас!

И с этими словами все разбегаются.

Была еще такая игра — молчанка. Собирались ребята в избе или за сараем где-нибудь и соревновались: кто дольше сумеет промолчать, удержаться от смеха (палец нарочно показывали, дразнили — но все молча).

Крюки, замочки,

Замкните мои щечки!

Крюк пополам,

По всем городам!

Не усмехиваться,

Не улыбаться,

Хлым!

Когда я был маленький, нас с двоюродной сестрой уложат спать в одной комнате, и вот мы начинаем смеяться, дурачиться, нас уже родители поругивают. И тогда мы говорим: «Ладно, будем спать, давай, играть в молчанку». У нас такой стишок в ходу был:

Кошка сдохла,

Хвост облез.

Кто промолвит,

Тот и съест!

Лежим, надуваем щеки, чтобы не прыснуть, молчим. Лежим-лежим, а потом кто-нибудь забудется, что-то скажет.

А второй в восторге:

— Ага, кошкин хвост съел!

А другой раз так и заснем...

Игр разных было очень много, и почти каждая сопровождалась какой-нибудь приговоркой, песенкой.

Вот, например, находят ребята хороший белый камушек. Садятся в кружок, незаметно передают этот камушек друг другу (тот, кто водит, сидит

в центре, смотрит, а его обманывают, делают вид, что передают). И все приговаривают:

Купался Иванушка

Возле белого камушка.

Белый камень у меня, у меня!

Белый камень у меня, у меня!

При последних словах все вытягивают кулаки, а водящий должен угадать, в котором кулаке камушек.

Угадал — они меняются местами. Не угадал — снова водит.

А еще была игра в камушки, называлась «пятки». Брели пять небольших камушков и с ладони рассыпали на ровное место. Один камень подкидывали (он назывался «матка», «матушка»), и, пока matka летела, надо было успеть сначала взять по одному камушку, потом по два, потом один и три, все четыре сразу. Каждая фигура имела свое название. Трудно было схватить рассыпанные камушки, не ошибиться при этом, схватить именно столько, сколько нужно, но еще труднее было все это проделывать под определенные слова:

Катушка,
Неминуца,
Матушка,
Выпуски,
Из кон-кон,
Выпусти,
По первый кон.
Трисенки,
Двочки,
Сбрысенки,
Трочки,
Камушек беленький —
Эта куча
Последенький!

А в этой приговорке, записанной от ребят другой деревни, но в том же Бокситогорском районе Ленинградской области, слова немного не такие:

На два камня!
Сдвойтеся,
Сбёрыши,
Трочки,
Добёрыши,
Стройтеся!
Не собрать
Трисенки,
Одного
Сбрысенки,
Камушка!
Стряхоньки,
Катышки,
Смахоньки,
Матышки,
Выпуски
Из кон-кон,
Не выпусти,
По первый кон.
Ни ты меня,
Двочки,
Ни я тебя!

Есть еще детские игры и приговорки, при которых необходимо пользоваться бумагой и карандашом (значит, это скорее всего более новые или, вернее сказать, не очень старые игры и приговорки).

Ну вот такая, например: сам произносишь слово и сам должен успеть нарисовать под него:

Точка

Точка

Запятая

Минус

Рожица кривая

Есть другая приговорка:

Точка

Точка

Два

Крючочка

Носик

Ротик

Огуречик

Вот

И

Вышел

Человечек

А то еще берут полоску бумаги, складывают гармошкой. На каждом квадратике рисуют смешные картинки. А потом приглашают приятеля. Показывают по одному рисунку и поясняют, как когда-то в народных кукольных представлениях с Петрушкой:

Яблоко,

Груша,

Дядя Павлуша,

Его отец,

Кино конец.

Пиво,

Квас,

Рубль с вас!

Игра в камушки, прыганье через веревочку, рисование человечков — совсем разные действия. Каждая из этих игр чем-то полезна — укрепляет пальцы рук (это очень важно!), мышцы ног, легкие; рисунки развивают глазомер. А зачем приговорки еще? Во-первых, они определяют скорость, ритм движений, а во-вторых, помогают, учат одновременно выполнять несколько различных действий.

Это очень трудно для маленьких. Но в игре, в забаве никто и не замечает, не догадывается, что выполняет серьезное дело.

Каждый знает: зарядка полезна. Но все равно скучно много раз делать одно и то же: присел — встал, присел — встал. А тут поиграл в три, четыре разные игры, повеселился, попрыгал, спокойно посидел за столом, — а оказывается, занят был развитием своих двигательных способностей.

Вот тебе и «точка, точка, два крючочка...».

ЧЕМ УГОЩАЛИ ДОЖДИК

Идет веселый дождик. Босоногие мальчишки и девчонки носятся по теплым лужам, брызжутся, визжат. И кто-то обязательно покричит:

— Дождик, дождик, пуще!

Дальше могло быть по-разному. Мы пели так:

Дождик, дождик, пуще!

Наварю я гущи!

И повторяли это по многу раз. И тоже, конечно, не приходило нам в голову, что мы воспроизводим древнейший обряд заклинания природы. С такими заклинаниями наши далекие славянские предки обращались к солнцу, дождю, радуге. (В «Слове о полку Игореве» Ярославна обращается к ветру, к реке, к солнцу, просит облегчить судьбу пленного Игоря.) Славяне были земледельцы. И нужды их — в зависимости от времени года, от обстоя, — тельств — могли быть самые разные.

Весной или в засушливую пору земле, посевам была необходима влага. И вот как воспоминание обо всем этом и живут в детском обиходе такие песенки-заклички:

Радуга-дуга,

Принеси нам дождя!

Дождик, дождик, пуще!

Наварю я гущи!

Дождик, дождик, поскорей!

Я прибавлю сухарей!

Гуща — это каша из ячменя с горохом. Она часто упоминается в закличках. Чтобы сделать силы природы более добрыми, их угощали. Заклинания сопровождалось обрядом кормления. Обряд давно исчез, а детская песенка и сегодня еще предлагает дождю древнее лакомство. А потом ребячья фантазия добавляла

к традиционной гуще любую другую еду. Но мотив угощения, упоминания об угощении сохранились, без преувеличения можно сказать, на века.

Дождик, дождик, пуще!

Я насею гущи,

Цель ну кадушку,

Сверху лягушку!

Внутренний смысл текста уже начисто забыт. Никакого уважения к небесным силам — кормить их лягушками.

Если дождя было много, нужно было тепло, солнышко, так и говорили:

«Радуга-дуга, перебей дождя!»

Или:

Радуга-дуга,

Не давай дождя,

Давай солнышка,

Колоколнышка!

Или:

Дождь дождем

Поливал ковшом.

Мать божья',

Не давай дождя,

Давай солнышка,

Высоколнышка!

Вот смотрите. Заклички целиком основаны на языческих, дохристианских представлениях — на вере в многочисленные силы природы. А потом на Русь пришло христианство (христианство признает одного бога — Христа и потому называется единобожием). И там, где было когда-то прямое обращение к хозяину

стихии — к дождю, к солнцу, оно позднее нередко заменялось обращением к богу, к христианским святым. Так и здесь. Если во второй заклинке отбросить две первых строки, то получится:

1. Радуга-дуга, 2...Мать божья,
Не давай дождя, Не давай дождя,
Давай солнышка, Давай солнышка,
Колоколнышка! Высокотнышка!

Оказывается, божья-то мать тут ни при чем.

А вот эта, известная и сегодня, заличка возникла сравнительно недавно. В ней уже больше христианских элементов:

Дождик, дождик, перестань!

Я поеду во Рязань

Богу молиться,

Христу поклониться.

Есть у бога сирота,

Отворяет ворота

Ключиком, замочком,

Шелковым платочком.

Иногда пели: «Я поеду в Эривань», «в Арестань». Раньше было: «Я поеду в Иордань» (Иордань — река в Палестине, где происходило первое крещение). Но все равно и здесь видна старая основа: обращение к дождю.

Анна Андреевна Харламова, жительница деревни Надпорожье Лодейно-польского района Ленинградской области, рассказывала:

— Пойдем, бывало, купаться. Сидим, сидим в воде, до гусяной кожи. Холодно станет. А солнце-то за тучи ушло. Деревня на одном берегу стояла, а наши избы — на другом. Считалось, что мы за рекой жили. Вот мы и просим солнышко прийти к нам, согреть нас:

Наше солнышко,

Высокотнышко,

Не пеки в деревню,

А пеки к нам за реку!

Как у нас за реки

Нет ни хлеба, ни муки.

Откуда в этой несерьезной ребячьей просьбе вдруг такая серьезная концовка? «...у нас за реки (то есть за рекой. — В. Б.) нет ни хлеба, ни муки». Тоже, я думаю, где-то глубоко-глубоко живет в этих строчках воспоминание о древних, жизненно важных, взрослых обращениях к солнцу: помочь вырастить хороший урожай.

И нынешние ребята знают много закличек и родственных им приговорок.

Попадется кому божья коровка — положит ее на ладошку и припевает:

Божья коровка,

Улети на небо,

Принеси нам хлеба!

А эта, сразу видно, поновее, первоначальный ее смысл утрачен — просьба к небесным силам о помощи:

Божья коровка,

Улети на небо —

Там твои детки

Кушают конфетки!

Можно еще попросить улитку:

Улитка, улитка,

Высунь рога.

Дам кусок пирога!

Примерно так поют дети всей Европы. А что ж тут удивительного: все мы — родственники, принадлежим к одной группе индоевропейских народов. У индоевропейцев общее прошлое: общая жизнь, одинаковые верования, обычаи.

«БУДЕШЬ ДРЫГАМИ НОГАТЫ»

А теперь мы перейдем к детским песенкам, скороговоркам, прибауткам. Каждое слово в них веселое, да еще и нарядное, звонкое, приспособленное, как и в считалках, не к чтению про себя, а к громкому произнесению, к выкрикиванию.

В детских песенках всегда очень много движения. Герои этих песенок — животные, птицы, насекомые — действуют, как люди: косят, тушат пожар, играют на скрипке. А люди в них — чаще всего это поп, поповы ребята, пономарь, дьякон — совершают какие-то смешные, нелепые поступки: падают с печки, ушибаются, убиваются.

— Туру, туру, пастушок,

Сова — моя теща,

Березовый колпачок.
Зеленая роща.
Далеко ль гоняешься?
Шурин — Бурнн.
— С моря до моря,
Козы — Улиты,
До Киева-города.
Борова — Никиты.
Тама моя родина,
Курочки — Марфушки,
На родине дуб стоит,
Петушки — Петрушки.
На дубу сова сидит.

Некоторые песенки очень старинные, в них упоминаются детали старого крестьянского быта. Но мы уже видели: старина так или иначе присутствует во всех произведениях фольклора.
Интереснее подумать над тем, почему именно в детских песенках так много разных нелепиц, несообразностей, нелогичных поступков.

Ульяна, Ульяна,
Козел в новых портках,
Садись-ка ты в сани,
Коза в сарафане,
Поедем-ка с нами
А бык в кожане,
В нову деревню.
Утка в юбке,
В новой деревне,
Селезень в жерельях,
Во старом селенье
Корова в рогоже —
Много дива увидишь:
Нет ее дороже!
Курочка в сережках,

Дети народ веселый. Современная медицина утверждает, что без юмора, улыбки, смеха, без постоянного хорошего настроения ребенок не может нормально развиваться. А тут иногда очень простой, незамысловатый — но непрерывный юмор: «утка в юбке».

Лыко мужиком подпоясано,

Ехала деревня середь мужика,

Глядь — из-под собаки лают ворота;

Ворота-то пестры, собака-то нова.

Мужик схватил собаку

И давай бить палку.

Собака амбар-то поджала

Да в хвост и убежала.

Изба пришла в мужика,

Там квашня бабу месит

.

Смешно? Очень смешно. Но прочитайте еще раз и проследите за тем, как много умственной работы требуется тут проделать: каждую строчку сначала прочитаешь: «Лыко мужиком подпоясано...» Потом рассуждаешь: кто может быть подпоясан? Мужик. Значит, правильно будет: «Мужик лыком подпоясан... И так всю эту нескладёху. Оказывается, она — еще один прекрасный образец народной педагогики. Все эти детские песенки развивают мышление. Они заставляют ребенка сопоставлять свои знания о жизни с тем, что утверждает песенка.

И еще один побочный, но прекрасный результат: ребенок, узнавая, находя эти нелепицы: «в новой деревне, во старом селенье», радуется: «А вот не обманули меня, не могли!» У него — хорошее настроение, он чувствует в себе уверенность, силу. И — это совершенно точно — лучше, быстрее растет, растет здоровым. Замечательный ученый и детский писатель Корней Иванович Чуковский специально изучал детское творчество, эти лепые нелепицы, как он их назвал. И пришел к выводу: они необходимы детям.

Многие стихи самого Корнея Ивановича можно было бы назвать лепыми нелепицами.

И еще, говорил Корней Иванович, детский фольклор учит ребенка родному языку, заставляет вслушиваться в каждое слово, в его звучание, задумываться над его грамматическим строем.

Счас как режиком заножу —

Будешь дрыгами ногать!

Вело-мото-кино-фото-теле-радио-сипед! — веселое словечко.

А вот как прекрасно звучит старый стишок:

Боже, боже,

Дай мне коже,

Я сошью себе

Сапоже.

Без сапоже

Мне не гоже —

Може ноже

Отмороже.

А вспомните всякие скороговорки: «Мамаша дала Ромаше сыворотку из- под простокваши», «На горе Арарат растет крупный виноград», «На дворе трава, на траве дрова. Раз дрова, два дрова, три дрова...». Ребята ведь не сразу выучиваются произносить все звуки правильно: «р» выговаривают как «л» («Папа, дай луку» — вместо «руку»). Такие скороговорки — замечательное упражнение для маленьких. Да и соображать все время нужно, сознательно произносить звуки: раз дрова, два дрова, три дрова...

Сколько мальчишек и девчонок с удовольствием пели песенку «Двенадцать негрят». Пели до конца: сначала двенадцать, потом одиннадцать, потом десять негрят пошли купаться в море... Все тут — и для внимательности, и для памяти упражнение. И просто забава.
«Ну что тут такого умного, — скажет порой кто-нибудь из взрослых. — Не болтай глупостей!»
А через минуту другая первоклашка с выражением декламирует то, что отлично было известно и ее папе, и дедушке, и, пожалуй что, и прадедушке:

Ехал грека Через реку...

Глупо? Пустая забава?

Но и забавы, как я уже несколько раз говорил, тоже, оказывается, просто необходимы детям. Едва выйдя за порог класса, они носятся, кричат что-то, ощущая только себя, только свой внутренний восторг; солнышко на небе, легкие дышат, руки-ноги без усталости работают, сидение за партой кончилось и можно наконец поразмяться, попрыгать, покричать.

ЕСТЬ ЛИ ПОЛЬЗА ОТ ДРАЗНИЛОК?

Так вот, послушаем, что кричат ребята на улице.

Бабка-ёжка, Бабка-ежка,

Костяная ножка, Костяная ножка,

Вышла на улицу. С печки упала,

Раздавила курицу. Ножку сломала,

Курица плачет, А потом и говорит:

Бабка-ежка скачет. — У меня живот болит!

Как дам по столу —

Все тарелки на полу!

Хоть и не водятся теперь бабы-яги, а дразнилка живет еще по задним дворам, даже у нас в Ленинграде. Последние две строчки в каждой дразнилке несомненно новые, добавлены недавно. Конечно, нехорошо, некрасиво высмеивать какие-то физические недостатки человека, вообще все качества, которые зависят не от него. Были такие дразнилки. В некоторых стихах — их очень удачно назвал один ученый поддевками — поддеваются, поддразниваются ребята по своим именам:

Сергей, воробей, Коля, Коля, Николай,
Не гоняй голубей! Бросил шубу на сарай,
Голуби боятся, Шуба вертится,
На крышу садятся. Коля сердится!
Гоняй галочек Из-под палочек!

Есть поддевки на все русские имена, и мальчишечьи, и девчоночьи. Тут особенной обиды, оскорбления человеку нет. Но когда весь двор изо дня в день кричит, как только ты выйдешь погулять, то это тоже мало радости. Чего тут, кажется, обидного: «Вовка — морковка!» или «Вовка — божья коровка!..» Но я вспоминаю, что иногда эти испытания нервов и терпения доводили до потасовок. А выйдет человек в новом костюме, в матросском, например. Если скромно держит себя, может, и ничего, обойдется без шуток. Ну а если уж хвастает обновкой, то сразу услышит:

Моряк

С печки бряк,

Растянулся как червяк!

А эта годится для всех гордецов:

Воображу первый сорт,

Куда едешь —

На курорт?

Шапочка с пумпончиком,

Едешь под вагончиком!

Под вагонами, в угольных ящиках в начале 20-х годов ездили беспризорные ребята — много сирот осталось после первой мировой и гражданской войн. Внутренний смысл дразнилки и состоит в том, чтобы показать ложное, фальшивое в человеке: он воображу, хвастун. Богатеньких, нэпманских детей двор, конечно, недолюбливал. А тут свой да выдает себя за буржуйского сынка («шапочка с пумпончиком», едет на курорт). Это уже выражение классового чувства.

Но в общем-то и прежде, и у нынешних ребят больше было дразнилок безобидных, шуточных, требующих просто внимания.

Показывают на какую-нибудь бумажку на земле и спрашивают:

— Твой талон?

И если товарищ нагнется посмотреть, что это такое, кричат:

— Спасибо за поклон!

Когда самолеты были в диковинку, ребята, как увидят его в небе, так и бегут, смотрят и кричат:

Аэроплан, аэроплан,

Посади меня в карман,

А в кармане пусто,

Выросла капуста!

Самолеты были с двумя парами крыльев (такие называют бипланами), летали они низко и медленно, так что накричаться успевали.

Каждая минута ребячьей жизни чем-то заполнена.
Сидят на траве Петька и Сашка. Все игры уже переиграны — ив ножички, и в фантики, и в попа-загонялу, и в чижики. Тело требует отдыха, а голова — работы.
— Петька, — говорит Сашка, — скажи: «а»!
Петька, заинтересованный, послушно говорит:
— А!
И тогда Сашка в восторге:

Ворона — кума,

Г алка — крестница,

Тебе ровесница,

Тебя крестила-крестила

И в помойную яму опустила!

Петька не остается в долгу.

— Я буду тебе рассказывать, а ты добавляй: «И я». Я пойду в лес.

— И я.

— Я срублю дерево.

— И я.

— Я вырублю колоду.

— И я.

— Я замешу свиньям.

— И я.

— Они будут есть.

— И я.

Потом Сашка просит Петьку:

— Засунь четыре пальца в рот и скажи: «Солдат, дай мне пороху и шинели».

Петька засовывает пальцы в рот, и у него получается что-то вроде:

— Солдат, дай мне по уху, и сильнее!

Тут же для порядка и подзатыльник следует.

И начинается состязание — в памятьности, в ловкости, находчивости. Когда исчерпывается запас известных текстов, каждый придумывает сам.

— Скажи: «Арбуз».

— Арбуз.

— Ты карапуз!

Или что-то подобное. Но ведь это уже настоящее творчество. Надо найти рифму, остроумно задать вопрос.

А когда уж совсем выдохнутся поэты, они вымучивают:

— Скажи: шило!

— Ну, шило!

— У тебя на носу мыло!

Значит, игру пора кончать. Отдыхай, голова, работайте, ноги! И пошло — в казаки-разбойники, в штандер, в маялку.

А через пять минут первый конфликт. Когда при игре в пятнашки водящий долго преследует кого-то одного, тот, кто должен убегать, недоволен, особенно если он помладше, послабей. Он говорит:

За одним не гонка —

Поймаешь поросенка!

Или:

За одним не гонка,

Человек не питонка!

Новый конфликт: кто раньше застучался? Или: на черте мячом запятнали или за чертой? Все возбуждены. А вековой фольклорный репертуар подсказывает нужные ответы, нужные дразнилки. Если человека дразнят справедливо, он помалкивает: что тут скажешь? Но если он считает себя правым, он постарается отбиться:

Шел-шел крокодил,

Твое слово проглотил,

А мое оставил

И печать поставил!

В разгар перепалки кто-то пришел с конфетой или с другим чем вкусным. Всех угощает, честно делит на равные части. А если не угощает, пожирает один где-нибудь в сторонке, ему проходу не дадут: жади-на-говядина!

Это старое, испытанное оружие нашего поколения современное поколение озорников усовершенствовало:

Жади-на-говядина,

Пустая шоколадина!

Или еще похлеще:

Жади-на-говядина,

Соленый огурец,

Простая шоколадина,

На горшке вареная,

Сосисками побитая,

Чтоб не была сердитая!

Тут уж сразу поймешь, как нехорошо быть жадным.

Детей учат уму-разуму родители, учителя. Но присмотритесь: они все время и сами себя воспитывают, учат товарищей и сами учатся быть честными, справедливыми, добрыми. Упал какой-нибудь мальчишка, рассадил колено. Стерпел он — молодец! Товарищи сочувствуют ему, утешают. А заплачь он по пустяку, когда можно было бы и не заплакать, все хором заявят:

Плакса, плакса,

Три копейки вакса!

Поневоле застыдишься, замолчишь — ведь это общественное мнение тебя осуждает.

Так маленькая дразнилка развивает в будущем взрослом — рабочем, воине, моряке, летчике, космонавте, директоре завода, ученом, спортсмене — необходимое для него и красивое, благородное свойство натуры: мужество.

ПРО ЭНИКИ-БЕНИКИ

Во многих случаях нужно было справедливо разделить играющих на две команды — в лапту, в казаки-разбойники. Тогда два признанных вожака становились матками. Все остальные разбивались на пары (девочка с девочкой, мальчик с мальчиком — примерно одинаковой силы, ловкости). Каждая пара в сторонке сговаривается:

— Я буду дуб, а ты береза.

И идут к маткам.

— Мать, а мать,

Чего вам дать:

Дуб или березу?

Потом вторая пара подходит и предлагает:

— Мать, а мать,

Чего вам дать:

Бочку с салом

Или казака с кинжалом?

И матки по очереди выбирают.

А иногда нужно из ватаги определить одного несчастливого, кто водить будет. Если народу немного, брали палку и в очередь обхватывали ее — конались. Чья рука окажется последней на конце палки, тот водит. И что-то приговаривали при этом. Сколько раз я играл так, сам приговаривал — и вот забыл. Стал в книгах искать — не нашел. Может быть, кто-то из читателей знает эти слова? Напишите мне!

Про кулак есть один известный стишок. Все вытягивали кулаки, и кто-нибудь говорил:

Шла кукушка

Мимо сети,

А за нею

Злые дети

И кричали:

— Ку-ку, мак,

Убирай

Один

Кулак!

Что такое считалка, объяснять не надо. Но вряд ли кто особенно прислушивался к ним. А они бывают очень разные. Существует много видов считалок. Есть такие, которые сразу определяют водящего:

Тара — бара, Вышел месяц из тумана,

Домой пора, Вынул ножик из кармана.

Коров доить — Буду резать, буду бить,

Тебе водить. Все равно тебе водить.

А есть и другие. Станут ребята в кружок. И кто-то начинает:

Стакан,

Лимон,

Выйди вон.

Точно так же и у немецких ребят:

Eine kleine Mikimaus Маленький мышонок Мики (Микки Маус)

Lief urns Rathaus Бегал вокруг ратуши,

Wide — wip, wide — war, Виде-вип, виде-вап,

Und du bist ab. Ты выходи!

На ком считалка закончилась, тот выходит. И так до конца, пока не останется один, — ему и водить. А бывает, выходят сразу двое — для скорости, наверно.

Аты-баты — шли солдаты,

Аты-баты — на базар.

Аты-баты — что купили?

Аты-баты — самовар.

Аты-баты — сколько стоит?

Аты-баты — три рубля.

Аты-баты — кто выходит?

Аты-баты — ты и я.

Иногда тот, на ком считалка заканчивалась, выбирал второго по своему желанию. У ребят 60-х и 70-х годов нашего века очень популярна эта считалка:

Ехала машина

Темным лесом

За каким-то

Интересом —

Инте, инте,

Интерес,

Выходи на букву С.

А вот от ребят Спировской школы я услышал ее с Дополнениями. С помощью такой развернутой считалки сразу выходят четыре человека:

...Выходи на букву С.

А за буквой С

Вышла буква А,

А за буквой А

Вышла баба-яга,

А за бабой-ягой

Вышел парень молодой

.

Ребята любят веселье, смех, соревнование. Из всего они устраивают игру. Считалка является как бы подготовкой к большой коллективной игре. Но и сама она становится игрой, соревнованием.

На золотом крыльце сидели

Царь, царевич,

Король, королевич,

Сапожник, портной,

Скажите, пожалуйста:

Кто вы такой?

Г овори Поскорей,

Не задерживай

Добрых и честных Людей

Последний, на кого пришелся счет, должен ответить, например: «портной!» или «царь!» — и считалка снова произносится, но не до конца, а только до этого слова. Ответить нужно сразу («Говори поскорей!»). Каждый, конечно, старается сообразить, сосчитать, какое слово надо сказать, чтобы самому выйти. Считалка «Шла торговка мимо рынка» тоже хорошо известна.

Шла торговка мимо рынка,

Спотыкнулась о корзинку.

В этой маленькой корзинке Есть помада и духи,

Ленты, кружева, ботинки —

Что угодно для души?

Обычно на этом она и кончается, и играющему остается только угадать, какое выбрать слово — «помада» или «ботинки» — для повторного счета. Есть еще ее усложненный вариант. Тут уж считалка действительно превращается в самостоятельную игру. Тот, кто считает, ставит дополнительные условия:

Что хотите, то берите,

Губки бантиком держите

(то есть нельзя смеяться)

«Да» и «нет» не говорите,

Черно с белым не берите!

И начинается ловля:

— Вы поедете на бал?

Если скажешь «да» или «нет», — сразу проиграешь, будешь водить. Надо сказать:

— Поеду.

— А какое на вас будет платье?

Тут тоже нельзя сплеховать, нельзя назвать белый или черный цвет.

— А когда вы поедете — белым днем или черной ночью?..

— А когда вы поедете, в носу будете ковырять?

Но ведь и улыбнуться нельзя!

Бывали такие сообразительные, что никак их не поймашь. Сделают каменное лицо — а ты тут хоть в лепешку разбейся.

Бывали и мастера ловить: два-три вопроса, и ты уже попался.

Ребята все время сочиняли и сочиняют новые считалки, иногда даже из книг их берут, из каких-то стихотворений.

Плыл по морю чемодан,

Шел крокодил,

В чемодане был диван,

Трубку курил.

А в диване спрятан слон,

Трубка упала

Кто не верит — выйди вон.

И написала:

Шишел,

Мышел,

Вышел.

Старые это считалки или новые? Конечно, новые. Все старинные фольклорные произведения (а считалки тоже один из жанров фольклора!) отражают жизнь крестьянина, земледельца, мир окружавшей его природы. Здесь слова «чемодан», «диван» — не крестьянские. Слон, крокодил — животные жарких стран, у нас они не водятся, и поэтому они не упоминаются и в традиционном русском, крестьянском фольклоре. Эти образы навеяны книгами, школьным учением. Кругозор-то у нынешних ребят другой!

Но фольклорные произведения очень редко создаются заново целиком. Обычно при этом используются какие-то куски, отрывки, формулы старых произведений этого же вида. Вот и здесь просто взяты готовые старинные счи- талочные концовки типа «выйди вон».

Многие считалки заканчивались так: «Родион (или Родивон), выйди вон». Однажды, знакомясь с содержанием рукописного сборника пословиц XVII века, я с удивлением и радостью прочитал:

Родивон, поди вон,

А Ватута сиди тута.

Конечно, это еще не считалка, это скорее прообраз, первооснова известной считалки. Но возраст у нее почтенный — 300 лет!

Из — под печки

Три дощечки:

Хлоп, хлоп, хлоп —

Вышел поп!

А нельзя ли поновее?

Пожалуйста:

Ниточка,

Иголочка,

Вышла

Комсомолочка!

Та же, можно твердо сказать, древняя формула, а с другой стороны — все новое, слова, образы — мир другой.

«Шишел, мышел, вышел» — тоже очень старая концовка, известная в десятках вариантов.

Катилося яблочко

Вкруг огорода.

Кто его поднял,

Тот воевода.

Шишел, вышел,

Вон пошел,

Под карету

Спать пошел.

Но в наши дни живут и многие старые-престарые считалки. При этом они, как и всякие другие фольклорные произведения, подвергаются изменениям, сокращаются, дополняются, соединяются, сливаются друг с другом (соединение двух произведений фольклора в одно называется контаминацией).

Вот мы вспомнили уже считалку «Шла торговка мимо рынка, спотыкнулась о корзинку...». А есть и такая:

Дора, дора, помидора,

Мы вчера (или: в саду) поймали вора.

Стали думать и гадать,

Как бы вора наказать.

Мы связали руки, ноги

И пустили по дороге.

Вор шел, шел, шел И корзиночку нашел.

В этой маленькой корзинке...

Дальше уже известно.

Далеко не всегда можем мы определить, какой текст в контаминации является первичным, основным. Но на этот раз можно утверждать точно: «Дора, дора...» присоединилось позднее, так как сама считалка «В этой маленькой корзинке...» — отрывок из русской комической оперы XVIII века, и, следовательно, исходный текст мы знаем.

Неизвестно, когда, хотя бы приблизительно, возникли считалки. Во всяком случае многие из них одинаково хорошо служили играм бабушек и прабабушек, родителей и детей, внуков и правнуков.

— Заяц, белый,

Куда бегал?

— В лес дубовый.

— Что там делал?

— Лыко драл.

— Куда клал?

— Под колоду убирал.

— Вынь — по ложь!

Кого берешь?

Этого?

Вот этого?

Которого берешь?

Очень старая и очень известная это считалка.

Много ли сейчас дубовых лесов осталось? Кто сейчас лыко дерет? (Из лыка лапти плели, кошели, корзины разные.)

Она имеет и другую концовку:

— Кто украл?

— Родион!

— Выйди вон!

Бесчисленные поколения ребят пронесли эти образы в своих песенках. А воевода из считалки «Катилосся яблочко...»? Кто из малышей и 30, и 50, и даже 100 лет назад мог толком объяснить, что это означает? Ведь воеводы на Руси были несколько веков назад.

Но это еще не такое диво.

Я намеренно не говорил пока о большой группе считалок, которые на первый взгляд совсем лишены смысла. Их так и называют иногда — заумными:

Пача,

Хоп, хоп,

Лача,

Цайду, брайду, риту,

Дерень,

Малайду, брайду, риту,

Бук,

Малай,

Шабук.

Да.

Что это такое? Ни одного слова не понять?

Эники, беники,

Си, колеса,

Эники, беники,

Са (или: ба).

Иногда среди этих бессмысленных слов попадают и обыкновенные слова:

Эники, беники,

Ели вареники,

Эники, беники,

Ба.

Или:

Эни, бени,

Ел пельмени...

Но считалка от этого не становится более понятной, и видно, что понятные слова тут совсем не обязательны, они не главные, их можно заменить любым другим, лишь бы складно было и ритм не нарушился. Выпишу три считалки. Все три записаны в Ленинградской области:

Чикилики, микилики,

Летели голубилики

По кусту, по мосту, По белому лукосту.

Птичка,

Клетка,

Соколик,

Вон.

Чикнрнки, микирики,

По кусту, по насту,

По лебеди баласту,

Чаво, пиво,

Два алтына,

Солнце,

Бронце,

Луковка.

Сикеликн, микелики,

По кусту, по насту,

По дереву баласту,

Стульчик, яльчик,

Поляна, сокол,

Шишел, вышел,

Вон пошел,

Под карету

Спать

Ушел.

Замечаем, что самой устойчивой, повторяющейся во всех трех считалках является начальная часть: «Чикилики (или чикирики, или сикелики), мики- лики (или микирики, или микелики)». В общем-то похожи и следующие две строки:

По кусту,

по мосту,

По кусту,

по насту,

По кусту,

по насту,

По белому лукосту...

По лебеди баласту...

По дереву баласту...

Две концовки из трех близки к уже знакомым нам считалочным формулам.

Итак, отметим: смысла считалок мы не понимаем. Но вместе с тем мы не можем сказать, что это случайный набор слов. Хотя они записаны в разные годы, в разных деревнях, они, несомненно, являются вариантами одной и той же считалки. Значит, в кажущейся бессмыслице скрыто какое-то содержание, смысл. Считалки, как говорит само название, предназначены для счета. Во многих из них действительно упоминаются цифры:

Раз, два —

Голова,

Три, четыре —

Прицепили,

Пять, шесть —

Сено везь,

Семь, восемь —

Сено косим,

Девять, десять —

Деньги весить,

Одиннадцать, двенадцать —

На улице бранятся,

В избе ссорятся.

Такие же считалки есть и у других народов. Вот, например, английская:

One, two — buckle my shoes. Раз» два — застегни мои башмаки,

Three, four — open the door . Три, четыре — открой дверь,

Five, six — pick up sticks . Пять, шесть — подними палку,

Seven, eight — lay the straight. Семь, восемь — ложись прямо
,

Nine, ten — a good fat hen. Девять, десять — хорошая жирная курица
,

Eleven, twelve — I hope you're well. Одиннадцать, двенадцать — будь здоров.

Во многих считалках названия чисел искажены, но довольно легко угадываются: «Первинчики, другинчики» или «Перводан, другодан», «Первошка, другошка», «Одиян, другиян». Да я и сам с детства помню такую считалку:

Ази, двази,

Тризи, ризи,

Пята, лята,

Шуби, руби,

Дуби, крест.

В те же примерно годы Г. С. Виноградов, замечательный собиратель и исследователь детского фольклора, записал похожую считалку в Сибири:

Ази, двази,

Тризи, изи,

Пятам, латам,

Шума, рума,

Дуба, крест.

Когда эти страницы о считалках были уже написаны, мне позвонил знакомый писатель и сказал: — Я знаю, вы считалками интересуетесь. Нужна вам такая?

Одинцы, дванцы,

Тринцы, волонцы,

Пятам', лядам,

Шохом, похом,

Дрикен, выкинь!

Тут мы тоже сразу определяем: одинцы — один, дванцы — два, тринцы — три, пятам — пять. Ученые утверждают: слово «крест», которое стоит в конце некоторых считалок, не случайно. В давние времена при счете после каждой десятки на бирках (особых дощечках) делалась для памяти зарубка, крест. И теперь еще говорят: «Заруби себе на носу», то есть запомни.

Итак, можно предположить, что в современных детских считалках отразился древний способ счета. Значит, не случайно и в считалке знакомого писателя, и в моей, и в виноградовской именно десять слов, счет идет от единицы до десяти.

Вероятно, и в считалках, которые начинаются с «ази», тоже идет счет (или сохранились остатки счета) до десяти, до первой зарубки, до креста.

Ани, бани,

Что под нами,

Под железными коврами?

ЭНА, ДУНА, РЕС.

Квинта, кванта,

Жаба, пест.

Наверняка «пест» здесь появился позднее, попал по созвучию, надо бы (или было прежде) на этом месте другое слово: «крест».

Ну а теперь пофантазируем.

Ази... Ясно, что это «один», «раз». В некоторых считалках так и есть: «Рази». Но мне хочется думать, что это просто совпадение. «Ази» — от старого названия первой буквы русского алфавита «Аз». В церковно-славянской письменности не было цифр, цифры обозначались буквами, только с определенным знаком. Единица писалась так: «ГГ». Значит, «аз», «ази» — это от названия буквы-цифры. Любители домино и теперь еще про единицы говорят «азик» (и никогда не говорят «разик»!).

Слово «ани» встречается в очень многих считалках и несомненно имеет отношение к «ази», «один»: в считалке оно всегда стоит первым и, значит, соответствует единице. Вот еще примеры:

Ана, дуна, шесь, Анка, дранка, Ан, дран,
Кинда, ринда, РЕЗЬ, Дри, бедру, Либестран,
АНА, ДУНА, раба, Фибер, фабер, Эта, фита,
Кинда, ринда, жаба. Фибер, фу. Канифан.

«Ани», «ана», «анка» — варианты одного и того же слова и близки к словам «эна», «эники».

Конечно, все это только предположения. Но когда просматриваешь десятки и сотни считалок, хорошо видно, как много в них одинаковых слов, строк — самых, казалось бы, бессмысленных, непонятных. Но почему же они — именно они! — так настойчиво повторяются? Эта повторяемость как раз и указывает на неслучайность таких созвучий. Потом происходит естественный процесс — одни слова утрачиваются, заменяются другими, похожими по звучанию (как вот «пест» и «крест»). И нужно затратить много усилий, чтобы докопаться до первоначальных, что-то означавших слов. Ребята ведь тоже все время сочиняют, делают какие-то добавления от себя. То им хочется непонятное сделать понятным, и тогда вместо «эники, беники, си, колеса» появляется: «Эники, беники, сыр, колбаса». А то им нравится щеголять красивыми, звучными непонятными словами, и они или придумывают их сами, или берут, откуда могут, — и прежде всего из языков тех народов, с которыми они общаются, живут рядом. Ученые давно заметили эти нерусские слова.

Но откуда эта странная, искаженная система: «ази», «двази», «тризи», «пята», «эни», «бени»?

Перед лицом невидимых божеств первобытные люди боялись обнаружить себя, свои намерения. Часто скрывались самые имена людей, каждый получал еще и какое-то другое, как бы запасное имя. Даже в наши дни иногда происходит нечто подобное. В майском номере журнала «Наука и религия» за 1976 год рассказывается:

«Индейцы, проживающие в Аргентине, часто меняют свои имена. Они делают это для того, чтобы избежать смерти, которая, как они считают, ведет списки всех семейств. Когда в индейской семье кто-нибудь умирает, все сразу же меняют свои имена, чтобы ввести в заблуждение смерть. Эти простодушные люди убеждены, что когда в следующий раз смерть посетит их семью, то ей трудно будет найти свою жертву».

Точно так же, чтобы духи, хозяева леса, воды, все эти лешие, водяные не узнали о приготовлениях к промыслу зверя и рыбы, орудие охоты, место охоты, звери тоже назывались иначе, условными словами. Когда школьник идет на экзамен, ему бабушка, или сестра, или товарищ говорит:

— Ни пуха, ни пера!

Но это ведь стариннейшее напутствие охотникам! И оно тоже как бы стремится обмануть подслушивающих хозяев леса, реки: ни пуха тебе, ни пера — не поймать, не убить птицу! Не сердитесь, духи, не следите за охотником, не мешайте ему!

У современных школьников в ходу такой стишок:

Ни пуха, ни пера,

Ни двойки, ни кола,

Ни тройки, ни четверки,

А круглые пятерки!

Тут все говорится впрямую: получить тебе пятерку. В древнем же пожелании истинный смысл скрыт, переиначен, высказан наоборот.

С такой же опаской относились первобытные охотники и к счету: вдруг духам покажется, что люди слишком много добыли зверя. Поэтому у них существовал прямой запрет на счет. Считать убитую дичь не разрешалось.

Недавно в дальней деревеньке угощала меня одна старушка блинами. Я ем и ем, а она все подкладывает и подкладывает.

— Спасибо, — кричу ей в ухо, — больше не могу, я уж, наверно, десять блинов съел.

А она серьезно отвечает:

— Нельзя считать, сколько съел! Плохо будет.

Если в городе маленький ребенок за столом начнет подсчитывать: бабушка съела три блина, а тетя Катя — шесть, родители тоже обязательно скажут ему: нехорошо считать, кто сколько съел, — это невежливо...

А один мой знакомый фольклорист рассказал, что в Воронежской области и теперь еще не принято считать гостей: кладут посуду, вилки, ложки на глазок, пересчитывать нельзя.

Да, это невежливо, нехорошо — считать кто сколько съел блинов или конфет. Но и в примете древней деревенской старушки, и в правилах вежливости современного образованного горожанина глубоко-глубоко упрятан тот самый запрет, который казался жизненно важным для первобытных людей.

Древние охотники, рыболовы, воины опасались выявлять себя, свою добычу, оружие в точном счете. Но так как, очевидно, без счета было не обойтись, появились тайные, условные, понятные только своим системы счета, основанные, конечно, на обыкновенных наименованиях чисел.

Детские игры часто воссоздают в измененном, искаженном виде многое из того, что было когда-то серьезным делом, обычаем взрослых. Разумеется, считалки ребят нынешнего и прошедшего веков не повторяют в точности те пересчеты, к которым прибегали наши предки, но что-то в типе некоторых считалок, в облике их, может быть, даже в отдельных словах есть и от далекой-далекой поры.

Детской игрой, полезной забавой является в наши дни и загадывание загадок. А прежде это тоже было занятием взрослых, и они относились к нему с большой серьезностью. Жизнь человека могла зависеть от одного удачного отгадывания!

Известна древнегреческая легенда о Сфинксе — чудовище с телом льва и головой женщины, которое обитало на скале около города Фивы. У всех путников Сфинкс спрашивал одно и то же: «Что ходит утром на четырех ногах, в полдень на двух, а вечером на трех?» Люди не могли ответить чудовищу, и оно пожирало их. Только герой Эней сумел догадаться, что речь идет тут о человеке: в детстве ребенок ползает, в зрелом возрасте человек свободно ходит, а в старости опирается на палку.

В главе о сказках уже шла речь об обряде инициации, посвящения юношей в полноправные члены рода. Обряд этот состоял в том, что молодой человек должен был выдержать тяжелые испытания, доказать свою физическую силу, мужество. А вот мудрость, ум, знания часто проверялись загадками. Загадки входили в обряд инициации.

И в сказках герой не только выполняет трудные задания — достает жар-птицу или коня золотогривого, — но и подчас, тоже рискуя головой, отгадывает загадки: сколько на небе звезд, кто сильнее всего, как глубока земля? Иногда женихи должны угадать замысловатые загадки невесты — царской дочери.

Загадки имели какое-то значение в языческой обрядности. В одном документе 1649 года говорится, что в воскресенье и в праздники люди должны ходить в церковь, а не заниматься непристойными играми. А то, мол, «многие человецы неразумением веруют в сон... и в птичий гай, и загадки загадывают...»

Ученые обнаружили удивительное совпадение: и старые народные загадки, и запретные слова древних охотников, воинов, первых землепашцев относятся к одним и тем же предметам, животным, явлениям природы.

Например, нельзя было прямо называть птиц, на которых охотились (утка, глухарь), птиц, которые наносили ущерб хозяйству (коршун, ястреб, воробей). Все они есть и в загадках. А названия безобидных птиц вроде малиновки, чечетки, щегла, стрижа не были под запретом — птицы эти не были связаны с заботами людей о своем благополучии. И что же: они отсутствуют и в загадках!

Итак, можно сделать вывод: загадки имеют какое-то отношение к иносказательной речи.

В давние времена, пишет один ученый, у удмуртов устраивались специальные вечера загадок. Старшие загадывали младшим загадки — и не вразброс, как придется, а в определенном порядке. Сначала шли загадки о человеке, потом о доме и вещах, которые в нем находятся, потом о дворе, огороде, саде, пасеке, о полях, лесах и в самом конце — о явлениях природы.

Значит, загадывая загадки, старики не стремились запутать молодых отгадчиков, а, наоборот, строгим порядком вопросов как бы помогали им. Это уж больше похоже не на игру, а на урок.

По-видимому, в древности именно таким образом выучивали молодые люди иносказательную, условную речь, и что-то подобное удмуртским вечерам загадок было в обычае и у других народов.

Тайного языка охотников, рыболовов, воинов и первых землепашцев мы, конечно, не знаем. Но какие-то его остатки, следы его дошли до нас.

Широко использовался он в русской свадьбе. Люди боялись, что злые силы испортят будущий брак. Надо было скрыть свои намерения.

И вот приходили сваты сватать невесту и начинали вести окольную, непрямую речь:

— У вас товар, у нас купец...

Или:

— Вот мы — охотники, охотились на куницу, да потеряли ее. Не забежала ли она к вам?..

Простейший способ создания нового слова вместо запретного — найти его близкое созвучие. И не важно, что оно не имеет никакого смысла, — это даже лучше.

В считалках мы отмечали такие замены: не «два», «три», а «двази», «тризи». Точно так же и в загадках.

«Два Петра в избе». Отгадка: «Два ведра в избе».

Самовар — сихохор, тон да тотонок — пол да потолок.

В сборнике загадок читаем:

«Что такое самсоница в избе?» Ответ: «Солоница» (солонка).

Но что это — загадка или вопрос на знание слов тайного языка, похожий на те, что задавали удмуртские старики? Скорее всего и то, и другое. Вот, по-видимому, таким путем — рядом с условной речью, как считает советский исследователь В. П. Аникин, и рождалась, развивалась загадка.

Известный русский ученый и путешественник XVIII века Степан Крашенинников, говоря об охотничьих артелях в Сибири, рассказал о наставлениях, которые давал своим помощникам глава артели: чтобы охотники «по обычаю предков своих ворона, змею и кошку прямыми именами не называли, а называли бы верховым, худую и запеченкой». И еще Крашенинников добавил: «Промышленные сказывают, что в прежние годы гораздо больше вещей странными именами называли».

Вот перед нами настоящие, «живые» слова тайного языка. Как они созданы? Вместо животного названы его признаки, свойства: ворон — верховой, потому что летает; змея — худая, это тоже понятно; а кошка любит побыть в тепле, за печкой и потому названа запеченкой. Это уже меткий художественный образ.

Точно так же построены и многие загадки:

Поползушки ползут,

Побегушки бегут.

Поползушки — сани, побегушки — лошадь.
Вот загадка про корову:

Четыре ходастых,

Два бодастых.

Один хлебестун.

Взяты три признака коровы: ноги, рога, хвост, но они названы не прямо, а иносказательно, с намеком на слова «ходить», «бодать» и «хлестать».

Загадки просто клад для языковеда, для писателя, для всякого, кто любит родную речь. Нигде больше не встретить таких удивительных слов!

Тот, кто хочет больше узнать о загадке и самих загадках, обязательно должен прочитать сборник «Загадки русского народа».

Создатель этого сборника Дмитрий Николаевич Садовников прожил недолгую жизнь (он скончался в 1883 году 36-ти лет). Зато долгая жизнь уготована его книге. Вышла она больше ста лет назад, в 1876 году, и до сих пор остается одним из лучших и полных изданий загадок, ее снова и снова переиздают. Почти невозможно найти загадку, которой бы не было здесь.

Д. Н. Садовников родился и вырос на Волге. Он интересовался историей, записывал легенды и предания о Степане Разине. Разину посвящено и его стихотворение, ставшее народной песней: «Из-за острова на стрежень...

В предисловии к своему сборнику Д. Н. Садовников пишет:

«При поверхностном взгляде на народные загадки можно различить их главнейшие наслоения, самый порядок отложения последних. Древнейшие, каковы загадки о небесных светилах и явлениях природы, носят на себе ясные следы охотничьего и пастушеского быта, когда дикарь-человек почти не знал вещей и обстановки, весь зависел от природы той местности, на которой ловил зверей и пас стада. Следующее наслоение представляют загадки быта оседлого, земледельческого. Теплое жилье, хозяйство и орудия земледелия, большее общение с подобными себе вызвали новый ряд иносказательных представлений, определений одного предмета другим по какому-нибудь сходному признаку. Христианство и грамота отложили одно из последних наслоений; творчество детей внесло также свою дань».

И в самом деле, в загадках, как и в сказках, былинах, песнях, мы можем найти отголоски самых разных эпох.

Тур ходит по горам,

Турица — по долам;

Тур свистнет,

Турица-то мигнет.

(Гром и молния)

Это очень старые образы. Туры, вымершие животные, редко упоминаются в фольклоре.

Серое сукно

Тянется в окно

загадка про дым. Но почему он выходит в окно? А потому, что здесь имеется в виду курная изба, которую для тепла топили по-черному: печь не имела трубы, и дым выходил через маленькие оконца. А вот воспоминание о том, что раньше писали гусиными перьями:

Носила меня мать,

Уронила меня мать,

Подняли меня люди,

Понесли в торг торговать,

Отрезали мне голову,

Стал я пить И ясно говорить.

Многие загадки очень поэтичны, радуют необыкновенно удачными сравнениями: из-под кустика хватяш — это волк; выну изо рта ягодку, оближу и опять положу — это расписная деревянная ложка; а вот топор: кланяется, кланяется, придет домой — растянется. Некоторые загадки действительно трудно отгадать:

Кину не палку, Дом шумит, хозяева молчат.

Убью не галку, Пришли гости, хозяев забрали,

Ощиплю не перья, А дом в окошки ушел.

Съем не мясо. (Вода, рыба, рыбаки с сетью)

(Удочка и рыба)

Немало в загадках, особенно в более новых, насмешки над барином, религией и даже над царем. Что царь видит редко, бог никогда, а мы всегда? Ровню. Пастух стадо пасет, а редко видит, — это тоже царь. Встречаются и просто шутки, игра слов, забавные задачи.

Чего не лень делать? Чесаться.

Какой в реке камень? Мокрый.

Почему солдат ходит в русских сапогах, а матрос в штиблетах? 1 (Подразумевается: «По чему...» — тогда и ответ неожиданный: по земле.)

А кто такой сын отца моего, а мне не брат? Я сам.

У кого есть ответ на все случаи жизни — и когда у тебя горе, и когда радость? Молод ты, стар, болен, здоров, двойку в школе получил, о делах своих задумался — на всякое твое переживание, на любую новость сразу отзовется, даст разумный совет, наставление, утешит, развеселит.

ПОСЛОВИЦА

Есть пословица и про Ивана Петровича! Пословица знает все про всех. Зато и мы хорошо знаем ее. Пословицей (добавим сюда еще ее родственницу — поговорку) называют краткие изречения; люди употребляют их почти так же легко и непринужденно, как слова собственной речи. Но все-таки пословицы и поговорки не просто слова, не просто разумные фразы или верные жизненные наблюдения.

Я могу сказать: «Чем раньше ты будешь вставать, тем больше дел ты успеешь сделать». Думаю, никто не откажется назвать это неуклюжее словесное сооружение пословицей, хотя по мысли оно правильно. А вот выражение «На печи лежа генералом не будешь», несомненно, пословица.

Какой бы короткой ни была пословица, это все-таки законченное художественное произведение. Оно радует нас не только метким наблюдением, но и тем, как ловко, красиво оно выражено. Его и запомнить гораздо легче.

Ты меня, работушка, не бойся, я тебя, работушка, не трону!

Но самое главное: мысль по большей части высказывается здесь не прямо, а как бы иносказательно, обиняком, образно, то есть с помощью каких-то образов, примеров. И каждый этот образ, пример годится не только для данного случая, а имеет еще и более широкое значение, годится и для многих других случаев. Будешь лежать на печи — не станешь генералом. Но ясно, конечно, что тут не только генерал или, скажем, полковник имеется в виду, — вообще не станешь заметным, уважаемым человеком. «На печи лежать» — а можно и на кровати лежать. А можно и не на кровати валяться, а на диване. А можно и не валяться, а все равно быть бездельником. Значит, самый общий смысл этой поговорки: будешь лениться — ничего из тебя не выйдет.

В старину говорили: «Чему Ваня не научился, того Иван не выучит». Понятно, что относится это и к Пете, и к Коле, и к Мане, и к Тане — к любой девочке и мальчику: упустишь золотое время — потом, когда станешь взрослым, не наверстаешь!

Корова черна, да молоко у ней бело.

Остер топор, да и пень зубаст.

И эти пословицы можно употреблять в самых разных случаях. Так, например, могли говорить крестьяне, угнетаемые господами. Поговорка о черной корове может прозвучать в любых обстоятельствах, при

которых внешность не соответствует внутреннему содержанию явления. А пословица о топоре и крепком пне будет к месту, когда происходит любое единоборство, любая борьба, любой спор.

Пословицы отличаются устойчивой художественной формой. Нередко они имеют рифму, иногда очень затейливую, многократно повторяющуюся:

Кот скребет на свой хребет.

Пословицы отличаются от повседневной разговорной речи особым складом, ритмом. Ухо сразу улавливает этот ритм:

Кого впряг — и ехать так.

Нежданный гость — немытые ложки.

И, как в стихах, слова подбираются здесь не только по смыслу, но и по звучанию — гласные и согласные звуки повторяются, как бы перекликаются:

Рыба в реке — не в руке.

Вон как звук «р» укрепляет, связывает и украшает фразу. Она стала звонкой, выделяется. Да еще и рифма есть!

Пословица часто имеет двучленное построение:

Тише едешь — дальше будешь.

Много знать — мало спать.

Если кратко говорить, в чем разница между пословицей и поговоркой, то, пожалуй, эта двучленность, завершенность и есть свойство пословицы. Пословица — законченное суждение. А поговорка, приговорка, присловье употребляется в любой фразе, они менее самостоятельны:

Почем фунт лиха.

Сулить золотые горы.

Одного поля ягода.

Делить шкуру неубитого медведя.

Пыль в глаза пускать.

Искать вчерашний день.

Белены объелся.

Поговорка имеет более узкий, конкретный смысл, пословица — шире. Но в общем-то они очень близки друг к другу, их всегда печатают и изучают вместе.

Родились пословицы и поговорки в глубокой древности, наверное, вскоре после того, как люди овладели речью, развили речь. И некоторые напоминают об очень давних временах и представлениях. «В тихом омуте черти водятся» — сколько веков назад могло возникнуть это!

Много пословиц и поговорок сохранили наши летописи, а также произведения древнерусской литературы. В летописи рассказывается о том, как обры (авары), покорив славянское племя дулебов, жестоко притесняли их. А затем, — видимо, эпидемия была или какое-то стихийное бедствие произошло, но только все обры погибли, умерли. Летописец, живший 800 лет назад, завершает эту историю, которая произошла задолго до него, такими словами: «Есть притча в Руси и до сего дня: погибоша, аки обре» (то есть погибли, как обры). Это самая настоящая поговорка. Ее и сейчас можно услышать.

И сейчас говорим мы: «Свинью подложить». Но, наверное, не все знают, что поговорка эта возникла в период борьбы Северной Руси с ливонским орденом. У немецких рыцарей было особое боевое построение клином, оно называлось свиньей... Отсюда и пошла поговорка.

Много пословиц и поговорок осталось от времен татаро-монгольского ига.

Выражение «Между двух огней» связано с тем, что все, кто приходил в орду, к хану, должны были пройти между двумя рядами костров (огонь, по представлениям татар, очищал от злых демонов).

Незванный гость — хуже татарина.

Пусто, словно Мамай прошел.

Старших и в Орде почитают.

Никакого пояснения, думаю, тут не нужно.

Погиб, как швед под Полтавой.

Голодный француз и вороне рад.

Это память о полтавской победе и об Отечественной войне 1812 года.

А не забыты, живут эти поговорки, связанные с вполне определенными событиями, только потому, что могут быть использованы и сегодня, в совсем других исторических обстоятельствах, по другому поводу. Например: «Пропал, как швед под Полтавой» — при всякой неудаче, а «Вот тебе, бабушка, и юрьев день» — при любом неожиданном известии (хотя возникла поговорка в связи с отменой права крепостных крестьян переходить раз в году, в юрьев день, к другому помещику).

А недавно я услышал выражение, родившееся, видимо, в годы гражданской войны:

Все в порядке — Буденный на лошадке.

Но когда заходит речь о новых, современных пословицах и поговорках, нужно проявлять большую осторожность, научную добросовестность. Мы уже говорили об этом применительно к частушкам. Во-первых, настоящие пословицы и поговорки имеют широкое распространение, они должны быть приняты народом, и, во-вторых, это хоть и краткие, но все-таки, как мы уже говорили, художественные произведения.

В одном сборнике я прочитал такие изречения:

Где наука служит для мира, там цветет и пустыня.

Кто открывает тайну, тот нарушает верность.

Правильные мысли. Но разве это художественные произведения? Ни складу в них, ни ладу, ни рифмы; и синтаксис у них сложный, письменный, а не разговорный. Имеют они расширительный смысл? Можно ли предположить, что они переходят из уст в уста, что они живут в народе, употребляются к слову, к случаю? Конечно нет. Это скорее всего сочинения каких-нибудь начинающих авторов, такие помещают в стенных газетах. Ничего плохого тут, разумеется, нет. Просто надо уметь отличать литературное творчество от устного народного творчества, от фольклора.

Прочитает неискушенный человек в красиво оформленной книге такое, например, неуклюжее выражение: «Без спорта нет силы, а без овощей

здоровья» — и скажет: «Ну уж и пословица! Ну уж и фольклор! Жвачка это, а не мудрость!»

А вместе с тем, конечно, мы живем не только старыми запасами. Фонд пословиц и поговорок все время обновляется. И в прошлом, и в наши дни постоянно рождаются новые меткие и художественно отточенные изречения.

Какую-то небольшую часть их давала литература.

Из басен И. А. Крылова в устный обиход вошли, стали пословицами и поговорками такие, например, стихи:

У сильного всегда бессильный виноват.

Услужливый дурак опаснее врага.

Ай Моська! Знать, она сильна, что лает на слона.

А ларчик просто открывался.

Множество пословичных выражений подарил нам А. С. Грибоедов:

И дым отечества нам сладок и приятен.

Служить бы рад — прислуживаться тошно.

Ну как не порадеть родному человечку.

Подписано — не плеч долой.

Карету мне, карету!

Ах! боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!

Смесь французского с нижегородским.

Вошли в устный обиход и некоторые пушкинские стихи:

Мечты, мечты! где ваша сладость?

А счастье было так возможно...

Из советских поэтов здесь в первую очередь следует назвать Михаила Исаковского. Строки из его стихов, ставших популярными песнями, обрели самостоятельную жизнь.

И кто его знает, чего он моргает.

Каким ты был, таким остался.

Поколение сменяет поколение. Постепенно и песня забудется, а удачное выражение живет в языке как безымянное.

Некоторые пословицы и поговорки иногда приходят в нашу речь из песен, из частушек, из сказок:

Стань передо мной, как лист перед травой!

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается —

сказочные формулы, они употребляются в разных сказках. А например, известная всем поговорка «Битый небитого везет» взята из определенной сказки — о волке и лисе, как бы подводит итог сказочной истории. Поговорки «Куда Макар телят не гонял», «На бедного Макара все шишки валятся» тоже, видимо, из какой-то сказки или притчи о Макаре. Но мы этой сказки не знаем. Может быть, она ушла из живого бытования или просто еще не записана.

Но основная масса, основной фонд пословиц и поговорок (а он насчитывает несколько десятков, если не сотен тысяч текстов) — это все-таки коренное народное творчество, тесно связанное со всем укладом жизни народа. А так как на протяжении многих веков русские люди занимались земледелием, то и пословицы и поговорки русские теснее всего связаны с бытом, заботами и представлениями крестьянина, человека, близкого к земле и природе.

Мышку стогом не задавишь.

Лисице и во сне куры снятся.

Что потрудимся, то и поедим.

Люди пахать, а мы руками махать.

В пословицах выражен народный опыт, наблюдения над жизнью, над человеком, мудрость народа.

«Наши пряли, а ваши спали» — можно целый рассказ написать! Или: «Недруг поддерживает, а друг спорит». Или: «Немудрено голову срубить — мудрено приставить»...

Народ осуждает человеческие недостатки и пороки: «Соврешь — не помрешь, да вперед не поверят» — о врунах; «Не покупай лишнего — продашь нужное» — о транжирах; «У него среди зимы снега не выпросишь», «У него всякая копейка — алтынным гвоздем прибита» — о скупых.

В русских пословицах и поговорках ощущаешь удадь, душевный размах:

Грудь в крестах — или голова в кустах!

Пан так пан, пал так пал.

А о традиционном русском гостеприимстве лучше всего говорят такие изречения:

Что в печи, — все на стол мечи!

Пушкин писал в свое время об особом ироническом складе русского ума.
Действительно, склонность к шутке, к дружеской, а иногда и едкой насмешке присутствует в большинстве наших пословиц и поговорок:

Я же виноват — меня же и бранят!

Думал — Дуня, а вышла Авдотья.

Лучше нет, так и Степка кум.

Седлан порты, надевай коня!

Бородавочка — телу прибавочка.

Отчаянный народ пошел! На полу спит — и то не боится!

Где щи — тут и нас ищи.

Поговорка может сказать очень зло и смело о ненавистных богатеях:

Были, были — и бояре волком выли.

а в какую-то минуту горько пошутить и над собственной нищетой:

Где наго — там и босо.

Нищему собраться — только подпоясаться.

— Как живешь? — Лучше тех, кто хуже нас!

А сколько было и существует в наши дни разных шуточных присловий, приговорок, баек:

Давай говорить,

Чего будем варить?

Один положить — маловато,

Два — жалковато.

Друг на дружку поглядим —

Не харчисто ли едим?

Когда же речь заходит о родной земле, о родине, поговорка, даже не теряя порой шутливой интонации, говорит очень серьезно, с глубокой любовью и лаской:

На чужой сторонushке рад своей воронushке.

Родная земля и в горсти мила.

Подобно всем произведениям фольклора, пословицы и поговорки тоже не остаются неизменными. Переходя из уст в уста, они переосмысляются, появляются в ином виде. Один человек может знать и употреблять поговорку:

Любит, как собака палку.

А другой с детства знает другую:

Любит, как собака редьку.

Какая верная и какая неверная? Обе верные; это не искажение, не забвение — собака действительно не любит ни палку, ни редьку... Это равноправные варианты.

Когда-то говорили: «На' тебе, убоже, что нам негоже» («На тебе, убогий (нищий), что нам не нужно»). А потом, когда стали люди меньше в бога верить, потеряли к нему уважение, появилась переделка:

На тебе, боже, что нам негоже.

Всего одна буква, один звук убран, а как сразу изменился смысл!

Хорошо всем известные пословицы не договаривали, не произносили полностью, а как бы только напоминали о них, намекали.

«Чудеса в решете» — кто не знает этой поговорки! Смысл ее всем понятен: мол, удивительные дела происходят. Но объяснить ее сумеет не всякий. А секрет в том, что лет сто и больше назад эта поговорка, оказывается, имела другой, более полный вид:

Чудеса в решете: дырок много, а вылезти некуда.

Вот теперь все понятно, верно? Понятно, почему именно в решете происходят чудеса: дырок много, а вылезти некуда.

Спросят:

— Как поживаешь?

И человек отвечает:

— Часом с квасом.

Раньше я думал, что «часом с квасом» — это значит: «Я плохо живу». Что такое квас, какая в нем особенная ценность? А потом узнал, что в старину поговорка звучала так:

Часом с квасом, а порой и с водой.

Следовательно, если с квасом, то хорошо. Хлеб есть, сухари есть, можно и квас приготовить. А вот уж когда одна вода — это плохо.

Произносилась в разговоре только первая часть, а вторая — подразумевалась, она ведь всем была известна. Но прошли годы, забылась вторая часть, совсем отпала. А поговорка живет. Даже в искаженном виде иногда живет.

«Попался, как кур во щи» — и сегодня можно услышать это очень старое выражение. «Кур» по-древнерусски — «петух» («курица» — женский род, а «кур» — мужской). Но щи из курятины вроде бы никто не варит и раньше не варили. На самом деле, в первоначальном виде, эта пословица была иной: «Попался, как кур в о щип». («Ощип» — от слова «ощипать».) Тут просто какое-то недоразумение произошло, ослышка.

А бывает и так, что для шуток, для освежения смысла древняя поговорка или пословица дополняется. Говорили: «Тех же щей — да пожиге влей» (смысл такой: все равно, одно и то же). А потом стали добавлять: «Тех же щей, да пожиге влей. Да погуще положи!» — тут уж двойная шутка получается. Говорили раньше: «Старый конь борозды не испортит» (мол, опыт помогает, заменяет недостающие силы). А теперь нередко можно и добавку ехидную услышать: «Старый конь борозды не испортит... но и не напашет ничего». Смысл получается прямо противоположный: молодая сила — главное. Тут как бы внутренний спор происходит.

Иногда пословицы и поговорки одного народа входят в устное употребление другого народа. Например, выражение «Ласковый теленок (или: ласковое теля) двух маток сосет» пришло к нам от греков, а «Быть не в своей тарелке» (когда человеку не по себе, чувствует себя не на своем месте) — перевод, да еще искаженный, с французского языка. Такие дословно взятые из других языков выражения называются «кальки».

Пословицы разных народов часто бывают очень похожими. Сравни:

Где огонь — там и дым (турецкая).

Нет дыма без огня (русская).

Или:

Друг — зеркало друга (таджикская).

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты (русская).

Хочешь узнать человека — узнай его друга (японская).

Ничего удивительного в этом сходстве нет: все народы наблюдают, улавливают одни и те же закономерности жизни, природы (если есть огонь, — значит, должен быть и дым).

Во всяком обществе, где есть бедные и богатые, возникают одни и те же обстоятельства: богатые эксплуатируют бедных, бедные сопротивляются этой эксплуатации, борются за свои права.

«Деньги льнут к деньгам», — говорят японцы, а русские еще короче, но то же самое: «Деньги к деньгам».

Все люди, на каком бы языке они ни изъяснялись, любят родину, родную землю, тоскуют о ней в разлуке.

Все народы одинаково уважают, прославляют лучшие человеческие качества: смелость, честность, щедрость, трудолюбие, все одинаково смеются над трусом, лентяем, завистником, глупцом.

А вместе с тем природа, историческое прошлое, бытовой уклад и способы добывания средств к жизни, трудовые навыки, психология у разных народов все-таки имеют свои отличия. Эти отличия и приводят к тому, что одна и та же мысль в поговорках и пословицах выражается неодинаково, через посредство разных образов, бытовых деталей, сравнений.

Русский человек, подвергающийся опасности с разных сторон, рисует свое положение поговоркой: «Оказался между двух огней» (вспомнилось татаро-монгольское иго!). А грек в таких же обстоятельствах, желая высказать ту же самую мысль, припомнит эпизод из гомеровской «Одиссее» (корабль Одиссея проходил пролив между Италией и Сицилией и оказался между двумя чудовищами, находившимися на разных берегах) и произнесет: «Оказался между Сциллой и Харибдой».

«В чужой лодке всегда больше рыбки», — скажет о завистнике русский рыбак; японец, для которого рис — главная еда, скажет: «Чужой рис всегда белее», а кореец, каждый день видящий на своем столе бобы, выразит то же самое чуть по-другому: «В чужой каше и бобы крупнее».

На русском языке изданы десятки и сотни самых различных сборников пословиц и поговорок. Одни подобраны по темам: например, пословицы и поговорки о родине, о родной земле, антирелигиозные пословицы и поговорки.

Есть книги, рассчитанные на широкий круг читателей — любителей русского языка, есть издания специальные, научные — в них сохраняются все особенности произношения, даются подробные сведения о их бытовании, применении. Но все это, по сравнению с книгой Владимира Ивановича Даля «Пословицы русского народа», как холмы рядом с горой. О «Пословицах русского народа», как и о словаре В. И. Даля, должен иметь понятие каждый грамотный (не говорю — образованный!) русский человек.

Владимир Иванович Даль (1801–1872) родился в местечке Лугани (ныне город Луганск). Отец его, выходец из Дании, с детства прививал сыну любовь к новой родине, к русскому народу и русской речи. По преданию, он приехал в Россию в качестве библиотекаря. Но, увидев, как мало в с; тране врачей и как они нужны, отправился в Германию, получил диплом врача и вернулся в Россию. Врачом стал и В. И. Даль.

В 30-е годы Даль близко сошелся с Пушкиным, Крыловым, Гоголем, Жуковским. Именно в это время в русской литературе зарождается реализм. Стремясь правдиво изобразить действительность, лучшие писатели обратились к народной жизни и устному народному творчеству. Не случайно в 30-е годы были созданы сказки Пушкина и Жуковского, повести Гоголя, построенные на фольклорных мотивах («Вий» и другие). В 1832 году издает свои сказки и Даль. Сказки эти, имевшие отчасти антирелигиозную направленность, были запрещены цензурой, изъяты из продажи, а автор их арестован. И хотя по ходатайству Жуковского Даль сразу же был освобожден, печатался он с тех пор в течение долгого времени только под псевдонимом. Зато писатели передового лагеря встретили сказки Казака Луганского самым горячим сочувствием. Пушкин подарил Дालю рукопись своей «Сказки о рыбаке и рыбке» с дружеской надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому сказочник Александр Пушкин».

Разносторонне образованный, интересующийся широким кругом вопросов, Даль был также естествоиспытателем, основавшим замечательный музей в Оренбурге, автором учебников по ботанике и зоологии, крупным хирургом, специалистом по глазным болезням, теоретиком медицины (он имел ученую степень доктора медицины, ему принадлежит одна из первых в России работ о гомеопатии), общественным деятелем (при его ближайшем участии было организовано знаменитое Русское географическое общество).

«Во всю жизнь свою, — писал В. И. Даль на склоне лет, — я искал случая поездить по Руси, знакомился с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень...»

Во время своих постоянных разъездов В. И. Даль собрал огромное количество народных песен, сказок, пословиц и поговорок. Богатейший сборник пословиц (около 30000), подготовленный к печати уже в начале 30-х годов, по цензурным условиям мог увидеть свет лишь в 1861–1869 годах. Песни Даля вошли в сборники П. В. Киреевского, а его записи сказок опубликованы в классическом собрании русских сказок А. Н. Афанасьева.

Неоценимая заслуга Даля перед нашим народом — создание «Толкового словаря живого великорусского языка», которому этот поистине неутомимый труженик отдал 53 года своей жизни. Словарь Даля насчитывает около 200000 слов. В. И. Ленин назвал его «великолепной вещью».

В старых изданиях, в старинных рукописях пословицы располагались просто в алфавитном порядке. В своем сборнике «Пословицы русского народа» Даль впервые распределил их по содержанию (этот принцип принят в науке и до сих пор). Разделы книги обычно озаглавлены парой противоположных по значению слов (антонимов), например: «Много — мало», «Работа — праздность», «Начало — конец». Иногда, наоборот, пара состоит из близких понятий: «Ремесло — мастерской», «Ученье — наука», «Язык — речь». Составитель старался дать не только возможно большее число пословиц, поговорок, присловий, но во многих случаях дает и их варианты («Конный пешему не товарищ», «Гусь свинье не товарищ»). Все непонятное Даль поясняет, часто указывает, в какой губернии распространено данное выражение. Есть тут масса присловий, шуток, загадок, задач, примет, прозвищ,

которые, строго говоря, не являются пословицами и поговорками. Но все вместе они так ярко, так глубоко раскрывают особенности живой русской речи, психологию народа, что книга эта может быть названа энциклопедией народной жизни.

Вот уже более века существуют словарь и сборник пословиц Владимира Ивановича Даля, и каждое новое поколение обращается к ним как к самым обширным и достоверным источникам для познания родной речи. Они были в библиотеках всех великих русских писателей второй половины прошлого века. Они и сегодня в каждой библиотеке, на столе каждого писателя, педагога, историка, студента. Эти книги бессмертны!

Человек решил написать рассказ. Какая будет у него первая фраза? Никто этого не знает, автор сам должен придумать ее.

А теперь представим, что этого же человека попросили рассказать (или даже написать, сочинить) любую сказку. Как ее начать, он не задумывается ни секунды.

«В некотором царстве, в некотором государстве...»

Можно и проще:

«Жили-были...»

Итак, зачин для каждой сказки отдельно заучивать не нужно. Почти во всех сказках зачины одинаковы. Так же и в былинах: «Как во славном было городе во Киеве, как у ласкова у князя у Владимира...». Не все, конечно, но очень многие былины начинаются именно так, с изображения пира у князя Владимира в его стольном, то есть столичном, городе Киеве. Здесь обычно завязывается действие: кто-то на пиру расхвастался или приходит сообщение о нападении врагов.

Казалось бы, в песнях все по-другому. А нет. Советский ученый Петр Дмитриевич Ухов утверждает: как и сказки, и былины, песни разного содержания нередко имеют одинаковые зачины. Во многих тысячах русских народных песен, говорит он, использовано всего несколько сотен зачинов. Он приводит примеры таких часто повторяющихся зачинов: о поле («Ах, далече- далече во чистом поле...»), о долине («Долина, долинушка, раздолье широкое...»), о буйных ветрах («Не бушуйте вы, ветры буйные...»), об утренней заре («На заре было, на зореньке, на заре было на утренней...»).

И даже в коротеньких частушках — а ведь их десятки тысяч! — зачины очень часто повторяются: «Я по бережку ходила...», «С неба звездочка упала... Только в моей коллекции я насчитал около двухсот разных частушек, начинающихся одинаково: «Я девчонка боевая...».

Но вернемся к нашей сказке.

Герой всегда одинаково вызывает своего волшебного коня — помощника: «Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» Дальше опять можно говорить, почти не думая, не напрягая памяти: «Конь бежит — земля дрожит». А красоту царевны как изображают? Тоже известно: «Ни в сказке сказать, ни пером описать».

Потом рассказчику надо отметить, что прошло какое-то время, и он очень складно и красиво говорит:

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Или: «Долго ли, коротко ли...».

Известно и как кончать сказку: «Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало». Есть у тебя усы или нет, или вообще сказку

рассказывает женщина — не имеет значения. Концовка сказки раз и навсегда определена.

То же самое находим и в былинах. Если уж богатырь, например, седлает коня, то почти всегда об этом говорится одинаково:

Ай тут старый казак да Илья Муромец,

Стал добра коня он заседлывать;

На коня накладывает потник,

А на потник накладывает войлочек,

Потник он клал да ведь шелковенький,

А на потник подкладывает подпотник,

На подпотник седелко клал черкасское,

А черкасское седельшко недержано,

И подтягивал двенадцать подпругов шелковых,

И шпилёчкн он втягивал булатные,

А стремяночки покладывал булатные,

Пряжечки покладывал он красна золота,

Да не для красы-угожества —

Ради крепости своей богатырской:

Еще подпруги шелковы тянутся, да они не рвутся,

Да булат-железо гнется, не ломается,

Пряжечка-то красна золота,

Они мокнут, да не ржавеют.

Между прочим, и во многих сказках так же описывается седлание коня, только менее развернуто: «...взял черкасское седельце и подтянул на двенадцать подпруг шелковых. Шелк не трется, а булат не гнется, а золото в грязи не ржавеет». Чтобы показать быстроту, с какой скачет богатырь, певцы былин использовали формулу:

Только видели доброго молодца сядучи,

Как не видели добра молодца поедучи... —

то есть видели, как он садился, а как он ехал — уже не успели разглядеть.

Вежество (вежливость, воспитанность) героя всегда характеризуется одинаково:

Крест-то клал по-писаному,

Да поклоны-то вел по ученому...

Богатырь сражается с вражеским войском:

Где он ни пройдет — тут улица,

Где ни повернется — проулочек,

Где он ни станет — тут площадью.

Есть у былин и формула концовки: «То старина, то и деяние» или «Тут ему (называется имя богатыря. — В. Б.) и славу поют».

Даже в маленьких считалках встречаются устойчивые формулы: «Родион, поди вон», «Шишел, мышел, вышел», «Выбирай себе любого». Считалки разные, а концовки — одинаковые.

И зачины, и концовки, и повторяющиеся формулы в середине фольклорного произведения называются полатыни *loci communes* (лоци коммунес), а по-русски — общие места, или типические места. И получается: чтобы рассказать сказку, исполнить песню или былинку, не обязательно помнить ее всю. Какие-то фразы, формулы, то есть общие места, всем известны, они одинаковы если не для всех, то для многих сказок, песен, былин. По подсчетам П. Д. Ухова, общие места в былинах занимают от 20 до 80 % текста! Какая огромная экономия для памяти!

Определения (эпитеты) в фольклоре тоже, как правило, устойчивы. Девушка — какая? Красная. Молодец — добрый, поле — чистое. Такие определения называются постоянными эпитетами. Их тоже нечего запоминать каждый раз отдельно. Какой волк в русских сказках? Всегда серый.

Но и это еще не все.

В эпитетах выражается отношение народа к персонажам произведений, его классовое чувство. Насильник — Идолище поганое; бояре — кособрюхие.

Бывают случаи, что эпитет вроде бы и не нужен, но оторвать его от определенного слова все равно невозможно.

Все правильно и понятно, когда исполнитель быliny называет Калина-царя собакой. Но так же величают его и свои:

Говорили татары таковы слова:

«Ай же ты, собака да наш Калин-царь!»

Больше того: Калин и сам себя не может назвать по-другому, как-нибудь повежливее. Вот послушайте, что он говорит Илье Муромцу:

Не служи-тко ты князю Владимиру,

Да служи-тко ты собаке царю Калину...

Это свойство эпитета — сохраняться без всяких изменений — помогло ученым разгадать некоторые загадки фольклора.

Например, в былинах Алеша Попович иногда изображается иронически, часто ирония эта выглядит неуместной, потому что Алеша действительно богатырь и совершает настоящие воинские подвиги.

Фольклористы уверены, что недоброжелательное отношение к Алеше возникло позднее, когда в народе утвердилось резко отрицательное отношение к духовенству, церковникам, попов. Алешино прозвище — Попович.

Вот сказители стали прибавлять, используя известную поговорку: «Лешенька роду поповского, глаза у него завидущие, руки у него загребушие». А постоянный эпитет, характеризующий Алешу, — «смелый». Эпитет донес до нас, как камень доносит очертания древнего растения, мысли и взгляды первых создателей и певцов былин.

Примерно то же самое произошло и с образом князя Владимира. Когда Илья Муромец привез в Киев Соловья Разбойника, он выглядит комически: от соловьиного свиста упал на карачки и вместе с княгиней и боярами ползает по двору. Да и в других былинах он нередко трусит, совершает некрасивые, неблагородные поступки: обижает Илью, не верит Илье, иногда даже сажает его в погреб. Но постоянный эпитет, который несмотря ни на что прикреплен к его имени, — «ласковый», «красное солнышко». Значит, первоначально в глазах народа образ Владимира, объединившего разрозненные княжества вокруг Киева, образ сильного князя был положительным. А в эпоху более позднюю, когда между князьями разгорелись бесконечные междоусобные войны, причинившие народу столько бедствий, отношение к княжеской власти, к князю изменилось, стало отрицательным. Поэтому и существует в былинах такая двойственность в обрисовке Владимира: вообще-то, он хороший, ласковый, а вот дела-то его часто не хорошие.

Но мы еще далеко не закончили разговор о художественных особенностях фольклора.

В фольклорных произведениях всегда встречается множество самых разнообразных повторов.

Повторяются отдельные слова:

Мимо дома, мимо каменного,

Мимо сада, сада зеленого...

Повторяются слова одного корня: горе горькое, чудным-чудно, сослужить службу.

И в песнях, и в сказках, и в былинах часто встречаются устойчивые сочетания слов, близких по значению, синонимов. Такие синонимические пары есть не что иное, как смысловой повтор: тоска-кручина, шел путем-дорогою, ходил-гулял молодец; солдат разгоревался-растужился (от слова «тужить»); Илья Муромец «прибил-прирубил всю силу неверную».

В песнях повторяются не только отдельные слова, но и целые строки (стихи), а иногда и несколько стихов.

По Дону гуляет, по Дону гуляет,

По Дону гуляет казак молодой,

По Дону гуляет казак молодой,

А дева рыдает, а дева рыдает,

А дева рыдает над быстрой рекой...

А дева рыдает над быстрой рекой...

Уберем повторы. Оказывается: чтобы усвоить эти четыре стиха, достаточно запомнить лишь два:

По Дону гуляет казак молодой,

А дева рыдает над быстрой рекой...

Представьте, что вы никогда не слышали этой песни. И вот при вас начали ее петь. Не пройдет и минуты, как вы уже поймете, догадаетесь, как она построена, и сможете подтягивать. Те, кто знают слова, начнут: «А

дева рыдает...» — и вы подхватите, два раза повторите это место, а потом ^еще раз всю строку: «А дева рыдает над быстрой рекой». И получается, что исполнение песни есть в то же время и какое-то занятие, урок, что ли, по ее заучиванию.

Теперь внимательно прочитаем свадебную песню. Ее любил Пушкин. Песню эту пела ему известная певица, цыганка Таня, накануне его свадьбы с Натальей Николаевной Гончаровой.

Девушка видит, что за ней едут, уже приехали, собираются насильно взять замуж. Она все более тревожно спрашивает мать: кто это едет, зачем? Мать, которая давно все знает, понимает, что происходит, успокаивает ее: не бойся, мол, никого нет. А сама, наверно, и жалеет дочь, и вспоминает, что и ее так же против воли отдали, и покорно думает: так уж заведено, ничего не поделаешь.

— Матушка! Что в поле пыль?

Родная! Что в поле пыль?

— Дитятко! Кони играют,

Милая! Кони играют.

— Матушка! Бояре едут,

Родная, бояре едут.

— Дитятко! Сиди, не бойся,

Милая! Небось, не выдам.

— Матушка] На двор въезжают.

Родная! На двор въезжают.

— Дитятко! Сиди, не бойся,

Милая! Небось, не выдам.

— Матушка! Во терем идут,

Родная! Во терем идут.

— Дитятко! Сиди, не бойся,

Милая! Небось, не выдам.

— Матушка! За стол садятся,

Родная! За стол садятся.

— Дитятко! Сиди, не бойся,

Милая! Небось, ие выдам.

— Матушка! Из-за стола встают,

Родная! Из-за стола встают.

— Дитятко! Сиди, не бойся,

Милая! Небось, не выдам.

— Матушка! За ручку ведут,

Родная! За ручку ведут.

— Дитятко! Господь с тобою,

Милая! Господь с тобою.

Заметили, сколько здесь повторов? Каждая фраза дочери и матери повторяется. Всюду одинаковые обращения: «матушка» и «родная», «дитятко» и «милая». Так что в памяти-то держать нужно гораздо меньше половины всего текста.

Разобрав песню, мы что-то узнали, поняли, но, как всегда бывает при этом, ослабло, пропало наше впечатление от нее. Перечитайте песню, не думая ни о каких приемах. Какое это глубокое, внутренне напряженное произведение (а ведь мы еще мелодии не слышали!). Оно не может оставить человека равнодушным.

Приемы-то, оказывается, спрятаны, не выпирают из текста, они сами приобрели огромную художественную ценность и выразительность. Это словно какая-нибудь деталь или колонна в прекрасном архитектурном сооружении: крепко держит стену или крышу, а выглядит просто как украшение, — нагрузки, которую она несет на себе, не ощущаешь, не видишь.

Но даже и это еще не все.

Мы, конечно, не знакомы со старинным свадебным обрядом так, как были знакомы с ним певцы-крестьяне.

Песня говорила им о хорошо известном порядке венчания: вот на разукрашенных конях приезжают бояре, или поезжане (так назывались участники свадьбы). Они (выписываю из песни) «на двор въезжают», «во терем идут», «за стол садятся», «из-за стола встают», «за ручку ведут» — то есть уводят невесту к венцу.

Как нельзя в обряде миновать сидения за столом, так нельзя и в песне пропустить это место. Сюжет, содержание, порядок строф были предельно ясны для каждого, кто пел эту песню.

Вот смешная байка:

Чикалка да брикалка,

Колотилка, стукалка,

Колотилка, стукалка,

А поддавалка, дергалка.

Чикала да брикала,

Колотила, стучала,

Колотила, стучала,

А поддавала, дергала!

Сколько строк из восьми надо помнить? Только четыре. Байка так ловко построена, что каждое слово второй части соответствует определенному слову первой части. И если знаешь первую часть, во второй уже не ошибешься: чикалка — чикала, брикалка — брикала...

На соответствии первой и второй части (только с внутренним противопоставлением) построена старинная песня, рассказывающая о солдатской жизни. Песня трагического содержания, ни о какой шутке и речи тут нет...

А внутренний композиционный стержень один и тот же.

Песня эта тоже прекрасна. Прочитайте, вдумайтесь в нее, почувствуйте ее красоту. А пела ее, эту песню, замечательная певица Клавдия Ивановна Притыкина (повторы я здесь не указываю, их очень много).

Ой да шли солдатики из походу Соловеюшка распевает,

Славным городом Костромою, К себе девушек, девок прикликает.

Звали-брали девушек, девок за собою. Не глядите-ка, девки, на балы,

— Вы пойдемте-ка, девки, с нами На солдатские на обманы!

Ой жить в Казани. Во солдатушках жить-то не дородно,

Во Казанюшке жить у нас дородно, Там земелюшки не хлебородны,

Там земелюшки хлебородны, Там хоть горы-то, горы высокие,

Там ведь горы, горы высокие, Да в горах камушки — все опока3,

В горах камушки золотые, А в лугах травушка все осока,

В лугах травушки шелковые, Что по речушке лес-то всё осинник,

Бежит речка-то, речка медяная, На осиннике сидит птица серая кокуша...

Ой струюшка золотая, Что кокушица скуковала,

Что по речушке лес-то малинник, А мать солдатская сгоревала.

На малиннике сидит соловейко,

Вот еще один пример особого построения народной песни, который тоже позволяет запомнить ее буквально с одного раза.

Песня игровая, хороводная. Играющие образуют круг, хоровод. В центре парень. Круг под песню движется, ходит и парень по кругу, выбирает себе будущую родню, а потом и невесту. Кого выбрал, тот входит в круг.

Ходил-гулял барин, мальчик бравый,

Он всё по хороводу гулял,

По веселому молодец,

Искал барин, искал барин,

Искал себе ТЕСТЯ, искал себе тестя.

Будь ты мне тестюшка, будь ты мне тестюшка,

Эх, а я барин — зять молодой,

Посмотрите-ка какой удалой.

Ходил-гулял барин мальчик бравый”,

Он все по хороводу гулял,

По веселому молодец,

Искал барин, искал барин,

Искал себе ТЕЩУ, искал себе тещу.

Будь ты мне теща, будь ты мне теща,

Эх, а я барин — зять молодой,

Посмотрите-ка какой удалой.

Ходил-гулял барин, мальчик бравый,

Он все по хороводу гулял,

По веселому молодец,

Искал барин, искал барин,

Искал себе ДЕДУШКУ, искал себе дедушку.

Будь ты мне дедушка, будь ты мне дедушка,

Эх, а я барин — зять молодой,

Посмотрите-ка какой удалой.

Ходил-гулял барин, мальчик бравы”,

Он все по хороводу гулял,

По веселому молодец,

Искал барин, искал барин,

Искал себе БАБУШКУ, искал себе бабушку. Будь ты мне бабушка, будь ты мне бабушка, Эх, а я барин — зять молодой,

Посмотрите-ка какой удалой.

Ходил-гулял барин, мальчик бравый,

Он все по хороводу гулял,

По веселому молодец,

Искал барин, искал барин,

Искал себе ДЯДЮШКУ, искал себе дядюшку. Будь ты мне дядюшка, будь ты мне дядюшка, Эх, а я барин — зять молодой,

Посмотрите-ка какой удалой.

Ходил-гулял барин, мальчик бравы”,

Он все по хороводу гулял,

По веселому молодец,

Искал барин, искал барин,

Искал себе ТЕТУШКУ, искал себе тетушку. Будь ты мне тетушка, будь ты мне тетушка, Эх, а я барин — зять молодой,

Посмотрите-ка какой удалой.

Ходил-гулял барин, мальчик бравы”,

Он все по хороводу гулял,

По веселому молодец,

Искал барин, искал барин,

Искал себе НЕВЕСТУ, искал себе невесту. Будь ты мне невеста, будь ты мне невеста,

Эх, а я вам и муж молодой,

Посмотрите-ка какой удалой.

Все добрые люди, все добрые люди,

Пожалуйста на свадьбу к нам!

Пожалуйста на свадьбу к нам!..

В старину, в патриархальной семье, очень строго выдерживался порядок старшинства во всем. Старики вспоминают, что ели из одной посуды — и первым опускал ложку глава дома, хозяин, а за ним уж, в раз и навсегда определенном порядке, опускали ложки другие члены семьи. Сначала ели жидкое, потом хозяин давал команду, и все, по очереди, доставали из супа мясо.

Вот и в этой песне выдержан порядок старшинства, по песне можно определить, кто в доме глава: родители невесты, тесть и теща. Потом старики, дедушка и бабушка, потом дяди и тетки, то есть братья и сестры хозяина и хозяйки дома и так далее. И еще: вся родня идет как бы парами — отец — мать, дедушка — бабушка, дядюшка — тетушка. Мужчина всегда назван первым. Женщина в прошлом не была равноправна с мужчиной.

Вся эта лестница старшинства была отлично известна каждому. Композиция (построение) песни такова, что порядок строф и помнить не надо, его просто все знали — ведь это была сама жизнь певцов, быт, который их окружал.

Ну а уж что касается каждой строфы, то ее запомнить легче легкого. Посмотрите еще раз на текст. Новое слово в каждой строфе выделено — оно только одно! А все остальные строки, слова всюду одинаковы. Только и дела, что заменяя «тестя» на «тещу», «дедушку» на «бабушку». И еще повторов сколько!

Невозможно, поняв построение этой песни, смысл ее, не запомнить ее с одного раза.

Вот еще одна свадебная песня. У нее совсем другое содержание. Девушка, невеста, гуляет с подругами. Ее по очереди зовут домой. Кто зовет? В каком порядке? Можно сказать заранее: сначала отец, потом мать, потом брат, потом сестра. Девушка не соглашается идти с ними. Наконец ее зовет жених, суженый, и она согласна идти с ним. (Здесь повторяется почти каждый стих, но я повторов целых строк не отмечаю.)

На горе стоит елочка,

Под горой стоит светелочка.

Во светелочке стол стоит,

За столом сидят девицы,

За столом сидят красные,

Все и Манины подруженьки,

Все Ивановны подруженьки.

Приходил тут родной батюшка,

Уж он звал меня с собой домой.

Я нейду, нейду, не слушаюсь идти —

Ночь темна, темна, немесячна,

Леса темны, караулов нет,

Речки быстры, перевозов нет.

Приходила родна матушка,

Она звала с собой домой.

Я нейду, нейду, не слушаюсь идти —

Ночь темна, темна, немесячна,

Леса темны, караулов нет,

Речки быстры, перевозов нет.

Приходил тут родный братец,

Он и звал меня с собой домой.

Я нейду, нейду, не слушаюсь идти —

Ночь темна, темна, немесячна,

Леса темны, караулов нет,

Речки быстры, перевозов нет.

Приходила родна сестрица,

Она звала с собой домой.

Я нейду, нейду, не слушаюсь идти —

Ночь темна, темна, немесячна,

Леса темны, караулов нет,

Речки быстры, перевозов нет.

Приходил тут сужен-ряженный,

Приходил тут Ванюшка,

Приходил и тут Иванович,

Он и звал меня с собой домой,

Я иду, иду и слушаюсь идти —

Ночь светла, светла и месячна,

Леса темны — караулы есть,

Речки тихи, перевозы есть.

Я записал эту песню недалеко от Ленинграда, в местах, где родилась Арина Родионовна Яковлева, няня Пушкина. Пушкин, как мы знаем, многое усвоил из фольклора с ее помощью. Вполне вероятно, что он слушал в нянинном исполнении и песню «На горе стоит елочка».

Песня очень красива. Белинский в одной из своих статей о народном творчестве целиком привел близкий к нашему вариант из сборника И. П. Сахарова «Песни русского народа» (1839) и назвал песню прелестной (там, кстати, более точен предпоследний стих: «Леса светлы...»).

А теперь посмотрим, сколько тут повторов, вообще самых разных мнемонических (то есть облегчающих запоминание) приемов. Тут и почти полные повторы строф, и лестница старшинства, которая определяет порядок? строф (отец — мать, брат — сестра), и композиционные повторы (параллелизмы), как в солдатской песне — с противопоставлением (ночь темна — ночь светла, речки быстры — речки тихи). Использован здесь еще один прием, о котором мы не говорили: противопоставление одного, главного героя всем остальным. В этой песне такой герой жених. Никого невеста не слушается — ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры. А жениха — слушается.

Герой выделен, он один-единственный из многих, у него другие, чем у всех, обстоятельства, другое настроение, положение.

Помню, в довоенные годы, когда я еще был пионером, мы любили народную песню времен гражданской войны:

Командир — братишка наш Буденный,

С нами шел он впереди.

Он командовал своим отрядом,

Веселил своих ребят.

Все ребята едут, веселятся,

Все на родину спешат.

Лишь один, один боец не весел,

Он был круглый сирота.

Буйну голову свою повесил

На гнедого на коня...

Так и в былине. Идет пир у князя Владимира:

А как все тут сидят, пьют, едят и хвастают,

А только один сидит, не пьет, не ест, не кушает...

сказать, что этот прием служит только для удобства запоми- еще и выразителен, помогает сосредоточить внимание слушателя на основном содержании. Именно после слов: все так-то, а один по-другому — и начинается главный рассказ, рассказ о самом важном для этого произведения.

Близок к этому и другой прием, который также сосредоточивает внимание на главном, на месте действия.

Дорожка, дорожка,

Что ж ты, широкая,

Что по той дорожке

Растут три садочка.

Во первом садочке

Кукушка кукует,

Во другом садочке

Соловей играет,

Во третьем садочке

Мать с сыном гуляет...

И дальше уже речь идет о матери и сыне. Этот прием называется приемом ступенчатого сужения образов. «В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, не на суше, не на море, а на одной кочке стоял город Новгород...» В этой шуточной присказке, вернее, в сказочном зачине легко угадывается тот же самый прием ступенчатого сужения образов — от большого к меньшему, как в матрешке: одна, в ней вторая, во второй третья. Известен этот прием и былине:

Из того было из города из Крякова,

С того славного села да со Березова,

А с той ли со улицы Рогатицы,

Из того подворья богатырского

Охоч ездить молодец был за охоткой...

В коротенькой частушке, кажется, он не встречается — места мало, не разгуляешься, каждое слово тут на учете.

Прием психологического параллелизма тоже очень древний. Как мы уже говорили, первобытные люди когда-то одушевляли природу, верили, что силы, стихии природы, животные, растения, солнце, луна так же сердятся, радуются, испытывают чувства голода, сытости, страха, как и сами люди.

Прием психологического параллелизма и состоит в сравнении, в уподоблении чувств и действий человека явлениям природы. Прием этот существовал в народной поэзии на протяжении многих веков, стал привычным, традиционным, приобрел особую художественную выразительность.

Зеленый дубочек к земле, приклонился,

Молодой мальчишка о чем-то зажурился.

Иногда сравнение может иметь как бы отрицательный характер. Но смысл его от этого не меняется.

Не сырой дуб к земле клонится,

Не бумажные листочки расстилаются, —

Расстилается сын перед батюшкой,

Он и просит себе благословеньца.

Прием психологического параллелизма широко применяется и в песнях, и в былинах, и в частушках. Он стал одним из основных художественных приемов народной поэзии.

Иногда все произведение состоит из двух развернутых параллельных описаний:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор, гор высоких
Вылетало гусей стадо,
А второе лебединое.
Отставала лебедушка
Прочь от стада лебединого,
Приставала лебедушка
Что ко стаду, ко серым гусям.
Не сумела лебедушка
По-гусиному кричати,
Начали гуси щипати,
А лебедушка кричати:
— Не щиплите, гуси серые,
Не сама я к вам залетала,
Занесло меня погодою,
Что погодою несноюю,
Что несным буйным ветром. —
Отставала тут Марьюшка,
Отставала тут Ивановна
Приставала свет Марьюшка, Приставала свет Ивановна
Ко молодым молодушкам.
Не сумела тут Марьюшка
Буйну голову повязывать.
Начали люди, люди судити,
А свет Марьюшка плакати:
— Не судите, люди добрые,
Не сама я к вам заехала,
Завезли меня добры кони,
Что кони Ванюшки,
Что добры кони Петровича.

Постоянные параллельные пары: молодец — дубочек, голубчик, красная девица — красное солнышко, голубка, лебедушка, яблонька — накрепко соединялись в сознании певцов.

«Голубчик» — мы и сегодня можем услышать такое обращение.

Стало возможным использовать, к примеру, образ дубка без второй части параллельного сравнения, не упоминая человека: каждому русскому певцу и слушателю и так было ясно, что речь идет о молодце. А если упоминается лебедушка, то это обязательно рассказ о девушке, о невесте. Так возникли в фольклоре образы, выражающие и чувства человека: радость — красная спелая ягода, яблочко, виноград; горе, печаль — горькие ягоды, повянувшие цветы, скошенная трава, наклонившееся дерево. Это уже образы-символы. Вот вариант свадебной песни, с которой мы только что познакомились. Здесь от второй части, где речь должна идти о девушке, осталась лишь одна строка (самая последняя), но все равно — «человеческий» смысл песни, горестные чувства невесты понятны, вызывают ответные чувства в том, кто поет, кто вслушивается в эту песню.

Что с-за лесу, лесу темного,
Эй, из-за садика зеленого,
Эй, улетаи там два стадийка:
Эй, одно стадо — гуси серые,
Эй, другое — лебеди белые.
Эй, отлучилася лебедушка,
Эй, прилучилась к серым гусям.
Эй, почали ее щипати-рвать,
Эй, по-гусиному скрикнула:
— Эй, не щиплите гуси серые,
Не щиплите, гуси серые,
Эй, не сама я к вам заехала,
Не сама я к вам заехала,
Эй, занесли меня буйные ветры,
Эй, буйные ветры все холодные,
Эй, добры кони все вороные.
Начали ее щипати-рвать.

Когда писатель хочет создать произведение, близкое по стилю к фольклору, похожее на фольклор, он обязательно применит приемы, о которых мы говорили сейчас.
Вспомним, как начинается первая часть знаменитой «Песни про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова:

Не сияет на небе солнце красное,

Не любуются им тучки синие:

То за трапезой сидит во златом венце,

Сидит грозный царь Иван Васильевич.

Позади его стоят стольники,

Супротив его всё бояре да князья,

По бокам его всё опричники;

И пирует царь во славу божию,

В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь царь повелел тогда

Вина сладкого заморского

Нацедить в свой золоченый ковш

И поднести его оприщикам.

И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,

Удалой боец, буйный молодец,

В золотом ковше не мочил усов;

Опустил он в землю очи темные,

Опустил головушку на широку грудь —

А в груди его была дума крепкая...

В первых же строчках поэт использовал прием психологического параллелизма (здесь — отрицательное сопоставление). В конце отрывка находим только что упомянутый прием выделения героя («Лишь один из них...»). Лермонтов широко употреблял постоянные эпитеты, свойственные русскому фольклору («солнце красное», «золотой венец», «вино сладкое заморское», «дума крепкая»). Он и сам старается создать эпитеты по типу фольклорных, как бы фольклорные («удалой боец», «буйный молодец», «очи темные», «широка грудь»). Ну а вся сцена разве не напоминает начало былины: пир, князь щедро угощает богатырей, все на пиру веселятся, и только один невесел...

Писателю важно вызвать в читателе особое настроение, состояние — он не старается быть точным, как ученый, и потому обычно не различает приемы песенные, былинные или свойственные только сказке. Ему важно, чтобы читатель почувствовал себя в стихии национальной поэзии.

Фольклор существует многие столетия. Люди приобщаются к нему буквально с первого дня жизни, с колыбельных песен, с потешек, баек. Поэтому фольклорный стиль, особые фольклорные слова, особые, присущие только фольклору конструкции фраз воспринимаются не просто как приметы своеобразного народно-поэтического стиля, а как что-то самое родное, дорогое, как родина, родная земля, родная речь. Это достоинство каждого человека и каждого народа в целом. Чувствуете, что стоит за этим: поле чистое... Степь широкая... Мать-сыра земля...

«У лукоморья дуб зеленый...» Как бы кто ни учился в школе, он все равно знает, чьи это стихи, наизусть знает:

...Златая цепь на дубе том.

Идет направо — песнь заводит,

И днем и ночью кот ученый

Налево — сказку говорит...

Все ходит по цепи кругом.

Но, вероятно, не всем известно, что этот знаменитый пролог к поэме «Руслан и Людмила» Пушкин создал на основе присказки. Среди его собственноручных записей народных песен и сказок, сделанных в Михайловском и Болдине, имеется и такая:

«У моря лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет».

А вот еще одна пушкинская запись. Она относится к концу 1824 года:

«Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвасталась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына... После трех месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоче месяц».

Через семь лет, в 1831 году, поэт написал «Сказку о царе Салтане». И начинается она так:

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
— «Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
— «Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Поэтический образ тридцати трех братьев-богатырей тоже использован Пушкиным. Помните: море
«...Закипит, подымет вой, хлынет на берег пустой, расплеснется в скором беге — и останутся на бреге»:

Тридцать три богатыря,

В чешуе златой горя,

, Все красавцы молодые

Великаны удалые...

А приметы тридцать четвертого, чудесного сына поэт перенес на царевну Лебедь. Это у нее месяц под косой блесит, а во лбу звезда горит.

Пушкин был одним из первых собирателей русского фольклора. Именно он сделал шаг от любительства к науке, к научному собиранию.

Он записывал сказки, он записал 61 песню, он очень интересовался пословицами и поговорками.

В чем состоит научность пушкинского подхода к народному творчеству?

Прежде всего, в точности записи. Многие песни, впервые записанные им, встречали и позднейшие собиратели.

У Пушкина:

Трубчатая коса За нею гонялася,

Вдоль по улице шла, За нею гонялася,

Жемчужная пчелочка За косу хваталася...

Спустя 100 лет С. А. Бугославский записал около села Михайловского (черты псковского диалекта я не отмечаю):

Трубчатая коса Жемчужная пчелушка

Вдоль по улочке пошла. За нею гонялася,

За косу хваталася

.

А посмотрите главу, где рассказывается о работе спиловских школьников. Там тоже пушкинская запись песни «Как при вечере было, вечере...» очень близко подходит к записи, сделанной 140 лет спустя. Но это еще не всё. Пушкин, записывая песни, отмечал их варианты. Например, песня «Девушка крапивушку жала...» оканчивается словами:

Что есть у меня одна матушка,

И да живет в деревне в печали.

Пушкин делает к последнему стиху такое примечание: «Поется также: Да и та старенька». Поэт внимательно изучал условия жизни фольклорных произведений, обстоятельства, при которых они исполняются. Пушкин, как мы теперь сказали бы, был не только фольклорист, он был и этнограф, и историк. К «Трубчи-стой косе...» он дает такое пояснение: «Дни за два перед девичником кладут на блюдо ленты из косы невестинной. Брат ее или ближайший родственник носит его по улице. Между тем поют: «Трубчатая коса...» и т. д.». Одно время Пушкин намеревался даже издать целый сборник песен. Сохранился конспект предисловия к этому, к сожалению, так и не вышедшему, сборнику. Особенное внимание обращает поэт на песни исторического содержания. Кстати, и самое название — «исторические песни» — впервые встречается здесь. А теперь этот термин употребляют все ученые. Свои записи песен Пушкин передал П. В. Киреевскому, который в эти годы объединил вокруг себя многих собирателей фольклора, писателей, ученых. Вот одна интересная литературоведческая легенда. Вручая Киреевскому свое собрание народных песен, Пушкин задал ему такую задачу: «Там есть одна моя, угадайте!» П. И. Бартенев, записавший этот рассказ со слов самого Киреевского, добавил^ «Но Киреевский думает, что он сказал это в шутку, ибо ничего поддельного не нашел в песнях этих». Почти то же самое вспоминает Ф. И. Буслаев: «Вот эту пачку, — сказал Киреевский, — дал мне сам Пушкин и при этом сказал: «Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам». И сколько ни старался я разгадать эту загадку, — продолжал Киреевский, — никак не могу сладить. Когда это мое собрание будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные». Здесь, как видим, речь идет даже не об одном, а о нескольких, по меньшей мере двух текстах. Записи Пушкина давно напечатаны. Обычно их помещают в приложении.

Как и предсказывал Киреевский, строки, созданные нашим величайшим поэтом, до сих пор идут за народные и вот уже полтора столетия как бы утрачены для читателя.

Интереснейшая задача — определить, какие же строки принадлежат Пушкину (а сомнения в точности его слов нет). Но нелегко это сделать. И прежде всего, потому, что Пушкин глубоко знал и изучал фольклор; он, по выражению Виссариона Григорьевича Белинского, был истинно национальным, народным поэтом. И в своем творчестве Пушкин часто обращается к фольклору. Вспомним, сколько народно-поэтических элементов в «Капитанской дочке»: там в эпиграфах к каждой главе песни и пословицы, ими пересыпана речь героев. А знаменитую песню «Не шуми ты, мати зеленая дубравушка...» поют пугачевцы. В его библиотеке были все лучшие сборники тех лет: «Древние российские стихотворения» Кириши Данилова, «Собрание разных песен» М. Чулкова, «Собрание старинных русских сказок», «Русские пословицы» И. Богдановича и многие другие.

Эти книги он постоянно перечитывал, использовал. По-видимому, «Не шуми ты, мати зеленая дубравушка» взята им из чулковского сборника.

Но чаще Пушкин обращался к живому, звучащему вокруг него фольклору. Он слушал песни, сказки Арины Родионовны, крестьян в Болдине и Михайловском, специально разыскивал песни о Пугачеве во время поездки в Оренбург. На ярмарках, в праздники, около монастырей, одетый в простонародную одежду, он знакомился с нищими, со слепцами, которые пели старинные духовные стихи.

Лермонтов — поэт иного склада, чем Пушкин. Но и он в своих произведениях, когда изображал народную жизнь, обращался и к устному народному творчеству. У него есть произведение «Ашик-Кериб». Это переложение восточной сказки. Слово «ашик» нам ничего не говорит. Но это не совсем точная передача хорошо известного слова «ашуг» — «народный певец».

Мы уже вспоминали «Песню про купца Калашникова». Как в былинах, описывается у Лермонтова царское застолье: все пьют и веселятся, только один молодец невесел... Точно так же, как и в былинах, поэт прибегает к гиперболе (преувеличению) в изображении красоты, богатства и силы героев. В «Песне про купца Калашникова», как и в народных песнях, много различных повторов, устойчивых фольклорных символов, сравнений, эпитетов.

Лермонтов создал в «Песне» и образ народных певцов; он приводит их приговорки и прибаутки («Ай, ребята, пойте — только гусли стройте! Ай, ребята, пейте — дело разумеете! Уж потешьте вы доброго боярина и боярыню его белолицую!»).

Степана Калашникова казнили.

Схоронили его за Москвой-рекой, Над его безымянной могилою;

На чистом поле промеж трех дорог, И проходят мимо люди добрые, —

Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской, Пройдет молодец — приосанится,

И бугор земли сырой тут насыпали, Пройдет стар человек — перекрестится,

И кленовый крест тут поставили. Пройдет девица — пригорюнится,

И гуляют, шумят ветры буйные А пройдут гусяры — споют песенку.

А недавно, перелистывая замечательную книгу М. Чулкова «Собрание разных песен», вышедшую более двухсот лет назад, я нашел песню, которая наверняка была известна Лермонтову, когда он работал над своей «Песней», — слишком уж много здесь похожего.

Молодец, герой этой песни, умирая, просит:

Положи меня, красна девица, во чисто поле,

При широкой дальной при дорожине,

В головах поставь, красна девица, золотой крест,

На груди поставь, душа моя, калену стрелу,

Подле бок клади звончаты гусли,

Во ногах поставь, красна девица, моего коня.

Буде стар человек пойдет — помолится,

Моему ли телу грешному поклонится.

Как охотники пойдут, так настреляются.

Буде млад человек пойдет — в гусли наиграется...

Хочу объяснить, почему я назвал сборник Михаила Дмитриевича Чулкова замечательным. Это одна из первых книг в России, в которой напечатаны подлинно народные песни, в том числе и такие, где выражались бунтарские настроения, прославлялись герои борьбы с барами, например, Степан Разин. Я сказал: книга. Но точнее было бы сказать — четыре книги. «Собрание разных песен» состояло из четырех частей, вышедших с 1770 по 1774 год. Вместе они составляют огромный том, насчитывающий многие сотни самых различных песен, — и народных, и сочиненных поэтами XVIII века. В 1913 году Академия наук переиздала три первые части чулковского песенника. К сожалению, четвертая часть утрачена. Несмотря на все усилия ученых, до сих пор не найдено ни одного экземпляра этой части. Такова ирония судьбы: книги скучные, плохие сохраняются лучше, чем книги интересные, любимые читателями. Русские писатели XIX века тоже ценили книгу Чулкова, хорошо ее знали. Она была, как я уже говорил, и в библиотеке Пушкина.

Буря море воздувает... Вихорь парус повеваает,

Ветер волны подымает, Меж волнами нос ныряет...

Сверху небо потемнело,

Кругом море почернело.

Разве не напоминают этот ритм, эта рифмовка «Сказку о царе Салтане»? Не так уж важно, что в песне изображено море бурное, а у Пушкина более спокойное. По-моему, звучала музыка этих строк в пушкинском сознании, когда писал он:

Ветер по морю гуляет И кораблик подгоняет...

А теперь пойдём дальше. Некрасов. Тут уж я просто не знаю, с чего начать. Некрасов главным образом писал о жизни крестьян. И конечно, он не мог пройти мимо крестьянского творчества — песен, сказок, поговорок, причитаний: в них раскрывались народные чаяния, выражались жалобы на трудную судьбу народа, говорилось о трагическом положении женщины в семье и по- истине клокотала ненависть к угнетателям.

В прошлом веке жила в Карелии крестьянка Ирина Андреевна Федосова. Она знала былины, старинные песни и была выдающейся исполнительницей плачей (причитаний). Ее приглашали на свадьбы, на похороны, на проводы рекрутов, и она складывала удивительные по своей выразительности произведения, от которых, по ее собственным словам, камни и те плакали.

В 1867 году петрозаводский учитель Е. В. Барсов познакомился с И. А. Федосовой и стал записывать ее причитания. В 1872, 1882 и 1886 годах вышли три тома «Причитаний северного края» Барсова, в основном составленные из произведений карельской вопленицы. Она стала знаменитой. Ее приглашали выступать во многие города России. На нижегородской ярмарке в 1896 году ее, уже глубокую старуху, слушал Горький. Он посвятил ей целый очерк. «Причитания северного края» знал В. И. Ленин. Возвращая вторую часть (где напечатаны рекрутские плачи), он поделился своими впечатлениями с В. Д. Бонч-Бруевичем: «Я внимательно прочел ее. Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий аракчеевско-николаевские времена, эту проклятую старую военщину, муштру, уничтожавшую человека». «Даже здесь, в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях, при помещике, при старостах, при начальстве, — и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер». И еще Владимир Ильич сказал: «Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, ~Мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение». Вот теперь и вернемся к Некрасову. Слева печатаем отрывок из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», из главы «Дёмушка», а справа — отрывок из «Плача о старосте» И. А. Федосовой. И тут и там — проклятие начальству.

Злодеи! Палачи! Вы падите-тко, горючи мои слезушки,

Падите, мои слезоньки, Вы не на воду, падите-тко, не на' землю,

Не на' землю, не на' воду, Не на божью церковь, на строеньице,

Не на господень храм! Вы падите-тко, горючи мои слезушки,

Падите прямо на' сердце Вы на этого злодия супостатного

Злодею моему! Да вы прямо ко ретивому сердечушку!

Ты дай же, боже господи! Да ты дай же, боже господи,

Чтоб тлен пришел на платьице, Чтобы тлен пришел на цветно. его платьице,

Безумье на головушку Как безумице во буйну бы головушку!

Злодея моего! Еще дай да, боже госноди, _

Жену ему неумную Ему в дом жену неумную

Пошли, детей — юродивых! Плодить детей неразумных!

Прими, услыши, господи, Слыши, господи, молитвы мои грешные,

Молитвы, слезы матери, Прими, господи, ты слезы детей малых!

Злодея накажи!

Можно умножить примеры. И Лев Толстой, и Максим Горький, и Маяковский, и Есенин — все они великолепно знали фольклор и использовали его в своих произведениях. Могу сказать с уверенностью: нет ни одного крупного русского писателя, поэта ли, прозаика — всё равно, который не стремился бы познать народную жизнь, а следовательно, и народное искусство.

По-разному использовали фольклор разные писатели. Одних привлекало его содержание, рассказ о быте, о жизни крестьянина, его вольнолюбивые стремления; другие старались создавать произведения, которые и по форме своей были бы похожи на народные.

В 60-е годы прошлого века, когда в России назревала революция, Некрасову казалось уже недостаточным обличать зло перед сравнительно узким кругом образованных читателей. Он решил создать произведения, которые были бы понятны всему народу, близки ему. Не случайно некоторые его стихотворения стали народными песнями.

Иногда писатели как бы цитируют фольклор. Так, Пушкин в драме «Русалка» без всяких изменений приводит народную песню «Сватушка», которую он сам же и записал. Речь героев произведений — людей из народа часто пересыпана подлинными пословицами, поговорками, прибаутками.

Но чаще фольклорные тексты, используемые писателем, претерпевают какие-то изменения. Иным становится их ритм (если, скажем, песня входит в состав стихотворения, как в лермонтовской «Песне про купца Калашникова»); сказки Пушкина, написанные особым складом, созданы на основе прозаических народных сказок.

Маяковский, наоборот, свои собственные произведения создавал в ритме, размере народной частушки. Очень интересно работал над фольклором Салтыков-Щедрин. Его сказки о премудром пескаре, о коняге, о том, как мужик двух генералов прокормил, его прекрасная книга «История одного города» близки к народному творчеству. И в народной сказке, и у Щедрина животные говорят, думают, как люди (да это и есть рассказ о людях, о их жизни).

В русском фольклоре есть большая группа сатирических и юмористических сказок о пошехонцах, глупых людях, которые толкнув в проруби размешивали, корову на крышу за выросшей травинкой поднимали, свет в избу мешками носили... Мы уже говорили о них. Глуповцы Щедрина, жители города Глу-пова, очень напоминают этих пошехонцев.

Но пожалуй, на этом остановимся. Боюсь, не подумали бы вы: писатель только и занят тем, что переделывает, обрабатывает фольклор.

На самом деле у писателя всегда есть свой замысел произведения, своя мысль. И народное творчество, народная речь лишь помогают ему, обогащают его замысел, придают художественную выразительность его произведению. Писатель опирается на мнение народа, которое выражено в фольклоре, опирается на вековой художественный опыт народа. Но «Песню про купца Калашникова» такую, какую мы ее знаем и любим, написал Лермонтов. А «Сказка о царе Салтане» — это гениальное пушкинское создание. И удивительная народная поэма «Кому на Руси жить хорошо» обязана своим рождением гению Николая Алексеевича Некрасова.

Пушкин записал песню о ненавистном народу Аракчееве:

Ты, Ракчеев-господин,

Всю Россию разорил,

Бедных людей прослезил,

Солдат гладом поморил...

А через несколько десятков лет писатель, революционный демократ М. Е. Салтыков-Щедрин создал гневную книгу «История одного города», высмеивающую царскую казенно-бюрократическую Россию.

Одним из главных сатирических персонажей этой книги стал Угрюм-Бурчеев — тот же Аракчеев.

Нет как будто прямой связи между народной песней и написанной в прозе «Историей одного города». А вот соединились, слились чувства, пронизывающие фольклорное и литературное произведение: ненависть к палачам и угнетателям народа, боль за несчастное его состояние.

Если писатель посвящает свою жизнь, все свое творчество народу, он не может пройти мимо искусства народа.

Итак, писатели обращаются к богатствам народного творчества часто и охотно. А как относится к литературе народное творчество?

Конечно, тут нужно учитывать многие обстоятельства. Ну, прежде всего, до революции народу были почти недоступны образование, книга. Поэтому крупные произведения вроде романа Л. Н. Толстого «Война и мир» или «Евгений Онегин» А. С. Пушкина не доходили до народа. Такие произведения не могут существовать в устной форме, их нужно читать.

Что же касается стихов, то они, хоть в какой-то степени, попадали в деревню. Крестьянские ребяташки учились обычно недолго — зиму-две. Но и за это время они успевали познакомиться с некоторыми стихами, которые печатали в букварях, хрестоматиях.

Бубнит какой-нибудь восьмилетний грамотей, учит наизусть заданное стихотворение. Тут же и его родители, младшие братишки, сестры (девочки еще меньше учились, а иногда и вообще ни одного дня не сидели за партой). Все рядом: один огонь — лучина или лампа. Все прислушиваются, что-то запоминают. Фольклористы знают: почти все стихи, которые учили в дореволюционной школе, остались в народе. Были и при царизме такие издатели, которые старались просветить народ. Они выпускали дешевые книжки, картинки разные. И конечно, больше всего было в этих книжках для народа и в народных картинках (они называются лубочными картинками) стихов.

Так, постепенно, начиная с конца XVIII века, народ воспринял довольно большое количество произведений русских поэтов — М. В. Ломоносова («Ночною темнотою покрылись небеса...»), А. С. Пушкина («Под вечер осенью ненастной... «Черная шаль», «Узник»), декабриста К. Ф. Рылеева («Ревела буря, дождь шумел...»), А. В. Кольцова («Не шуми ты, рожь, спелым колосом...», «Оседлаю коня...», «Хуторок»), М. Ю. Лермонтова («Сидел рыбак веселый...», «Выхожу один я на дорогу...», «В глубокой теснине Дарья-ла...»), Н. А. Некрасова («Что ты жадно глядишь на дорогу...», «Ой полна, полна коробушка...»), И. С. Никитина («Ехал из ярмарки ухарь-купец...»), И. 3. Сурикова («Что шумишь, качаясь, тонкая рябина...», «Спишь ты, спишь, моя родная...», «Сиротой я росла, как былинка в поле...», «День я хлеба не пекла...») и многие, многие другие.

Но народ не знал еще поэзии как отдельного, самостоятельного вида искусства. В народном творчестве стихи всегда соединены с музыкой, с напевом. Так вот и получилось, что произведения поэтов обрели форму народной песни, соединились с народной музыкой.

Такие песни имеют свое научное название: песни литературного происхождения. Хотя, разумеется, певцу было совершенно безразлично, какую поет он песню — исконно народную или кем-то сочиненную.

Попав в фольклор, песня литературного происхождения начинала жить по законам устного бытования: она становилась безымянной, исполнители подправляли ее, изменяли на свой вкус; появлялись варианты.

В 1822 году; молодой Пушкин написал стихотворение «Узник», которое сегодня знает каждый школьник. Неизвестно, как и когда попало это стихотворение в фольклор. Но видно, оно пришлось по душе народным певцам: в нем речь шла о стремлении к свободе.

У Пушкина стихотворение построена довольно сложно. Тут два персонажа — сам узник и молодой, прирученный орел. По смыслу стихотворения, орел тоже не свободен.

Сижу ва решеткой в темнице сырой. Мой грустный товарищ, махая крылом,

Вскормленный в неволе орел молодой, Кровавую пищу клюет под окном

.

В народных песнях орел — символ молодца; два этих образа как бы слились в один с помощью заметной только на слух переделки: пропала пауза после первой строки (то есть точка пропала, заменилась запятой):

Сижу ва решеткой в темнице сырой,

Вскормленный в неволе орел молодой...

Народных переделок, вариантов пушкинского «Узника» записано довольно много. И почти везде более сложный для восприятия на слух стих поэта упрощен. Упрощен, стал походить на подлинно народный и сюжет:

Сижу я в неволе, в темнице темной,

Ко мне прилетает орел молодой...

Интересно, что любимыми народными песнями становились не только произведения самых известных русских поэтов. Были такие, не очень и знаменитые, литераторы, даже литераторы-любители, которые, видимо, особенно хорошо знали песенное творчество народа, чувствовали его стиль, манеру и потому сами создавали произведения, подходящие для песни и по содержанию, и по художественной форме. Первым среди таких поэтов-песенников следует назвать актера Николая Григорьевича Цыганова. Скончался он в 1832 году в возрасте 33 лет. Но некоторые песни его живут и сегоднѣ, например, «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...». Цыганов писал такие стихи, которые почти невозможно отличить от подлинно народных:

Что ты рано, травушка, Что вы рано, цветики,

Пожелтела? Облетели
?..

Но видимо, народные вкусы менялись. Хотелось петь не только старое, хорошо известное, а и новое. Новое и по содержанию, и по форме.

Вот почему в конце XIX и в начале XX века в устный обиход вошли песни, которые не так уж и близки к фольклору: песни городские, песни-марши, песни революционные, например, «Варяг» («Наверх вы, товарищи, все пб местам...»), «Кочегар» («Раскинулось море широко...»), «Кузнецы» («Мы — кузнецы, и дух наш молод...»).

А в советское время популярными песнями стали некоторые стихи Демьяна Бедного («Как родная меня мать провожала...»), Владимира Маяковского («Возьмем винтовки новые...»), Василия Лебедева-Кумача («Широка страна моя родная...» и многие другие песни из кинофильмов «Цирк», «Веселые ребята», «Волга-Волга»). Но никто в этом отношении не может сравниться с Михаилом Васильевичем Исаковским.

Расцветали яблони и груши, И бойцу на дальнем пограничье

Поплыли туманы над рекой. От Катюши передай привет.

Выходила на берег Катюша,

На высокий берег на крутой. Пусть он вспомнит девушку простую,

Пусть услышит, как она поет,

Выходила, песни заводила Пусть он землю бережет родную,

Про степного сизого орла, А любовь Катюша сбережет.

Про того, которого любила,

Про того, чьи письма берегла. Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой.

Ой ты песня, песенка девичья, Выходила на берег Катюша,

Ты лети за ясным солнцем вслед На высокий берег на крутой.

У песни про Катюшу удивительная судьба.

Но сначала посмотрим, как построена, о чем говорит песня, которая так легко вошла в русский фольклор. Тема ее — разлука — тема песенная. О разлуке сложено много самых разных песен. Но они всегда тоскливые. В солдаты брали насильно, почти на всю жизнь, служба была тяжелая.

В песне Исаковского все не так, как было прежде: девушка, хотя и грустит, понимает необходимость расставания: «...пусть он землю бережет родную...». Это современная, советская песня по своему патристическому звучанию, по характерам героев, по светлому настроению.

Поэт не стремится подражать и форме старой народной песни. Но какой-то аромат старой народности в «Катюше» несомненно есть. Мы найдем тут и постоянный эпитет, свойственный фольклору (берег — крутой), и прием параллельного изображения природы и человека (в начальном куплете: «Расцветали яблони и груши... выходила на берег Катюша...»); да и поэт Катюша старинную народную песню («...про степного сизого орла...»).

Каждая строка здесь необыкновенно песенна: почти все конечные слоги открытые, кончаются гласным, а не согласным звуком; каждое слово прямо само поется: «Рас-цвета-ли яб-лони и гру-ши...».

Соединение, сплав старого, привычного, национального и нового, современного, советского, да еще песенность стиха, да еще прекрасная, легко запоминающаяся мелодия — все это способствовало быстрому распространению «Катюши».

«Катюша» — песня, самая мирная по своему содержанию, и написана она до Великой Отечественной войны. И все-таки ее можно назвать и боевой, и фронтовой. Она действительно была одной из главных песен нашей победы.

Весной 1945 года папа римский пригласил к себе советских партизан, воевавших в Италии, чтобы поблагодарить их за помощь в освобождении страны. И вот вообразите себе такую картину: наши воины вступают под своды старинного дворца, и на все ватиканское государство разносятся слова:

Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой...

Не случайно выбрали они эту песню — ведь «Катюша» была партизанским гимном. Ленинградский поэт Александр Прокофьев, посетивший Италию уже в послевоенные годы, не раз слышал ее, и он написал:

...«Катюша» впереди отрядов партизанских

Чуть не всю Италию прошла.

А для бойцов итальянского движения Сопротивления песня эта была еще и своеобразным паролем: если при встрече в горах незнакомый человек мог спеть русскую «Катюшу», значит, это русский, советский человек, бежавший из какого-нибудь фашистского лагеря, значит, друг, союзник. У итальянцев была и своя «Катюша», написанная на мелодию нашей, но имеющая другие слова:

Свистит ветер, и бушует буря,

Ботинки порваны, но надо идти вперед,

Чтобы завоевать свою весну...

Это стихотворение нашли в блокноте убитого майора-коммуниста (фамилию его установить так и не удалось) — и вот оно стало гимном партизан-гарибальдийцев...

Но начнем с начала.

В 1938 году поэт Михаил Исаковский набросал восемь стихотворных строк и положил их в стол — дальше что-то у него не получалось. Через год композитор Матвей Блантер увидел эти восемь строчек, они ему понравились, и он попросил автора закончить стихотворение. Тут же была написана музыка... И тут же пошла чудеса.

Новую песню не успели еще опубликовать, а ее уже знали, уже пели по всей стране. Для этого понадобилось немного: два или три раза ее исполнили с эстрады.

В 1943 году Исаковский получил Государственную премию. В постановлении назывались произведения, за которые поэт удостоен этой почетной награды, в том числе была названа и «Катюша». Но первой книгой Михаила Исаковского, в которой напечатана «Катюша», был сборник «Стихи и песни» 1944 года! Вот как бывает.

Катюша, девушка из песни, стала для миллионов людей близкой, как бы существующей, живой — настолько полно выражались в ее характере черты характера советского человека.

Вскоре появились произведения безымянных авторов, которые отвечали на песню М. Исаковского и М. Блантера, отвечали Катюше, героине этой песни:

Не цветут здесь яблони и груши, Каждый кустик здесь бойцу послушен,

Но леса чудесные растут. И враги границу не пройдут.

Грянула война. И родились новые слова, новые народные варианты песни:

Отцвели и яблони и груши, Не выходит, песен не заводит,

Проплыли туманы над рекой. Не встречает милый у ворот.

Не выходит на берег Катюша, Он на фронте с немцами воюет,

Не выходит на берег крутой. Его знает весь советский фронт...

В этих ответах безымянные авторы-бойцы клянутся Катюше защитить страну, рассказывают о своих ратных трудах пехотинца, связиста, артиллериста, моряка.

Те наши солдаты, которые 2 мая 1943 года штурмом овладели столицей фашистской Германии, в мае 1941 года были рабочими, инженерами, колхозниками, студентами — не были они солдатами. Но Родине понадобилось, и они стали ими. То же самое произошло и с Катюшей.

Как и ее любимый, она идет на фронт. Есть песни о Катюше — медицинской сестре, о Катюше — связистке, партизанке:

Жгли фашисты яблони и груши, А под вечер во главе с Катюшей

Всю деревню грабили подряд. Партизанский подошел отряд.

Известный ученый-фольклорист И. Н. Розанов собрал около ста произведений, продолжающих песню Исаковского и Блантера. Такого еще не бывало ни с одной песней!

Но и на этом не кончается история «Катюши». «Катюшей» стали называть на фронте самодельные зажигалки, а потом — первые реактивные установки.

В 1944 году М. В. Исаковский написал «Песню про «катюшу»:

И на море и на суше — Ходит русская «катюша»,

По дорогам фронтовым — Ходит шагом боевым.

Появились народные песни о «катюше» — миномете:

Расцветали яблони и груши, И к передней «катя» подходила,

К ним склонился синий горизонт, Подвозя снаряды за собой,

А с завода двигалась «катюша» И такую песню заводила,

По асфальту гладкому на фронт. Что фашисты поднимали вой.

А в конце песни воедино сливаются оба образа — и Катюши, героини первой песни, и «катюши» — грозного оружия.

Пусть он вспомнит девушку простую, Из врагов вытряхивает душу,

Пусть услышит, как она поет, А бойцам отвагу придает

.

Вместе с нашими воинами «Катюша» — песня вступила на освобожденные земли Европы. Ее запели в Болгарии и Венгрии, в Чехословакии и Польше. Ее любили и пели партизаны во Франции, коммунисты Испании. После войны Катюша снова обрела свой мирный довоенный облик. Песню о ней подхватили на всех континентах. В Японии, как писали газеты, появилось кафе «Катюша». В этом кафе обязательно, хотя бы один раз за вечер, исполняется «Катюша». А украинский поэт Андрей Малышко, побывавший в Соединенных Штатах Америки, свидетельствует: «Негры двое славили «Катюшу», ту, что Исаковский написал...». С огромным успехом исполнял «Катюшу» знаменитый американский певец и борец за мир Поль Робсон.

Запели «Катюшу» и те, кто поднялся за свою свободу, — кубинские патриоты, а позднее — партизаны Колумбии. Они пели русскую, советскую песню по-испански и потому называли ее героиню не Катюшей, а Каталиной.

«Никто не забыт, и ничто не забыто!» — эти слова принадлежат поэтессе Ольге Федоровне Берггольц, воспевавшей мужество непокоренного Ленинграда. И как солдата, совершившего подвиг, навечно включают в списки его части, так и «Катюша» навечно включена в репертуар одного хора на Смоленщине. Такого тоже не бывало еще в мире. Об этой удивительной истории рассказала газета «Правда» в номере за 6 ноября 1971 года в заметке «ПЕСНЯ О КАТЮШЕ»:

«Включить навечно в репертуар народного хора песню «Катюша» в память о комсомолке Катюше Помазкиной, погибшей от рук немецко-фашистских захватчиков».

(Из решения правления Дома культуры села Каспля).

Ее знали здесь многие. Знали в школе, где училась, по комсомольской организации, по художественной самодеятельности. Любила песни, особенно «Катюшу». После десятилетки Катя осталась работать в колхозе. Участвовала в концертах самодеятельности.

В первые же дни войны ушел на фронт ее муж, ставший политруком. Потом Смоленщину захватили гитлеровские оккупанты. Каждое утро односельчане видели, как Помазкина, принарядившись, шла на работу в полицейскую управу, где выдавались пропуска. Немногие знали, что она осталась в оккупации по заданию Касплянского подпольного райкома партии. Сколько советских людей с ее помощью было спасено от фашистского рабства.

Многие подробности о работе Помазкиной вскрылись совсем недавно, когда в Смоленске состоялся суд над изменниками Родины. Стало ясно, как погибли от рук гитлеровцев патриоты из села Каспля, в том числе и Катюша Помазкина.

Каратели вели арестованных вдоль берега реки, над которой еще клубился туман. У свежевырытой могилы вдруг раздался звонкий голос:

Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой...

Это в последний раз запела свою любимую песню Катюша Помазкина. Фашисты не дали Кате допеть, сразили комсомолку очередью из автоматов. Но песню уже подхватили другие. Выстрелы не могли заглушить ее. С песней на устах падали, сраженные пулями, директор школы М. С. Исайченков, коммунист Д. Ф. Калентеенков, комсомолки Дуся Помазкина и Шура Соенская, мельник Куличенков, кузнец Борис Соенский и многие другие.

Михаил Васильевич Исаковский занимает в советской литературе особое место. Он один дал народу песен на целую книгу... «Вдоль деревни», «Дан приказ: ему — на Запад...», «Ой, туманы мои, растуманы...», «И кто его знает», «Одинокая гармонь», «В прифронтовом лесу», «Где же вы, где же вы, очи карие...», «Летят перелетные птицы» — невозможно перечислить... Исаковский — подлинно народный поэт.

Ну а «Катюша»?

В одном из матчей чемпионата мира по хоккею в Швеции нашей команде пришлось очень туго. И тогда туристы-болельщики из Советского Союза, которые находились в зале «Юханнесхоф», встали и запели «Катюшу». Словно крылья появились за спиной у ребят. Игра пошла. Матч был выигран.

Наши знаменитые гимнастки 9 мая 1973 года оказались в Англии. Перед их выступлением диктор сказал по радио:

— Сегодня в СССР особый день — День Победы во второй мировой войне. Позвольте напомнить, что наши страны были союзниками в этой войне. А потому это и наш праздник. Поздравляем советских гимнастов!.. И оркестр королевской гвардии заиграл «Катюшу».

«Катюша» — самая знаменитая песня в литературе и в фольклоре. И не только в истории России. Никакую другую лирическую песню не знало, не пело, не полюбило столько людей в стольких странах!

«Катюша» — самая знаменитая песня в истории человечества.

ЧУДО- ГЯДОМ!

Не в такой мере, конечно, как прежде, но и сегодня, и не только в глухих местах, а даже в пригородных деревнях, в дачных, совсем, можно сказать, городских местах, живет бще^ старое искусство народа. В самом Ленинграде, в Удельном парке (ныне имени Челюскинцев), народные гулянья по праздникам проходили еще в XIX веке. Традиция эта продолжается и в наши дни. И сегодня в субботние и воскресные дни здесь собираются любители народной песни, частушечники, гармонисты. Члены кружка молодых фольклористов, среди которых есть и школьники, записали в этом парке частушек на целую книгу! Уже и рукопись под названием «Частушки Выборгской стороны» готова.

...Андрей Иванович Каргальский родился в 1904 году на Дону. Там он провел первые годы своей жизни. Но вот уже более полувека он ленинградец. Это настоящий кадровый рабочий, литейщик. Вроде бы и забыть можно было все то, давнее. А нет, не забылось. Сам он говорит о себе: «Казацкого во мне осталось душа да песня».

Ай да по край-то было али моря

Ай да моря синего,

Ай да на усть-то было али Дону Ти...

Ай да Дону Тихого

Ай да построилась она, избушоночка

Размалым-мала...

Вы думаете, какая это избушонка?

Столик-то в ней, скажем, стоял он

Всё из слоновой кости.

Да никто-то, скажем, в эту избушоночку не захаживал,

Ай да захаживал в нее вот и Петро Первый,

Там ру... ох н русский царь.

В песне вспоминается, ни много ни мало, о походе Петра I на Азов в 1694 или 1696 году. Вариант этой песни записан всего один раз — в 1866 году, да и то текст Андрея Ивановича имеет самостоятельное значение.

Вот вам и ленинградский кадровый рабочий!

...Ленинград еще не был построен. XVII век. Восстание Степана Разина.

Ай да появился в Астрахани

Вот и ну и дети... ай ну детинушка,

Ай да вот и незнакомый Разина человек.

Ай да вот и на нем сафьяновы да сапожечки

Они всё поскрипливают,

Ай да вот и да на нем-то да кафтан,

Ай да на махориках кафтан висит,

Ай да вот и на нем шапочка с прозуметами

Вот и всё на буйной его голове.

Ай да вот и он по городу похаживает,

Губернатору не здоровствует.

Это песня о сыне Степана Разина. Сын, сынок — посол Разина, доверенный человек. Он пришел в Астрахань, чтобы подготовить восстание. Напуганный губернатор уговаривает его, уже обращаясь как бы прямо к Разину:

— Ай да вот ты, Стенька, удалой казак,

Ай да иди же ты на Тихий Дон.

А тот отвечает:

— Ай да вот я еще тута погуляю,

Да я по Волге-матушке...

С помощью Андрея Ивановича мы можем опуститься в глубь времен еще на целое столетие. XVI век, царствование Ивана Грозного. Ермак отправляется в Сибирь:

На речке-то было, братцы, на Камышенке,

Там жили-проживали люди вольные.

Атаманом у них был Ермак Тимофеевич.

Что ни слово он говорил, точно в трубу трубил.

— Где же мы, ребяташки, зимовать будем?

На Яик нам пойти — перебитым нам быть,

А мне, Ермаку, — повешенным.

Так уйдем же, ребяташки, во Сибирь дальнюю,

Подальше да от глаз царя Грозного...

Андрей Иванович поет по-казачьи, неторопливо, с повторами, растягивая стихи, дополняя их различными вставными частицами. В каждой такой песне речь идет о могучем герое, о его думах, о его подвиге. Торопиться тут не стоит, скороговорка не годится. Да и условия исполнения способствовали развитию именно такой манеры.

Я спросил у Андрея Ивановича: от кого он услышал, перенял эти народные песни?

— Это всё у меня от моей семьи, — ответил он. — Родился и детство провел я на Дону. Там у нас все поют. А моя семья и на Дону была не последней. После окончания полевых работ наступали долгие осенние вечера. К нам собирались родственники и старики, которых давно уже нет в живых. И пели они старинные песни про князя Владимира, про Наполеона, Петра Первого и много других. А я где-нибудь лежу, на печке или за перегородкой, и слушаю. Часто так и засыпал под песни. Но видно, крепко они во мне засели, если и сегодня почти всё помню.

Когда Андрей Иванович навсегда уехал с Дона, ему было 20 лет. И значит, всё, что он знает, он усвоил до 20 лет.

Андрей Иванович поет не только исторические песни, но и хороводные, шуточные, плясовые, лирические. И в каждой ярко отражается боевая, беспокойная казачья жизнь:

Ай да на заре-то было ай, братцы, на зо...

Ай на зореньке,

Ай да на восходе-то было солнца кра...

Ай было солнца красного,

Ай да что не сокол с орлом солета...

Солетались,

Ай да что не сокол-то с орлом здоровля...

Ай они здоровлялися.

Ай да что не сокол у орла распра...

Ай спрашивал:

— Ай да ты скажи мне, орел сизокры...

Ай орел сизокрылый мой,

Ай да чем турецкое поле прнукра...

Приукрашено?

Ай да чи буграми да чи поле доли...

Ей-ей да чи поле долинами?

А орел отвечает соколу:

Ай да чн буграми чи да поле доли...

Ай долинами,

Ай да чи казачьими полюшко моги...

Ай полюшко могилами.

Вот еще одна старинная лирическая песня необыкновенной красоты и силы:

Ай да ты свети же, скажем, просвети,

Ай да батюшка да ты светел месяц,

Ай да ты свети же, скажем, просвети,

Ай да ты свети во всю линию,

Ай да чтобы видно мне было молодцу,

Ай да видно из плену убежать мне,

Ай да из турецкой неволюшки.

Конечно, прекрасен Музыкальный образ этой песни. Но мне, литератору, словеснику, всегда бывает очень обидно, что слушатели не получают полного представления об удивительной красоте содержания, о гармонических образах старой песни, о ее простой, но такой емкой композиции, о какой-то мудрой ее наивности.

Вот бежит казак из плена, из турецкой неволи и спрашивает себя:

А где же я, молодец, ночевать буду?

И сам себе отвечает:

Ай да заночую я, добрый молодец,

Ай да в поле при дороженьке.

Ай да что же я, молодец,

Ай да что же я в головах-то класть буду?

Ай да положу я, добрый молодец,

Ай да руку свою только правую.

Ай да чем же да ведь я, добрый молодец,

Ай да чем же я накрываться-то буду?

Ай да что покроет-то меня, раздоброго молодца,

Ай да ночка она темная, темная ночка...

35 лет занимаюсь я фольклором и не перестаю удивляться гениальной художественной одаренности нашего народа. И еще: какая удивительная у народа память! Вот пел Андрей Иванович про сына Степана Разина. В песне сохранилось воспоминание об очень давних исторических событиях. Но как точно показана расстановка социальных сил. Вообще, классовая память, если можно так выразиться, у народа наиболее крепка.

Песня донесла до XX века и множество деталей живой тогдашней действительности. Вот посмотрите, как одет посол Разина — одежда эта, разумеется, не повседневная, а нарядная, праздничная, богатая: на нем сафьяновые сапоги, кафтан с махориками (то есть с кистями), шапочка с позументами. Любой историк русской одежды с точностью до десятилетия датирует этот костюм.

Но пойдем еще дальше. Киевская, Новгородская Русь... Андрей Иванович запел о Садко. Вы подумайте: Садко! И сюжет исторически очень интересный, редкий, если не редчайший сегодня: Садко — представитель богатого и независимого еще в ту пору Новгорода насмехается над Москвой. Господин Великий Новгород, торговый город — богаче Москвы.

Ай да что продам я Москву да снова выкуплю,

Ай да что пожаром спалю ее, да лучше выстрою!

Ай да что казна-то она новгородская,

Ай да что богаче она князя московского.

Прикиньте-ка, сколько лет этому конфликту, если уже к 1478 году Новгород утратил свою независимость. Былина любит Садко, но она знает, на чьей стороне сила и историческая правда. И всё высказывается не отвлеченно, не прямо, а в одном эпитете:

Ай да в глупо м-т о уме Садко выхваляется...

Былина поется еще протяжнее, еще больше здесь повторений, возвращений: о самых важных предметах рассказывает она. Вот как выглядит начало былины об Илье Муромце:

У славного у князя,

Было князя у Влади... е-ай да, князя у Владимира,

Ай да вот и собиралася да у нас,

У нас пир да беседа, беседа она почтенная,

Она многорадостная.

Ай да что честна, хвальна беседа,

Она-то премногора... ай да, она многорадостная.

Ай да вот и во беседе той сидят,

Ай да сидят, скажем, али князя-бояре,

Сидят князя-бояре.

Ай да как на самом-то на важном месте

Сидел али во Влади... е-ай да, сидел во Владимир сам князь.

Ай да вот и да по правую да сторонушку Да сидел, скажем, али Илья Му... о-ай да,

Сидел Илья Муромец.

Ай да как по правую сторонушку

Сидел али Илья Му... ай да, сидел Илья Муромец,

Ай да вот и да по левую да сторонушку Да сидел али Дей Степа... а-ай да,

Сидел Дей Степанович...

Дей Степанович — чаще называют Дюк Степанович...

Вот такие песни знает Андрей Иванович Каргальский. Записано от него около ста песен — Ёдна лучше другой, одна старше другой (новые он, конечно, тоже хорошо знает). В 1979 году вышла книга «Песни донских казаков, напетые А. И. Каргальским».

А познакомился я с Андреем Ивановичем в литературном кружке Дворца культуры имени Крупской. Когда-то, в юности, он начал писать рассказы, потом надолго бросил. И вот, выйдя на отдых, снова решил заняться ими.

Узнал, что я интересуюсь песнями, и сказал:

— Так и я еще кое-что знаю! Я запишу.

И принес вскоре целую тетрадь собственноручно записанных песен. Открыл я ее, полистал. И обомлел: былины!

Эти былины, эти замечательные древние песни Андрей Иванович не пересказывал, нет — он пел их! И я записывал их на ленту магнитофона в Ленинграде, на седьмом этаже нового дома.

А на что, казалось бы, можно было надеяться, принимая из рук Андрея Ивановича его тетрадь?

Но всегда есть надежда. Нужно искать. Чудо — рядом!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фольклор собирали, исследовали десятки, если не сотни разных людей. Их общий труд и есть то, что называем мы современной наукой о народном творчестве, советской фольклористикой.

И я обязан был, как это и принято в науке, высказывая ту или иную мысль, делать сноску внизу: эту мысль или эту теорию впервые выдвинул такой-то ученый, в такой-то работе, на такой-то странице. Но поскольку я писал все-таки не научный труд, а популярный, я вынужден был отказаться от сносок. Там, где это было возможно, я старался говорить о книгах, об исследованиях своих предшественников, своих старших и младших товарищей, но, разумеется, делал это не в полной мере и не всегда.

«Я в этой книге отдал честь товарищам своим», — хорошо написал один поэт.

Мое уважение, моя благодарность самоотверженным, преданным своей науке собирателям и исследователям фольклора высказаны в посвящении.

Почти полвека назад великий писатель А. М. Горький обратился с призывом к литераторам, деятелям культуры — собирать фольклор. На этот призыв откликнулись и школьники. Свои записи они посылали в «Пионерскую правду». За несколько месяцев газета собрала и частично напечатала более пятисот сказок!

Все опубликованные сказки «Пионерская правда» подарила писателю и попросила его рассказать о том, что дали ему песни и сказки в детстве, какое значение имеет народное творчество для его собственной работы. В ответ Горький написал знаменитую статью «О сказках».